

Дмитрий МИЗГУЛИН
ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
1979–1994

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург
2019

Дмитрий МИЗГУЛИН
ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

1979–1994

Любавич – 2019

УДК

ББК

М57

Мизгулин Д.А.

М57 Избранные стихотворения: стихотворения (1979–1994) / Сост. В. Рыбакова, дизайн – А. Евменова, послесл. М. Рябий, корректор – В. Неёлова, ил. А. В. Евменов, А. А. Евменова, О. Н. Фахрутдинов, фото Д. Мизгулина – г. Баку, 1986 год. – СПб.: Любавич, 2019. – 272 с.

ISBN

Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда на то ни потратил.

Настоящий крупный поэт рождается сразу, это отлично видно по ранним стихам, вошедшим в настоящий сборник избранных 1979–1994: в них наличествует и музыка, и игра со словом, и неординарное мышление; мы видим, как формируется неповторимый авторский язык и стиль, образная система, как молодой поэт берётся сначала за пейзажные зарисовки, а затем уверенно переходит к лирике и поэтической философии

Ощущение просторов страны, дух путешествий и открытий захватывают читателя с первых страниц.

УДК

ББК

ISBN

© Д. А. Мизгулин

© А. В. Евменов, А.А. Евменова,

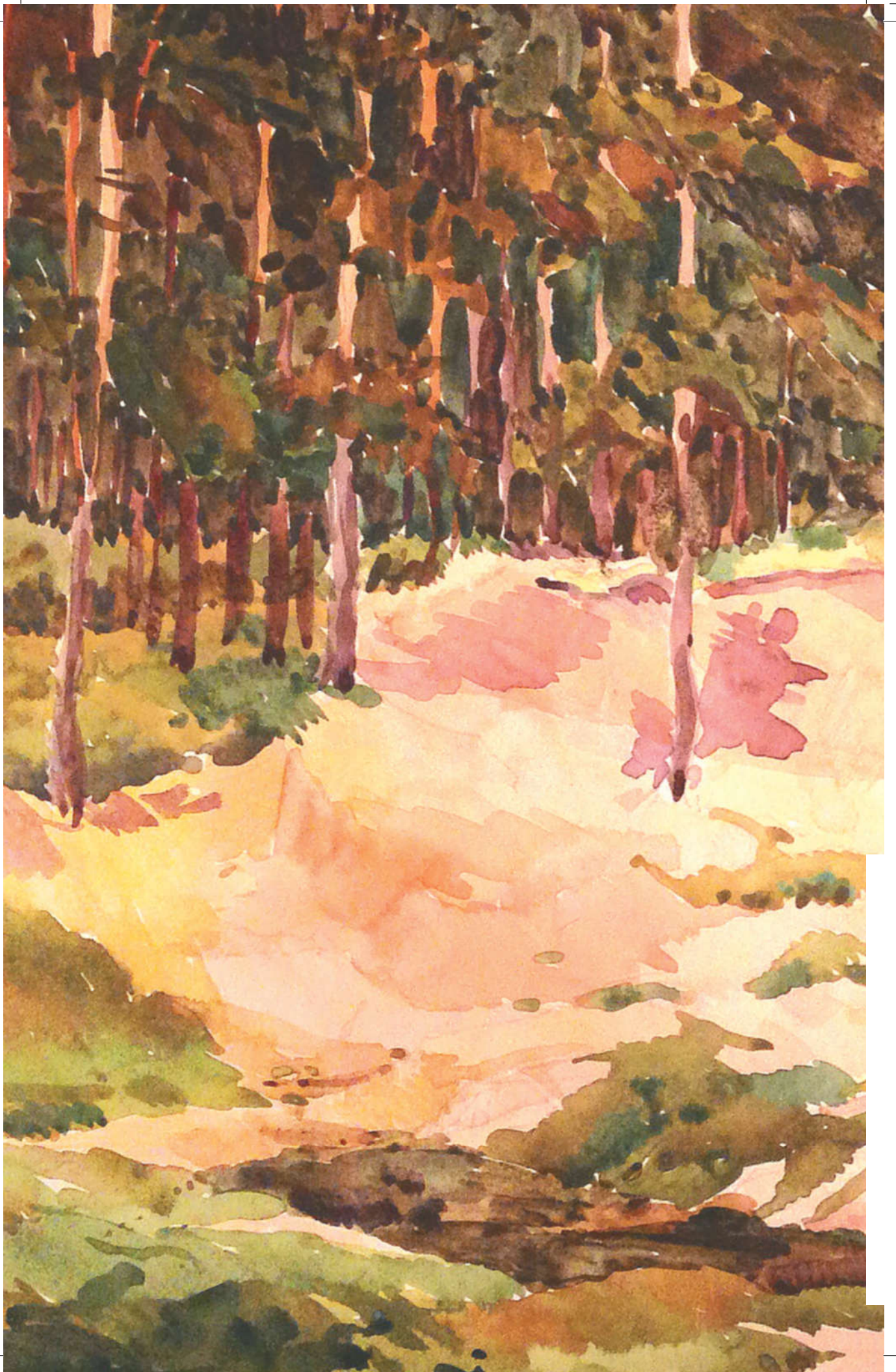
О. Н. Фахрутдинов – акварели

© А. А. Евменова, дизайн

Дмитрий МИЗГУЛИН
ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

1979–1994

Уноге
оно не, самое мое парой... ~~мне~~ ~~Бессие~~
Все ~~мне~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~
и Бессие ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~
Бессие ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~

Тае сие. ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~
Бессие ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~
Бессие ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~
Бессие ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~

Бессие ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~

Бессие?
Бессие ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~
Бессие ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~
Бессие ~~Бессие~~ ~~Бессие~~ ~~Бессие~~

1979

На первый путь
Прибудет поезд,
Который мчался издалёка,
Гремел колёсами
На стыках
И резал ночь
Ножами фар.
На первый путь
Прибудет поезд
Из самого Владивостока,
Где осень тоже
Разжигает
Листвы мятущийся пожар.
А поезд ход свой
Замедляет,
И я подумал:
Разве стоит
Семь дней
Трястись
В пустом вагоне,
Бежать неведомо куда,
Чтоб здесь опять
Увидеть осень,
Как дождь
Асфальт усердно моет,
Как листья,
Будто бы за ветви,
Цепляются за провода.

Стучит колёсами вагон.
Такое ощущение,
Как будто говорит мне он:
«Не скоро возвращение».

Состав по рельсам мчит на юг,
Сосед мой улыбается –
Под этот развесёлый стук
Домой он возвращается.

Потянуло холодком
Из пустого сада.
Под искрящимся ледком
Чёрная ограда.

Вижу – журавли летят,
Слышу крик печальный...
И застыл осенний сад,
Как дворец хрустальный.

Вода в Неве – чернее сажи.
Склонившиеся фонари
Стоят как будто бы на страже
Порывов первых волн зари.

Вода в Неве – чернее сажи,
А небо синее – без звёзд,
Неона свет – бледнее слёз,
Пролитых кем-то над пропажей.

Недовольно гаснут фонари,
Улицы в сиреновом тумане.
Солнца медь на небе, посмотри,
Утро начищает облаками!

Развели над Невою мосты.
Переулки повсюду пусты.

Где-то вздрогнул последний трамвай,
Словно горя хватил через край.

Прогремел, прозвенел, простучал
И во тьме непроглядной пропал.

Долго светится чьё-то окно,
И кому-то не спится давно.
Но мелькнул на стене силуэт –
И погас утешающий свет.

Только ночь.

Только дождь.

Только тишь.

Только гулко стекает с крыш.
Только тускло горят фонари,
Словно отблески ранней зари.

В. Наумову

За окном – всё крыши, крыши, крыши,
А вдали – горит в закате сад.
Слышишь этот шорох тихий, слышишь?
Это листья жёлтые летят.

Пролетают мимо, мимо, мимо,
Как листки моих календарей,
И уходят так неумолимо
Дни беспечной юности моей.

Что мне это лето, лето, лето...
Скоро ляжет мягко первый снег.
Жизнь, не мною начатая где-то,
Продолжает свой прекрасный бег.

Ни на кого не обижаясь,
Не презирая никого,
Я постепенно приближаюсь
К порогу счастья своего.

Кому-то в сотый раз поверив,
Кого-то в сотый раз простив,
Я открываю тихо двери,
О разрешение не спросив,

А за дверями, как и прежде,
Друзей услышу голоса,
И корабли моей надежды
Поднимут снова паруса,

И чайки кружатся в тумане,
Который тает, словно дым,
И я не верю, что обманут
Воображением своим...

ВДОХНОВЕНИЕ

Шум на кухне – звон посуды,
 Где-то прогремел трамвай,
 Бабы суды-пересуды
 За окном – хоть закрывай!
 Боже мой!
 Нельзя ли тише?
 Как работать?
 Как писать?
 Кто там бегают по крыше?!
 Прекратите грохотать!
 Что за дьявольское лето!
 Шум и крики за окном,
 И лишь в полночь, до рассвета,
 Затихает старый дом.
 Я вздыхаю облегчённо –
 В этой чуткой тишине
 Поработать увлечённо
 Помешают вряд ли мне.
 Ерунды писать не буду!
 Ночь застыла за окном...

Я пишу про звон посуды,
 Про трамвай, про старый дом...

ОПТИМИСТ

Повесил подкову над дверью —
Пусть счастье она принесёт!
Наверно, правдиво поверье,
Должно быть, примета не врёт.

Но всё обернулось иначе...
А впрочем, наверно, всегда —
Так редко бывают удачи,
Так часто бывает беда.

Чем круче судьбы поворот,
Тем пояс затягивал туже,
И верил: «А всё же везёт!»
И думал: «Могло быть и хуже».

Внешних признаков волнения
Никогда не проявлял.
Говорил всегда:
«Терпенье –
Мой девиз и идеал».

Говорил: «Ну что добьёшься?
Ничего не изменить,
Только сам и расшибёшься,
Стену лбом не прошибить».

Но однажды не сдержался,
Бледен стал, как будто мел,
Стукнул по столу, взорвался,
Проклял пошлый свой удел!

Но напрасны все старанья,
Ни на ком не дрогнул волос,
Потому что от молчанья
Потерял он громкий голос.

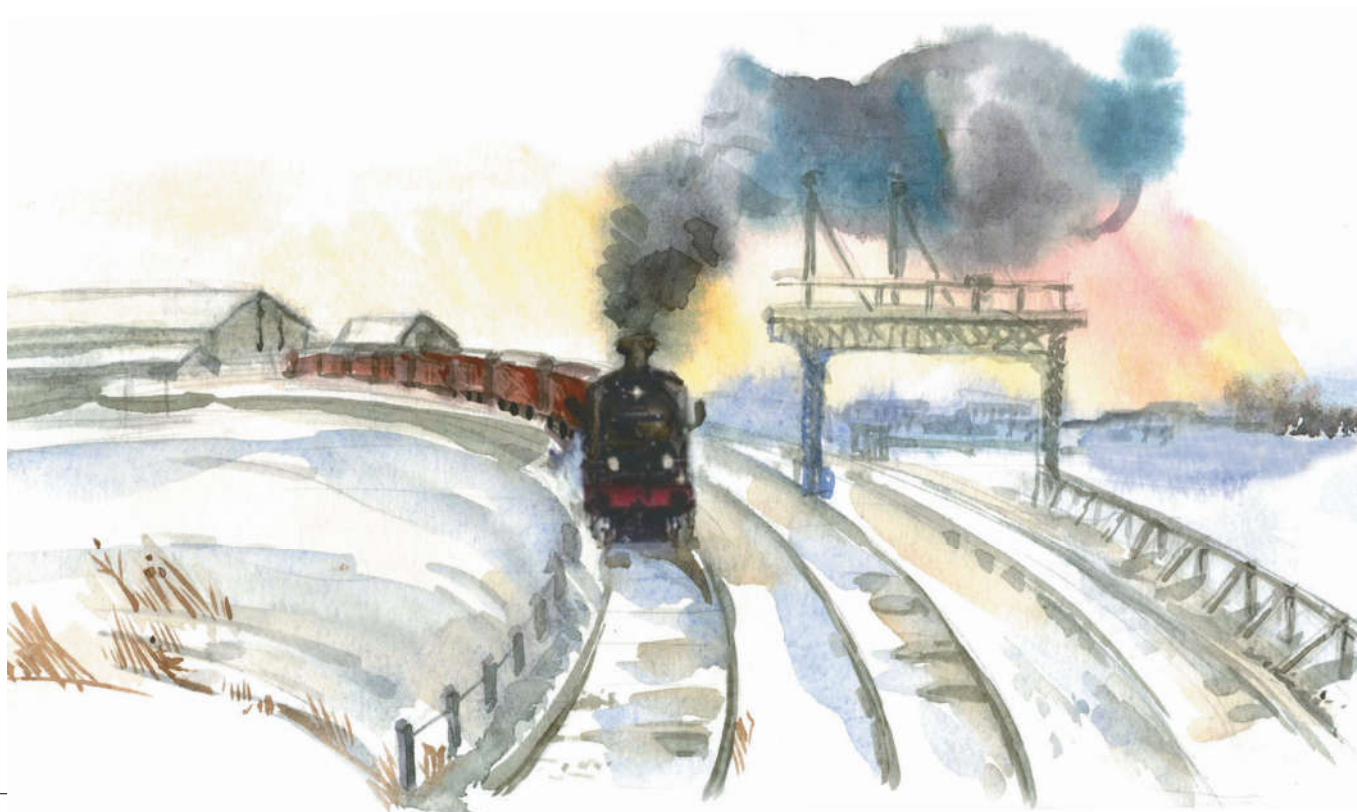

Три друга было у меня,
Надолго мы расстались.
Но, неразлучные друзья,
Опять мы повстречались.

Один хотел казаться хуже,
Он больше, чем другие, пил
И о своей душевной стуже
Едва не плача говорил.

Второй солиден стал на вид,
Как во дворце лепной карниз,
Хоть рядом за столом сидит,
На всех он смотрит сверху вниз.

Лишь третий, к радости моей,
Остался так же неизменен –
В обыкновенности своей
Был просто необыкновенен!

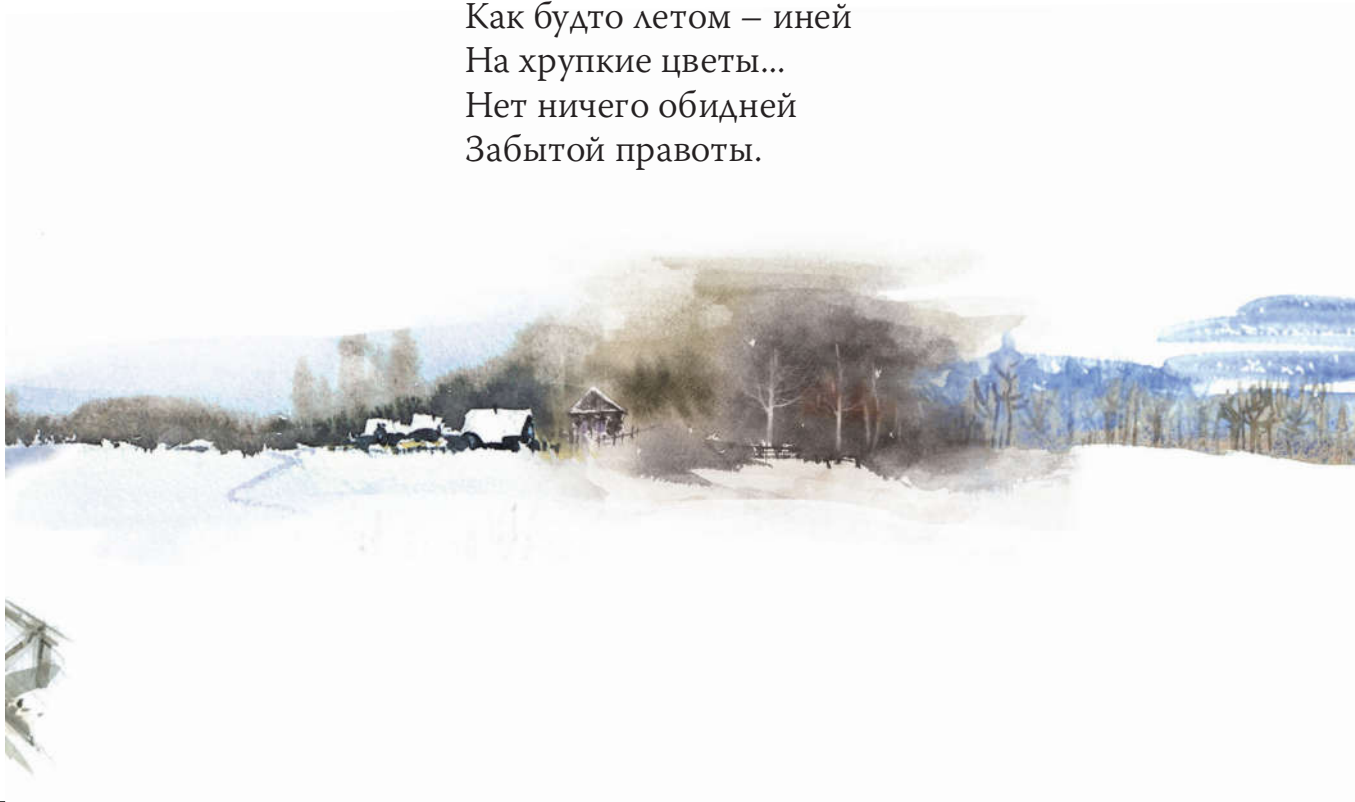
А знаешь что, Серёжа,
Мы оба были правы.
Ну, может, вспомнишь всё же
Ту ночь у переправы,

И тот паром нескорый,
И старенький вокзал,
И поезд, на который
Ты чуть не опоздал...

Забыл? Да быть не может!
Последний разговор...
Ты первый же, Серёжа,
Тогда затеял спор!

Плечами пожимает,
Смеётся мне в ответ,
И головой качает –
Прошло ведь столько лет!

Как будто летом – иней
На хрупкие цветы...
Нет ничего обидней
Забытой правоты.

И споры продолжаются,
И мнения не сходятся –
Поэтами рождаются?
А может быть, становятся?

Не все мечты сбываются...
Не все дороги сходятся...
Поэтами рождаются,
Но не всегда становятся.

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Чего только не помнил он,
И всё бы мог нам рассказать,
Но только вот один пижон
Не уставал перебивать:

– Об этом, дорогой, потом...
Ну что ж, ей-богу, вы опять?
Вы вспоминаете о том,
О чём не стоит вспоминать...

Мы помним тех, кого забыть должны,
Похоронив под ворохом печали,
Но в глупые, несбыточные сны
Они входить ещё не перестали.

Вороны не боятся ноября,
А журавли курлычат: «Улетаем...»
Мы помним тех, кого забыть пора,
Кого же помнить надо – забываем...

Деревья седеют, как люди,
Ах, ветер их лето унёс,
И стали вдруг жёлтыми кудри
Взлохмаченных ночью берёз.

Забудутся скоро морозы,
Мазурку сыграет капель,
Зелёные кудри берёзы
Со смехом расчесет апрель.

И всё повторится по кругу,
Движенью не будет конца.
А вот поседевшему другу
Стереть ли морщины с лица?..

Ни по чьей вине
Сам в себе пропал.
Ты писала мне –
Писем не читал.

Тени на стене
От крутых перил.
Ты звонила мне –
Я не подходил.

Стал я слеп и глух
В суматошный век.
Тополиный пух
Словно первый снег.

Заголубли льдины,
Повеяло теплом,
И солнце на смотрины
Явилось в каждый дом.

Светило солнце ярко,
Шаги звучали гулко,
И людям стало жарко
В пространстве переулка!

То ли ранняя весна,
То ли осень поздняя,
Снег повис на проводах
Белыми гроздьями,

Солнца блики на стене,
На дворе – слякоть...
Поздно радоваться мне,
Рано плакать.

Привели к нам в класс мальчишку,
И он всех нас удивил:
Африку знал не по книжкам,
Сам три года в ней прожил.

Он, смотря подолгу в небо,
Как-то радостно вздыхал...
И кусок ржаного хлеба
Вечно в пиджаке таскал...

Иней на ветках пустых серебрится.
Листья ещё в октябре облетели.
Солнечный свет осторожно струится,
Путаясь в иглах заснеженной ели.

Солнечный лучик испуганной птицей
Робко летит от берёзы к берёзе,
Словно на месте замёрзнуть боится,
Жёлтым комочком застыть на морозе.

Ты расстроился – зима.
Неожиданно и скоро.
Снежных хлопьев кутерьма
В красных фарах светофора.

Но, однако, посмотри –
Тополя не пожелтели,
Ярко светят фонари,
Хоть совсем обледенели.

Мало ли что выпал снег...
Жизнь прекрасна, как и прежде.
Приостанови свой бег,
Посмотри в лицо надежде!

РУЧЕЙ

Ручей бежал. Ручей журчал.
И вот слился с рекой,
И показалось – потерял
В реке характер свой.

Так полноводна, глубока,
Безудержно длинна,
Тянулась сонная река
Без берега, без дна...

Пропал ручей тот навсегда
В пучине синих вод,
И думалось, что никогда
Он песни не споёт...

Но вот пороги начались.
И что же слышу я?
Взлетела, будоража высь,
Та песенка ручья...

Так в водах тех
Не потерял
Ручей характер свой,
Хотя и был он очень мал
В сравнении с рекой.

~~Изображение в библии...~~

Нет смысла возврат. Но можно в одно вернуть

И, как известно, для того чтобы и то и другое,
не произошло, надо иметь серьезные причины...
В. в б и м е т о н а д л о ж а ю т п о с л е д н и й
Г л о с с и я к о н ц е р т у и з д а н и ю

Где пометить. как быстро и эффективно

возвращаются в бытовую жизнь.

некоторые из них как можно быстрее в равной степени?

~~Возбуждено в 1911, по кассации, по
федеральному, по кассации, по кассации?
Путь один, путь один, куда все равно?~~

~~У нас обстановка такая~~ ^{но сейчас}
~~но в будущем, конечно, все~~ ^{будет иначе}... ~~еще~~ ^{поспешно}
~~Все так же будет~~ ^{хорошо}

Все тебе ~~гудит~~ ^{дурит},
и ~~тревожит~~ ^{тревожит} ~~тебя~~ ^{Андрей} ~~до~~ ^{уже} ~~сердце~~ ^{сердце} ~~оно~~ ^{оно}.
~~шоро~~ ^{шоро} ~~походит~~ ^{походит},

Поли вые, они влетят, ~~то~~ ^{но} вые, не все равно?

отсюда мы видим, что

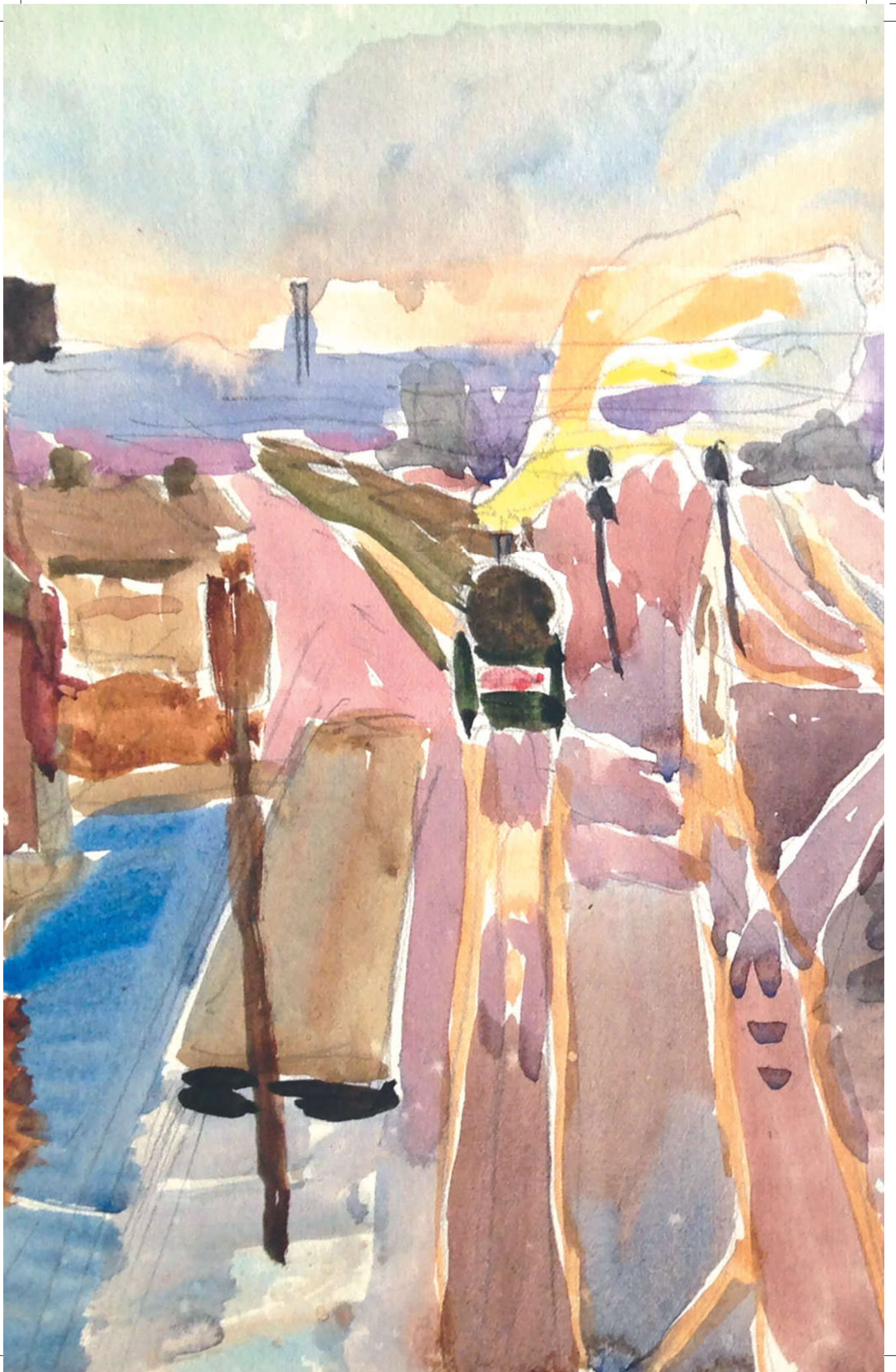
отгов ти сега, замирокоути.
и нивониз, с човеческо внимание и широкост?
~~не е ли то от мен,~~
ще почнеш да пишеш, и си пише, и пощом
и не стигаше ласкавият гроща...

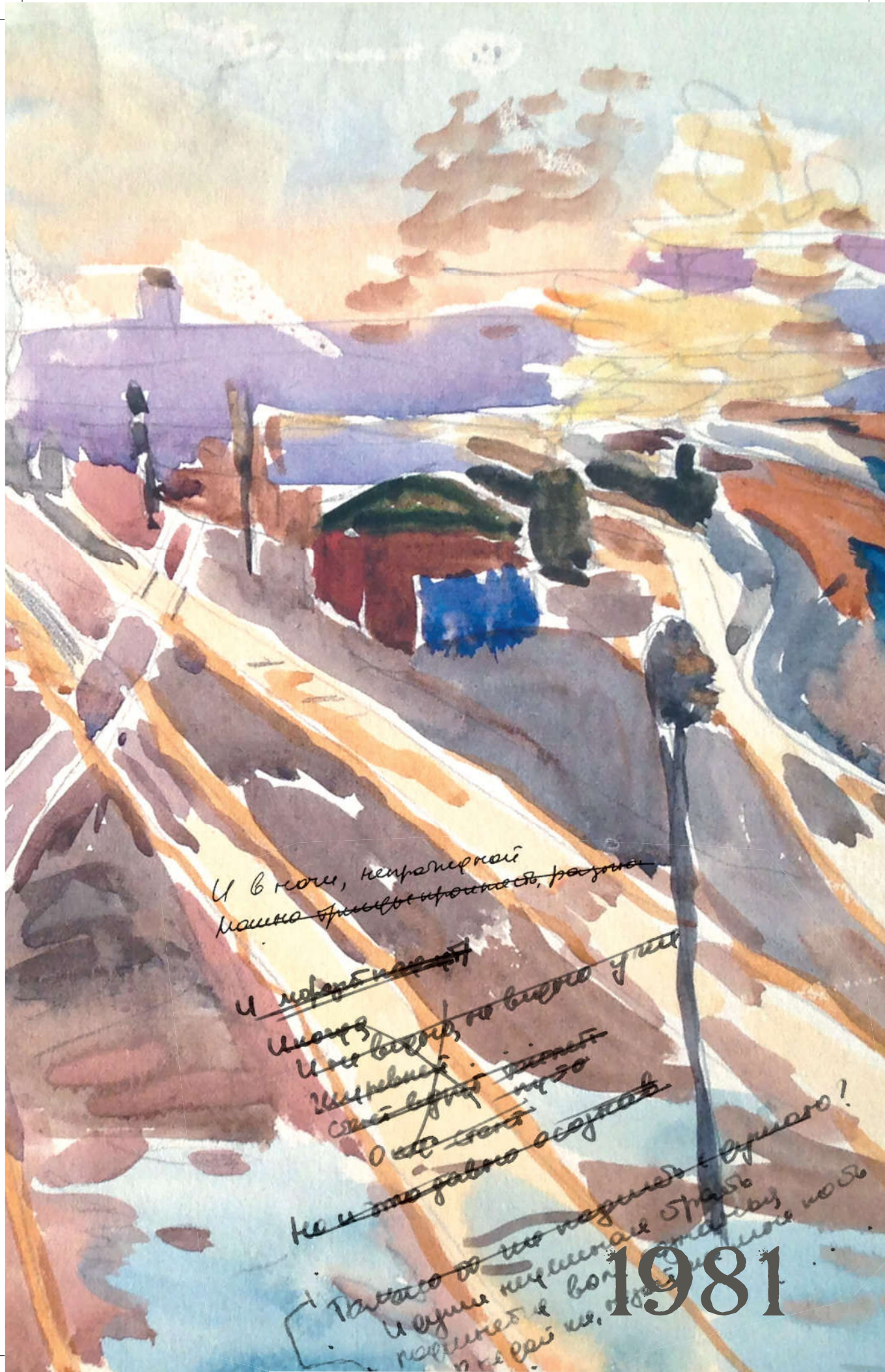
И в том, неграмотной
можно привнести разума.

~~и нечего сказать~~
~~у нас~~
~~не было, но было у нас~~
~~милых~~
~~сестер и братьев~~
~~они тоже~~

Не и то габно асудат
 не парим с другаро?
 дае браво
 тавно
 моје по

[illegible]

И в ночи, неспящей
Маша ~~французская, разная~~

~~И не спит~~

И не спит, но будет у нас
И не спит, но будет у нас
И не спит, но будет у нас
И не спит, но будет у нас

И не спит, но будет у нас
И не спит, но будет у нас
И не спит, но будет у нас
И не спит, но будет у нас

И не спит, но будет у нас
И не спит, но будет у нас
И не спит, но будет у нас
И не спит, но будет у нас

1981

ПОЖАР В ЛЕСУ

Поезд мчится. Мой сосед
Чай лениво допивает.
Ехать нам – не ближний свет,
И от скуки он зевает.

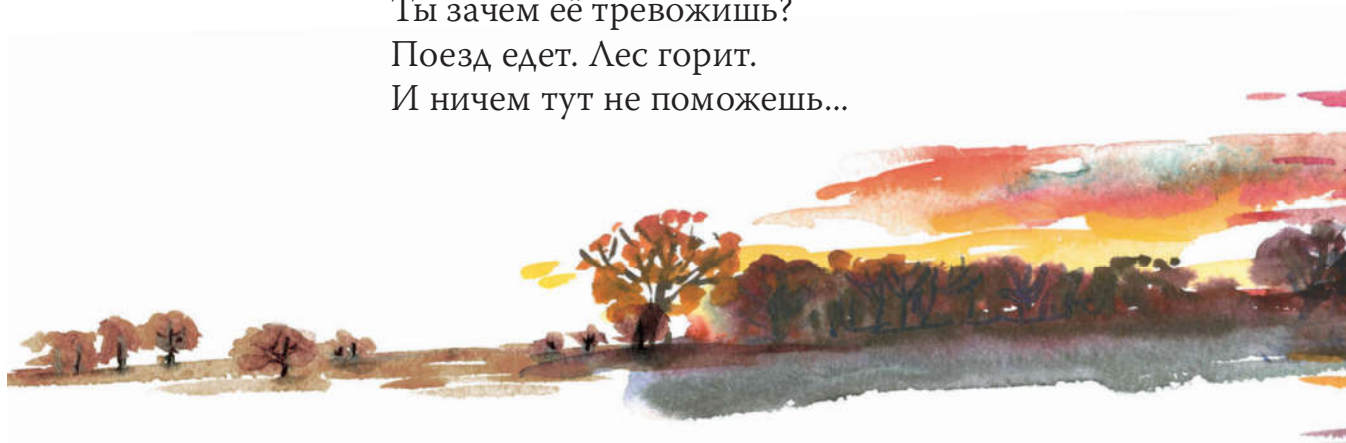
Дело к ночи. Спать пора.
Поплотней задёрни шторы.
Прекратим-ка до утра
Утомительные споры.

Кто-то будит... Посмотри,
Стены странно заалели,
Но далёко до зари!
Что случилось, в самом деле?

Мы – к окну. А за окном
Пламя в мрачном танце пляшет.
Птица чёрная крылом
Над гнездом сожжённым машет.

А сосед мой – чем помочь? –
От окна к окну метался,
В эту сумрачную ночь
Только зрителем остался.

У тебя душа болит?
Ты зачем её тревожишь?
Поезд едет. Лес горит.
И ничем тут не поможешь...

Забиться сном тяжёлым на рассвете.
 Очнуться вдруг
 И с горечью понять,
 Что ничего нет вечного на свете,
 Что всё пройдёт,
 И жали не унять
 За всё, что было,
 Да прошло напрасно,
 За всё, что быть могло,
 Да не сбылось...
 Светает осторожно,
 И неясно,
 Какого чёрта ночью не спалось...
 Над крышами
 Болезненно и бледно
 Мерцает
 Одинокая заря...
 В душе твоей
 Не канет день бесследно,
 Пусть даже если
 Был он прожит зря.

Говорите, пожалуйста, тише –
Наступает торжественный час,
И луна, опускаясь за крыши,
С удивлением смотрит на нас.

Как мучительно долго светает!
Но прозрачней становится мгла,
И, уже задымив, угасают
Фонари от угла до угла.

Розовеют покатые крыши...
Я заплачу от счастья сейчас!
Говорите, пожалуйста, тише –
Всё равно я не слушаю вас.

Осенью похолодало
И зачастили дожди.
Если письмо запоздало,
Почту винить подожди.

Утром вздохнёшь ты устало,
Первому снегу не рад...
Если письмо запоздало,
Может быть, сам виноват?

Ты ждал наступленья зимы,
Как ждут избавленья от боли.
А ветры в желтеющем поле
С утра затянули псалмы.

Ты ждал наступленья зимы.
Ты ждал на исходе недели,
Как сказку, ночной снегопад,
А думал, совсем невпопад,

О птицах, что к югу летели,
О птицах, что с юга летят...

Наступила пора прощаний.
Наступила пора прощений,
Неисполненных обещаний,
Неудавшихся воскрешений.

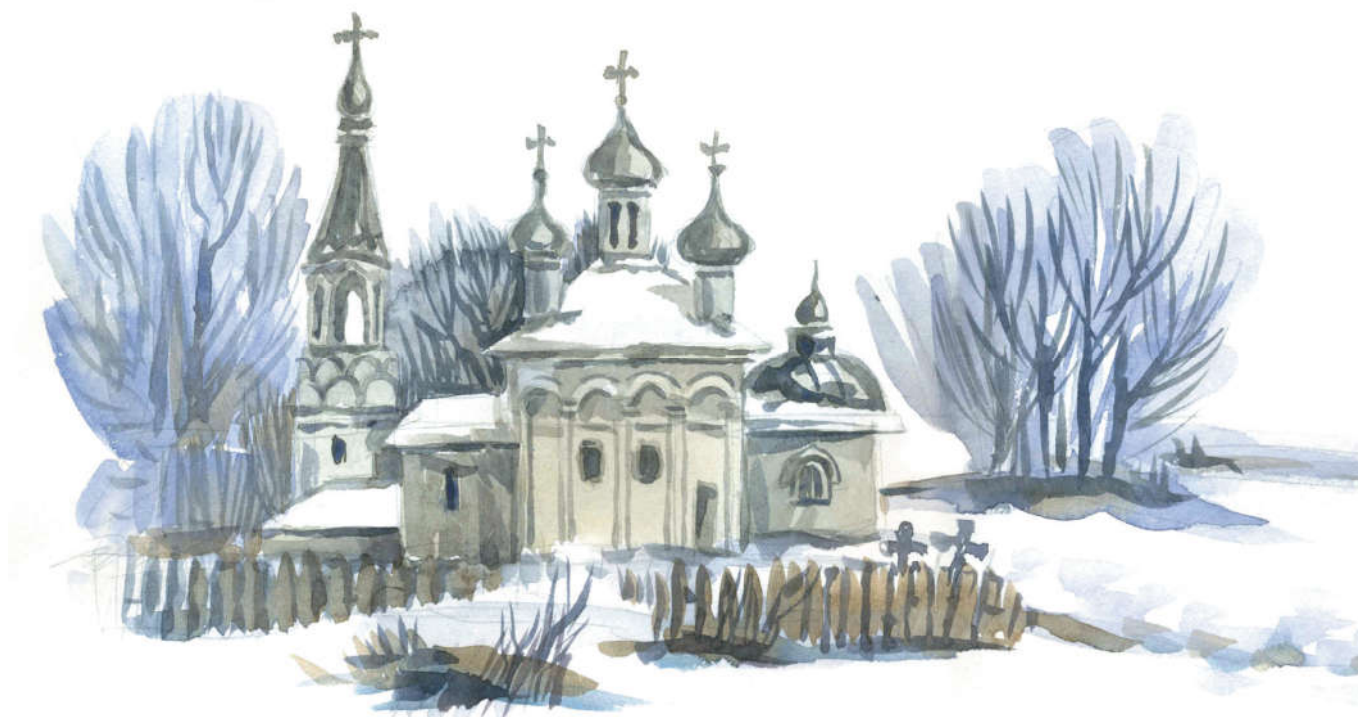
Неизвестно, какие утраты
Нам ещё предстоят в пути.
Даже если ты виновата,
Всё равно говорю: «Прости...»

Опять кого-то воскрешают,
Но говорят уже – он был...
И, здравицы провозглашая,
Среди белеющих могил

Поставят памятник гранитный
И будут долго повторять:
Что, мол, талантливый и видный,
Что больно нам таких терять,

Что высших почестей достоин,
Любим и чтим... О Боже мой!
Что мог бы написать покойный,
Когда бы знал, кто он такой?!

ПОСЛЕДНИЕ И ПЕРВЫЕ

Одни задирают высоко голову потому,
Что хотят рассмотреть звёзды.

Другие – потому, что привыкли

на всех

и на всё

Смотреть свысока.

Как порой трудно различить

Первых и последних...

Мне говорят, что я слишком рационален.
Возможно. Однако не более,
Чем Ханс Кристиан Андерсен,
Который, выезжая куда-либо,
Среди прочих
Совершенно необходимых ему вещей
Непременно укладывал в саквояж
Длинную верёвку,
Чтобы в случае пожара в гостинице
Благополучно выбраться из окна.

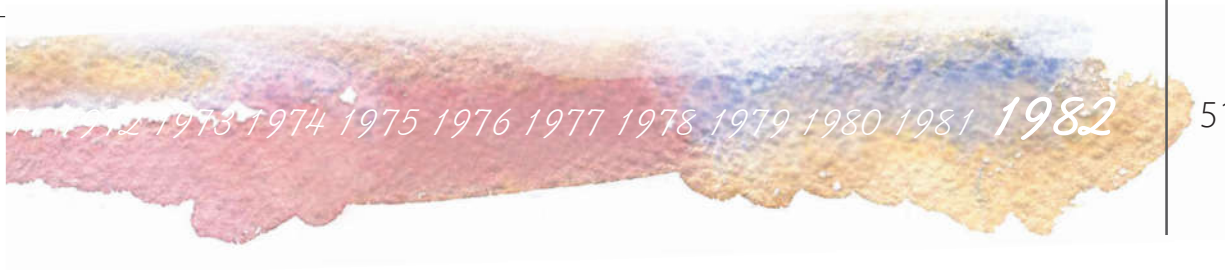

ЗМЕЯ

Ползёт змея. И с виду безобидна.
Ползёт, едва шурша сухой травой,
И в той траве её совсем не видно –
Лишь изредка сверкает чешуёй...

Ползёт змея, от глаз людских сокрыта,
И замер я, дыханье затая, –
Пусть говорят – она не ядовита,
Но я боюсь – ведь всё-таки змея...

Прощаясь наспех, навсегда
В столпотворении разлук,
Ты не забудешь никогда
Её по-детски тонких рук.

Пройдёт печальная пора.
Ты будешь жить и не тужить,
Но будут жёлтые ветра,
Как листья, память ворошить.

Конечно, вечность – это вздор.
Ты прав, конечно, всё пройдёт.
Но всё же, где горел костёр, –
Трава годами не растёт...

РОМАНС

Не мог уснуть. И десять раз
До ста считал уже.
В дождливый час,
В полночный час
Тревожно на душе.

И я не знаю – что к чему,
Не знаю, что со мной.
Наверно, дождь виной всему,
Да, он всему виной.

Вот дождь по крышам прошуршал,
Порывом ветра смят,
Вот осторожно пробежал
Через озябший сад...

Ночные улицы тихи,
И за окном темно.
Пусть смоем дождь мои грехи
С твоими заодно.

Наши мечты и надежды
Всегда напоминали мне одежду:
В детстве мы быстро вырастали из неё,
И уже через год нам покупали
Новые ботинки, рубашки.
В юности
Нам хотелось одеваться модно и красиво,
Так, чтобы всегда нравиться
о окружающим,
Особенно девушкам и экзаменаторам.
А потом мы стали носить
Один и тот же тёмно-синий
Импортный шерстяной костюм
И всегда, при удобном случае,
Напоминали:
«Ему уже девять лет,
А он по-прежнему как новый...»

БАЛЛАДА О БУКСИРЕ

Капитан буксира «Смелый»
Встанет поутру чуть свет,
В кухне зажигает свет,
Варит кофе неумело.
Трубку выкурит устало,
Выбьет пепел, где попало,
Выйдет. Улица темна.
От него ушла жена,
Не сказав ему ни слова.
Говорят, нашла другого.

Он обижен на весь мир.
Капитана ждёт буксир.
Капитана ждёт команда —
Капитан, иди, командуй.
Капитан идёт.
Молча он поднялся в рубку,
Закурил привычно трубку
И чего-то ждёт...

На душе его дождливо,
Одиноко, сиротливо,
Некому помочь.
Встанет, мрачный, у штурвала.

Рулевому дела мало,
Гонит мысли прочь.
Или, может, со старпомом
На двоих – полбанки рома,
Вроде свой мужик...
Иль поплакать втихомолку?
Да и то не будет толку,
Вроде не привык...

Заурчит машиной «Смелый»,
Задымит своей трубой:
– Сколько лет ходил с тобой!
Что случилось, в самом деле?
Что же делать – разлюбила...
Что же делать – позабыла,
Разные пути,
Нам пора заняться делом... –
Пробурчал сердито «Смелый», –
Что ж, пора идти...

Ты смотри, какой туман!
Подтянитесь, капитан.
Столько лет с тобой вдвоём,
Ничего, переживём...

Снова меняются роли
Жизни дневной и ночной:
Звёзд васильковое поле,
Месяц как колос ржаной.

Где-то вдали отзвучали
Пóезда сотни колёс,
И на пустынном вокзале
Тихий уснул тепловоз –

В масле горячем и пыли,
Тёплый, как хлеб из печи.
Фары, погаснув, застыли,
Тускло мерцая в ночи.

Мирно полночное небо,
Сон, тишина и покой,
Пахнет пшеницей и хлебом,
Тестом и тёплой мукой.

СОЖАЛЕНИЕ

Однажды вдруг с горечью осознаёшь,
Что чего-то тебе уже никогда не достичь,
Чему-то уже никогда не научиться,
Что из великого множества дорог,
Лежавших перед тобой когда-то,
Некоторые остались далеко позади
И тебе уже никогда по ним не проехать.
Я уже никогда не научусь рисовать
Или, скажем, играть на скрипке,
Никогда не стану ни лётчиком,
Ни капитаном дальнего плавания.
И хотя многое ещё впереди,
Становится обидно, что, выходя на перекрёсток,
Приходится выбирать одну дорогу,
Когда хотелось бы пройти тремя...
Вдобавок ко всему, мне теперь мешает спать
Шум деревьев, которые я так и не посадил.

С годами начинаешь гордиться тем,
Чему ранее не придавал никакого значения:
Потрёпанной книжкой
С автографом известного автора,
Давнишней детской дружбой
С нынешним героем труда,
Областной газетой
Десятилетней давности
С упоминанием о тебе
В числе прочих
В когда-то нашумевшей статье,
Малозначительным этюдом,
Никому не известным,
Который, однако, принадлежит кисти
Большого художника,
И даже серебряной медалью
Городского первенства,
Которую ранее считал
Самой обидной неудачей
В своей спортивной карьере...

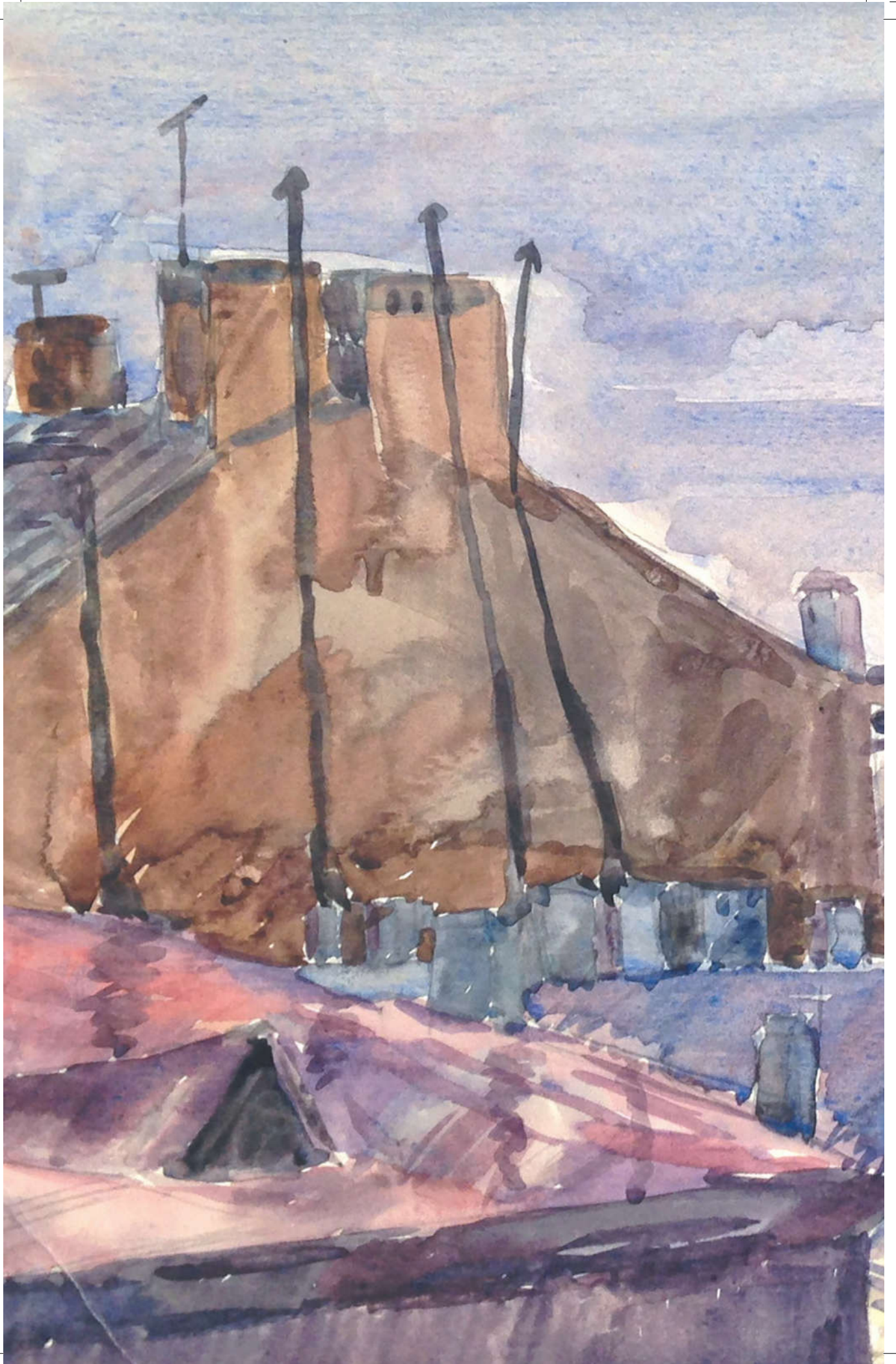
А мёртвым, знаешь, всё равно,
Что мрамор, что гранит.
И поминальное вино
Их души не бодрит.

А мёртвым, знаешь, всё равно,
Теперь им наплевать
На телевизор и кино,
На книги и печать...

Хоть каркай ворон, хоть молчи,
Но лишь себя не тешь —
В огромном небе средь ночи
Не зазияет брешь.

Ведь память до тех пор жива,
Покуда жив народ,
Пока народная молва
В людских сердцах живёт.

СУВОРОВ

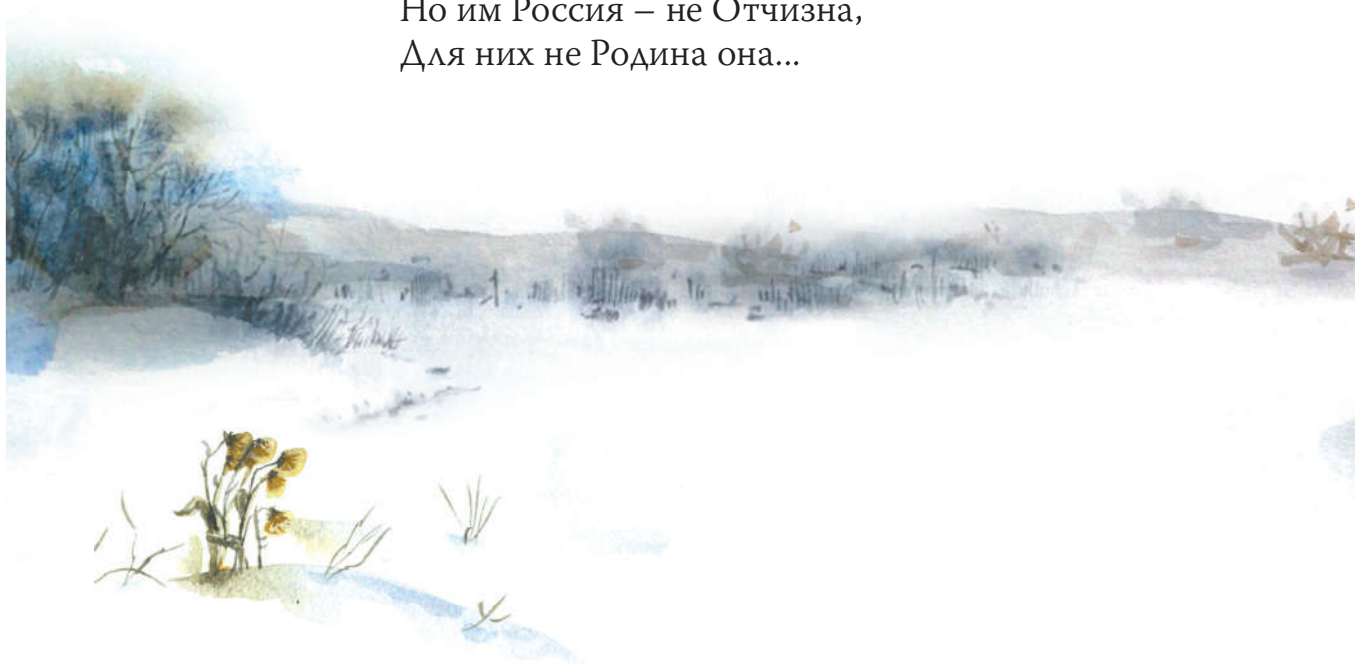
Увы, уже не та столица!
Но он-то помнит те года,
Ведь с ним сама Императрица
Была почтительна всегда.

И дело вовсе не в наградах:
Он не желает, не привык
Во фрунт тянуться на парадах
И пудрить выцветший парик.

Ему ль, солдатскому герою,
В тщеславной суете сновать?
В мундире прусского покроя
Душе российской не бывать!

Пока течёт спокойно время,
Живёт в угаре кутежей
Бездарное, тупое племя
Корыстолюбцев и ханжей.

И мнится им, что в этой жизни
Они познали всё сполна.
Но им Россия – не Отчизна,
Для них не Родина она...

А в нашем мире беспокойном
Опять война, опять пальба,
И будет выбирать достойных
Не император, а судьба.

И станет жалок и бессилен
Дурак в чванливости своей,
И позовёт тогда Россия
Своих опальных сыновей!

И побледнеют в страхе лица,
И дрогнет в зеркалах заря,
И понесутся от столицы
Во весь опор фельдъегеря...

Ну а пока – пора иная.
Качает маленький возок.
Не спит, о чём-то вспоминая,
Продрогший до костей ездок.

Склонившись, задремал возница,
А кони продолжают бег..
Когда-нибудь да пригодится
России умный человек!

КАМНИ

Там, где история Русской земли
Преподавала уроки,
Лишь вековые камни смогли
Выдержать долгие сроки.

И оседают года и века
Пылью на камень могильный.
Память людская, увы, коротка,
Память гранита – бессильна...

Вечную мудрость будут хранить
Камни в суровой печали...
Ну а уж если могли говорить –
То всё равно бы молчали.

В СОБОРЕ СВ. ВИТТА

Туристы случайные ходят,
Смеясь, удивляясь, блажа,
И смотрят Кирилл и Мефодий
С таинственного витража.

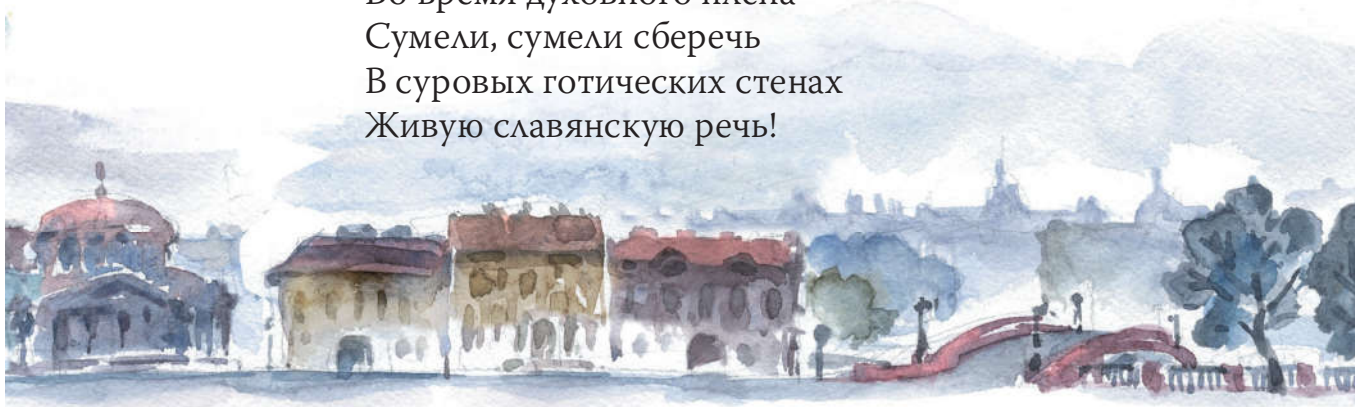
В костёлах и кирхах столицы
Их помнят, их любят и чтят...
Строги и суровы их лица,
Тревожен их пристальный взгляд.

О, Прага! Я был очарован
Величием древним твоим.
Наверно, когда-нибудь снова
Пройдусь по твоим мостовым,

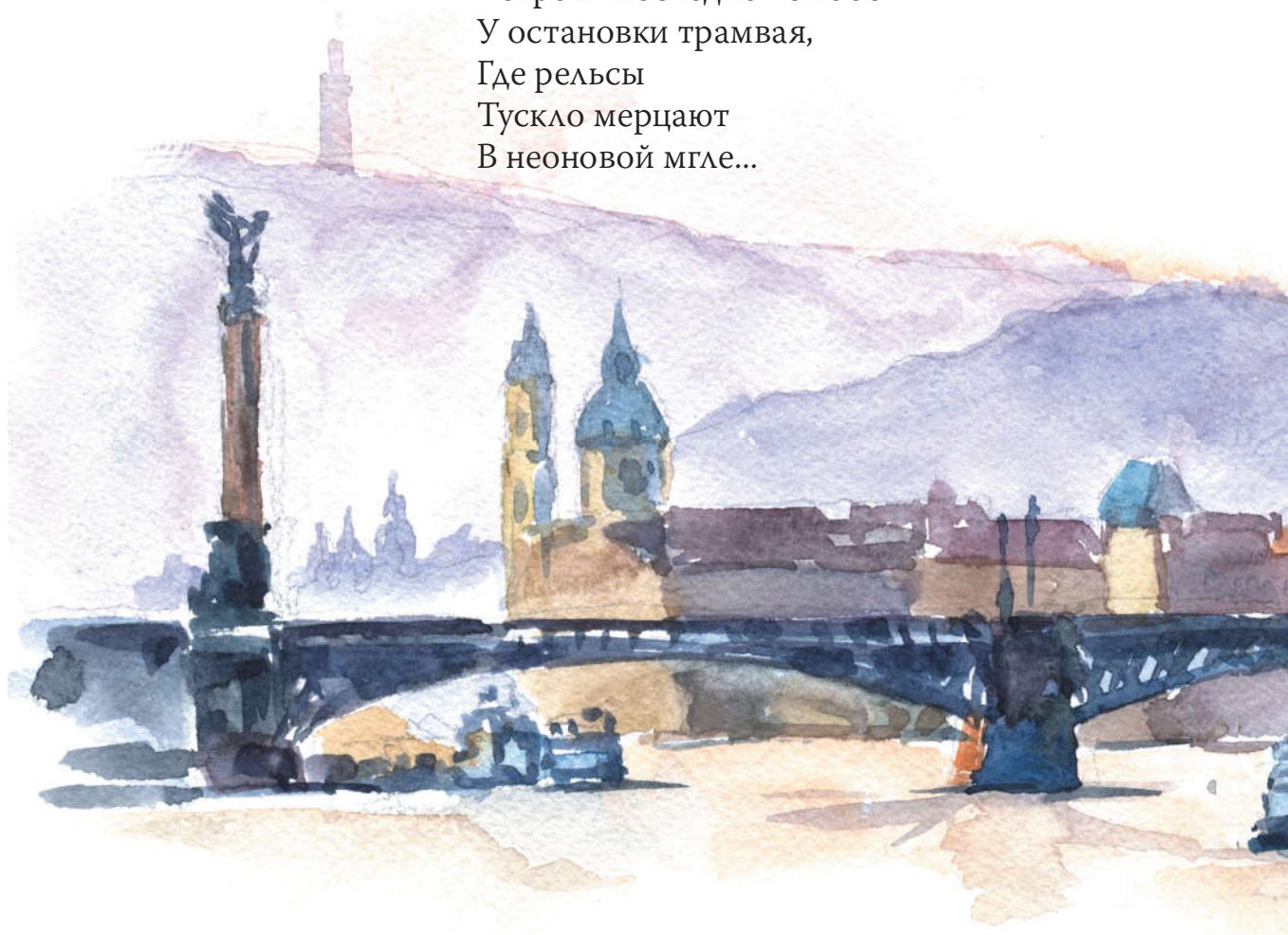
Где башни и острые шпили
Восторженно тянутся ввысь,
Где архитектурные стили
Затейливо переплелись...

И всё же, и всё же доныне
Здесь, в сердце Европы, смогли
Сберечь для потомков святыни
Великой славянской земли...

Во время духовного плена
Сумели, сумели сберечь
В суровых готических стенах
Живую славянскую речь!

Что мне запомнилось в Праге –
Так это колокола.
Утром, когда ещё не рассвело,
Слышался звон их,
Гулко звенели они,
Переливались звуки их,
Серебристо-хрустальные,
Словно утреннее небо,
Тёмно-зелёные,
Словно листва бульваров,
Оранжево-красные,
Как черепичные крыши после дождя.
Пражские колокола –
Музыка лета минувшего,
Странной любви,
Встречи последней с тобой
У остановки трамвая,
Где рельсы
Тускло мерцают
В неоновой мгле...

Если б Иуда не сторговался,
 Если б дороже просил за Христа,
 Верно, другой бы апостол продан,
 Совесть Иуды была бы чиста.
 Стал бы Иуда великим святым,
 Благообразным, честным, седым.
 Он бы судил нас, строго взирая,
 Властно звенел бы ключами от рая,
 Если б не сторговался тогда...

Не витийствуй, не пророчь,
Не тверди, что всё понятно.
Вслушайся, как шепчет ночь
Осторожно и невнятно.

И попробуй разбери
Хоть единственное слово —
Только вспыхнут фонари,
Тут же вдруг погаснут снова.

Беспорядочных огней
Бестолковое мерцанье.
Меркнут блики фонарей,
Тише ночи трепетанье.

Спорим, спорим дотемна,
Что есть главное в искусстве:
Может, поиски ума
Или, как там, пламень чувства?

Я наслушался сполна
Про забвение и славу.
Светит полная луна,
Круглолица и лукава.

И дрожащий лунный след
На столе засеребрится.
Озаряет ровный свет,
Озаряет равный свет
Наши молодые лица...

БАБЬЕ ЛЕТО

Пора уходящего лета...
В такие минуты, поверь,
Покажется солнцем согрета
Печаль невозвратных потерь...

Но нынче погоды иные,
И бабьего лета не жди.
В районах Центральной России
Идут затяжные дожди.

В тумане промозглом деревня...
Как тихо на вечной земле!
Лишь только качают деревья
Ветвями в сиреновой мгле.

Ленивые струи стекают –
Тяжёлая это вода.
Уже не гудят, а вздыхают
Натруженные провода.

Три дня не выходишь из дому,
Часами сидишь у окна,
И одолевает истома
Дневного, тяжёлого сна.

Но вот начинает смеркаться,
Уже не видать ни черта,
Как вдруг начинают казаться
Знакомыми эти места.

И чувство, знакомое очень,
Как будто... когда-то... с тобой...
Быть может, промозглая осень
С твоей пошутила судьбой?..

Не вспомнить. Не вспомнить... И память
В помощники ты не зови.
Ведь всё это было не с нами,
Но в нашей осталось крови:

Забытые песни, дороги,
Заросшие лесом поля
И тяжесть осенней тревоги,
Дождливых ночей сентября...

И вдруг пожалеешь впервые
О том, что уже позади...
В районах Центральной России
Идут затяжные дожди.

Я искал взаимности у леса,
У полей, мерцающих белёсо
В тусклом свете матовой луны,
У реки, спешащей суетливо
К тихой глади сонного залива,
У осенней гулкой тишины...

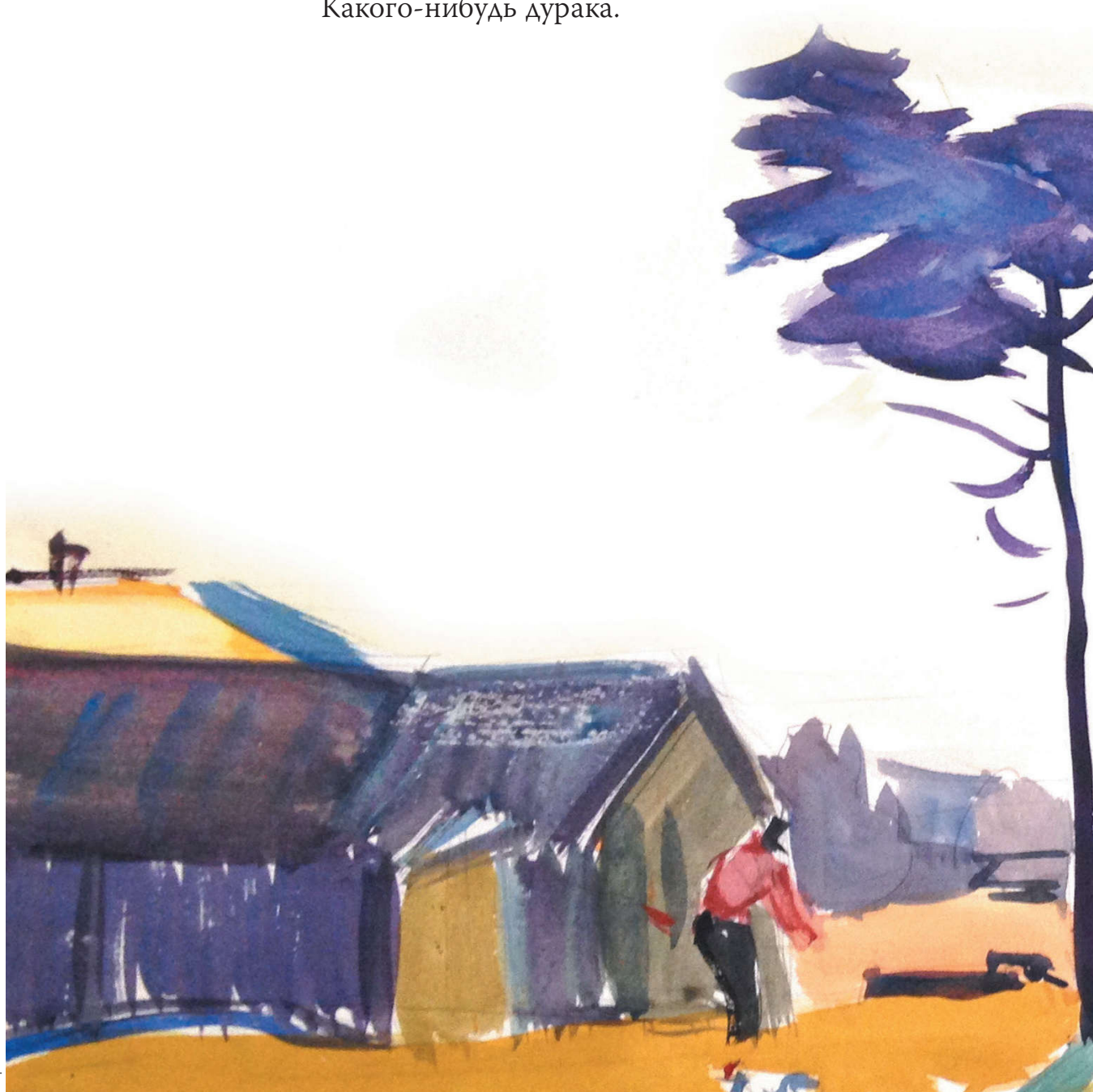
Но опять вела дорога к дому.
И причастность ко всему другому
Растворялась в молодой крови.
И в который раз меня прощали
Улицы надежды и печали,
Перекрёстки счастья и любви...

Дай Бог тебе сильных врагов,
Которые злы и умны,
И пусть не тревожит их снов
Досадное чувство вины.

Быстрее не будешь идти,
Дорога не станет легка,
Когда одолеешь в пути
Какого-нибудь дурака.

В саду умишленного фантана
и неприветного пишища

И жено ~~сидящих~~ сидел
и ~~сидящих~~ сидел сидел

Землю сучь воящая
и в сучь палили в рах

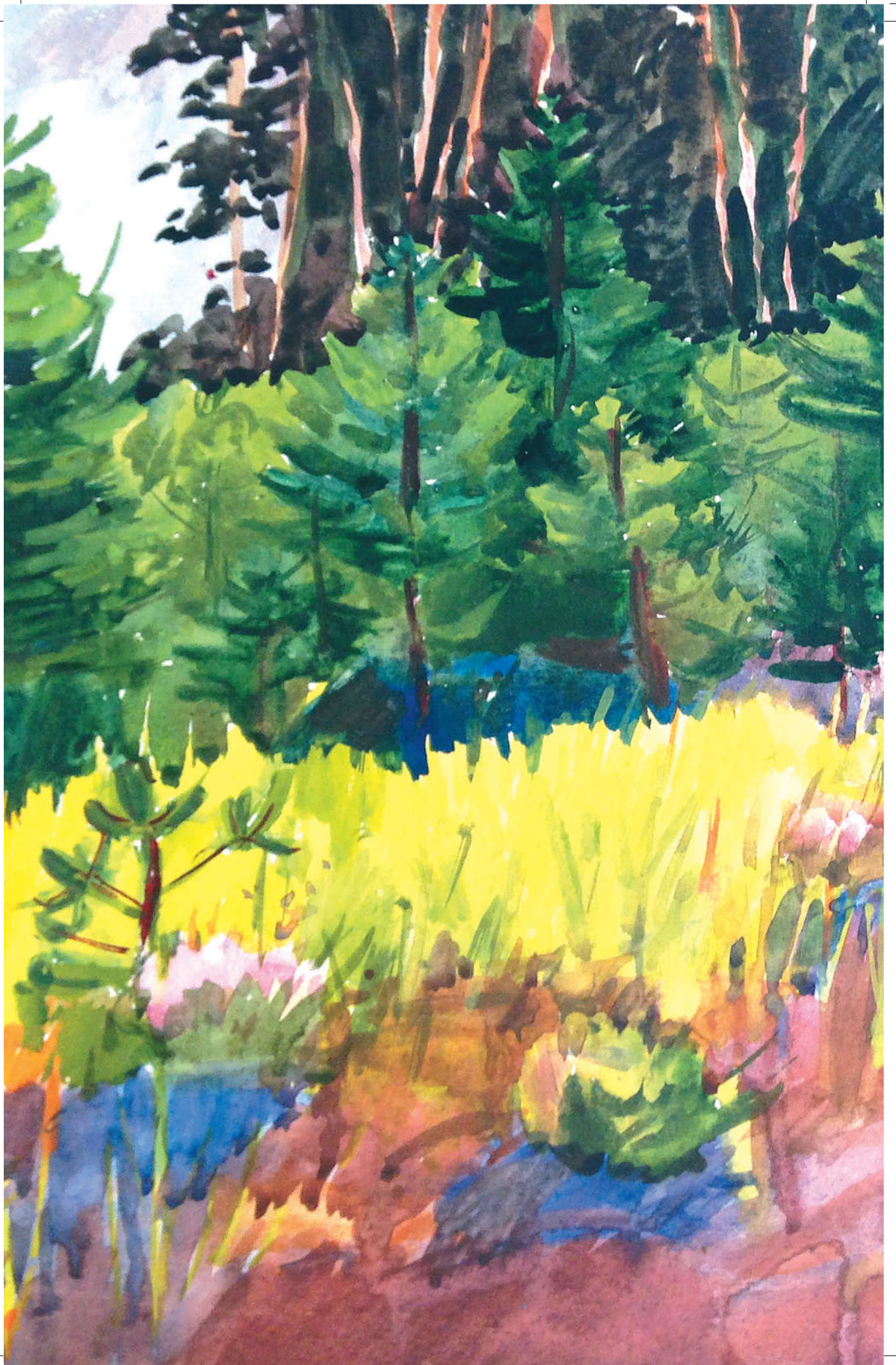
Душман душман
Душман душман

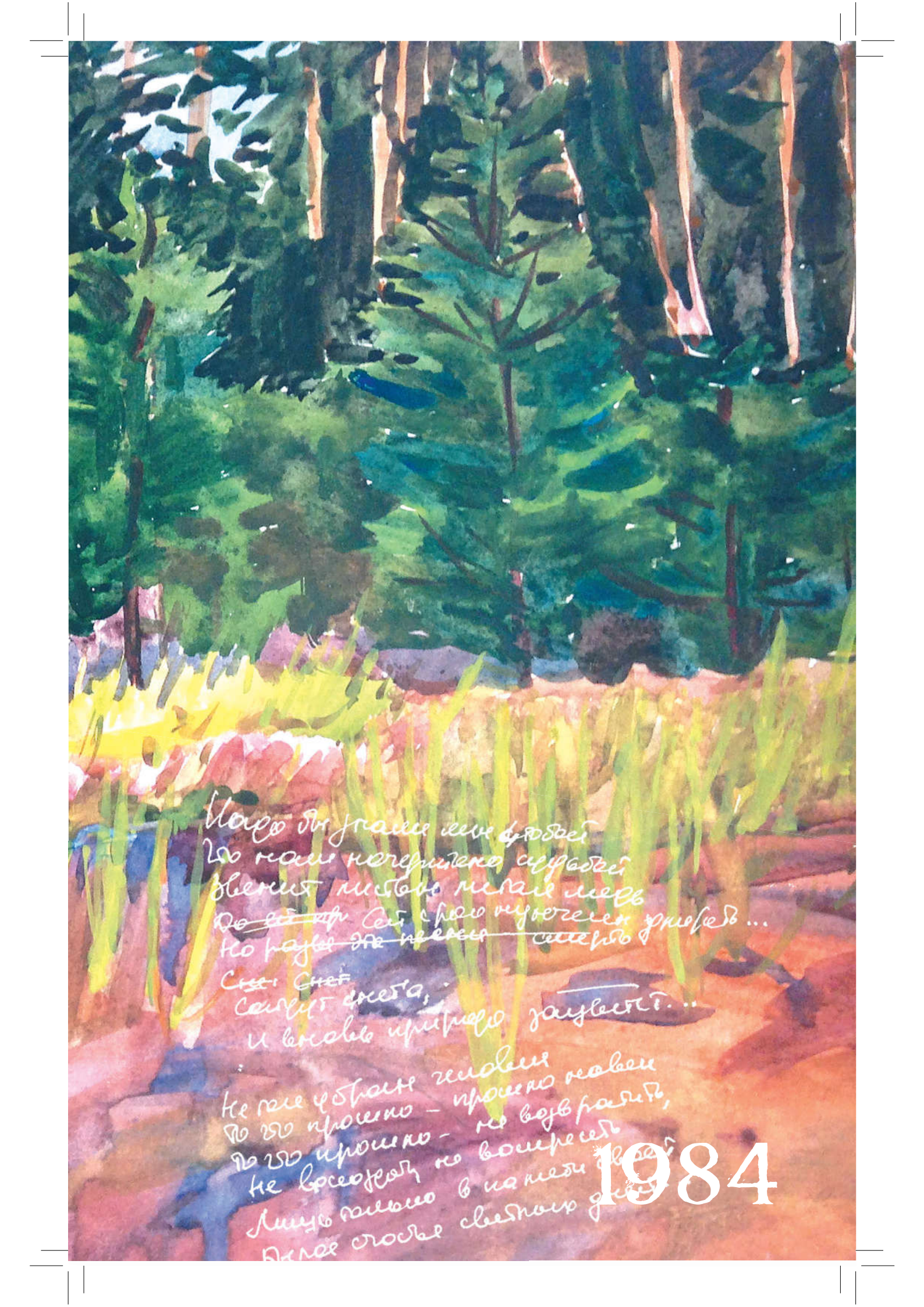
и все там сидел у себя
сидел сидел сидел
и воящая воящая
воящая воящая воящая
и воящая воящая воящая
и воящая воящая воящая

не сидел сидел сидел
сидел сидел сидел
сидел сидел сидел
сидел сидел сидел

не сидел сидел сидел
сидел сидел сидел
сидел сидел сидел
сидел сидел сидел

не сидел сидел сидел
сидел сидел сидел
сидел сидел сидел
сидел сидел сидел

Народы грани не боятся
Во нами непереносимой суровости
Звонит листва металлов мер
~~Во-ей-ей~~ Сет сроду мучогелен знобев ...
Но раже да невеста ~~смерть~~ знобев ...
Снег Снег
Светит снега,
И вояло пришло развешит ...

Не все убои земовия
Во во проишо - проишо невен
Во во проишо - не воуради,
Не воуради не воуради
Лично только в намети знобев
Далее только следно знобев

1984

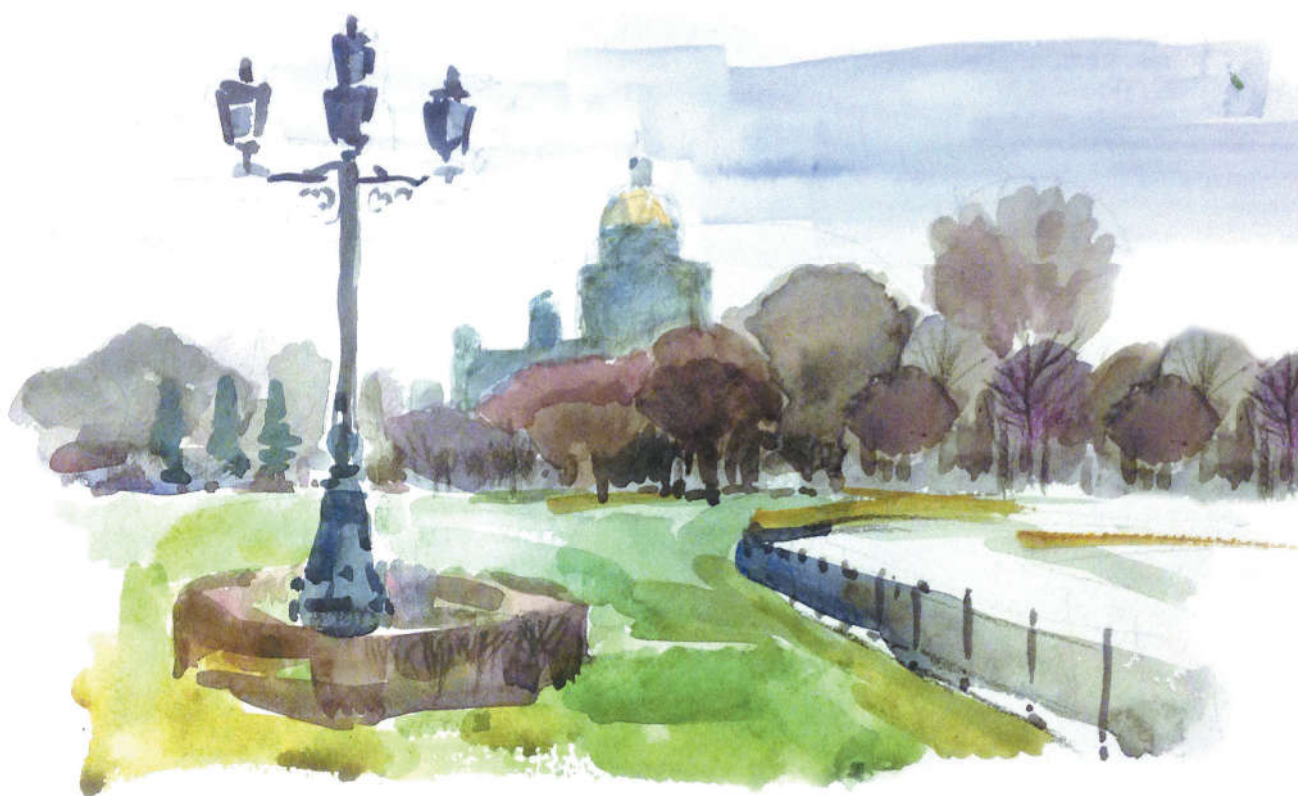

ПАМЯТНИК ПЕТРУ

Светает. Тихо. Город спит.
Лишь ветер дерева колышет.
И кажется, что конь хрипит,
А всадник видит всё и слышит.

И, видно, нет ему покоя:
Как бы предчувствуя беду,
Сжимает властною рукою
Уже ослабшую узду.

Лежат тяжёлые туманы,
Но с тех давно минувших дней
До сей поры шипит поганый,
Коварный и отвратный змей...

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

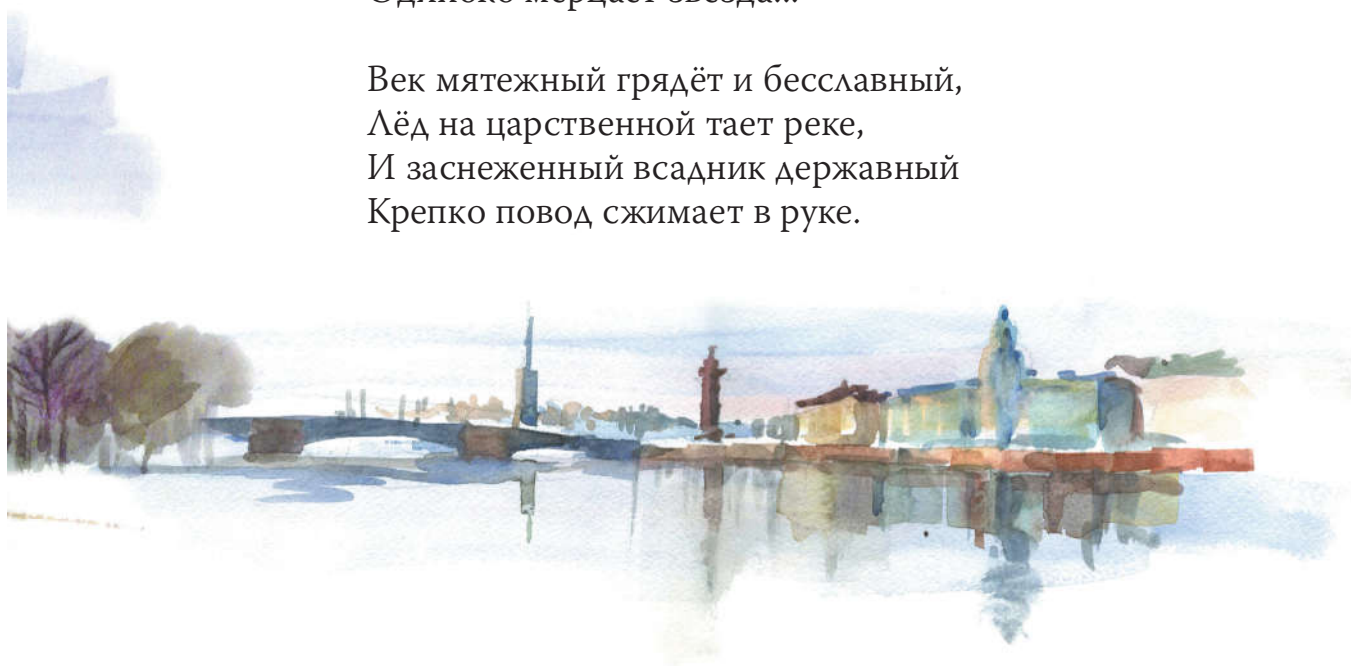
Как морозно и ветрено в мире!
Всё, наверно, давно решено.
У Рылеева в тесной квартире
Недопитым осталось вино...

Вы спешили на площадь с рассветом
Под штандарты мятежных полков.
Как на солнце горят эполеты,
Как тревожно мерцанье штыков!..

Нынче здесь ничего не напомнит
О героях минувших времён...
А в ушах —
То ли звон колокольный,
То ли кандальный овьюженный звон.

Купол высится в отблесках мглистых,
И проносится
Лет череда,
И на шпигеле его серебристом
Одиноко мерцает звезда...

Век мятежный грядёт и бесславный,
Лёд на царственной тает реке,
И заснеженный всадник державный
Крепко повод сжимает в руке.

МОЙКА, 12

Как в этом месте
Невский тесен –
Сужается перед мостом.
Увы, ничем не интересен
Отреставрированный дом.
Здесь очень шумно,
Очень бойко,
Здесь толчея и суета.
Здесь глухо шепчет речка Мойка –
И та, и вроде бы не та...
И, дорожа секундой, часом,
Спешим, опережая тень...
Здесь Пушкин встретился с Данзасом
В январский несчастливый день.
А вскоре здесь,
На месте этом,
Читали, скорбны и тихи,
Стихи безвестного поэта,
Уже бессмертные стихи.
И ты, на месте стоя этом,
На два столетья оглянись –
Здесь судьбы двух больших поэтов
Таинственно пересеклись.
Вот здесь,
На две ступеньки ниже,
Где полустёртый барельеф,
Где Мойка плещется чуть слышно,
Уже заметно обмелев...

Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский.
С крыш вода на тротуар течёт..
Отставной поручик Достоевский
По притихшей улице идёт.

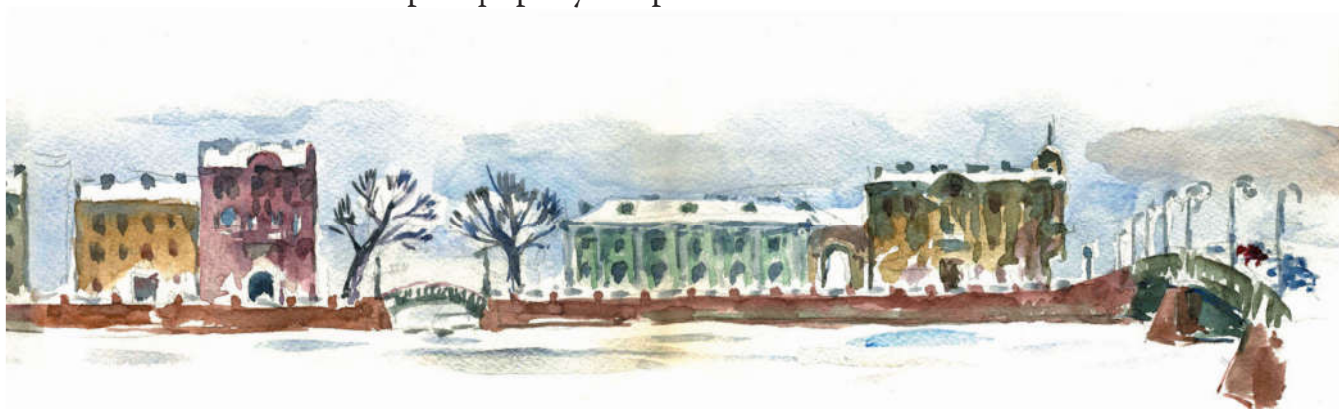
Боже! Как дождливо в этом мире!
Впрочем, бездна всё-таки без дна.
Может, всё же посидеть в трактире?..
Спросит чаю. Сядет у окна.

Не минуют тёмные напасти –
Бьёт судьба как будто наобум.
Есть расчёт в любой безумной страсти,
Безрассуден самый трезвый ум.

И поди ж, предугадай попробуй,
Где и чья прольётся завтра кровь
В миг, когда соседствуют со злобой
Доброта и вечная любовь.

И попробуй быть скупым и кратким
В час труда, забвенья и гульбы,
В миг, когда вот-вот поймёшь загадки
Русской удивительной судьбы.

Всё так просто и необъяснимо,
И попробуй догадайся сам...
Дым табачный вьётся мимо, мимо,
Через фортку – прямо к небесам...

ДОМ, ГДЕ ЖИЛ ТЮТЧЕВ

Смеркается. Как наваждение
В морозном мареве огней
Проспекта сонное движение,
Реклам дрожащее свечение,
Мерцанье тусклых фонарей...

Иду по Невскому. Знакомо
И всё почти известно мне...
На миг останавлиюсь у дома,
Увижу яркий свет в окне.

Напряжены, в морозной пыли,
Гудят чуть слышно провода.
Здесь жил поэт. Давно забыли,
В какие именно года.

Уже пустеют мостовые...
Смотри, из этого окна
Ему была видна Россия,
Была судьба её видна...

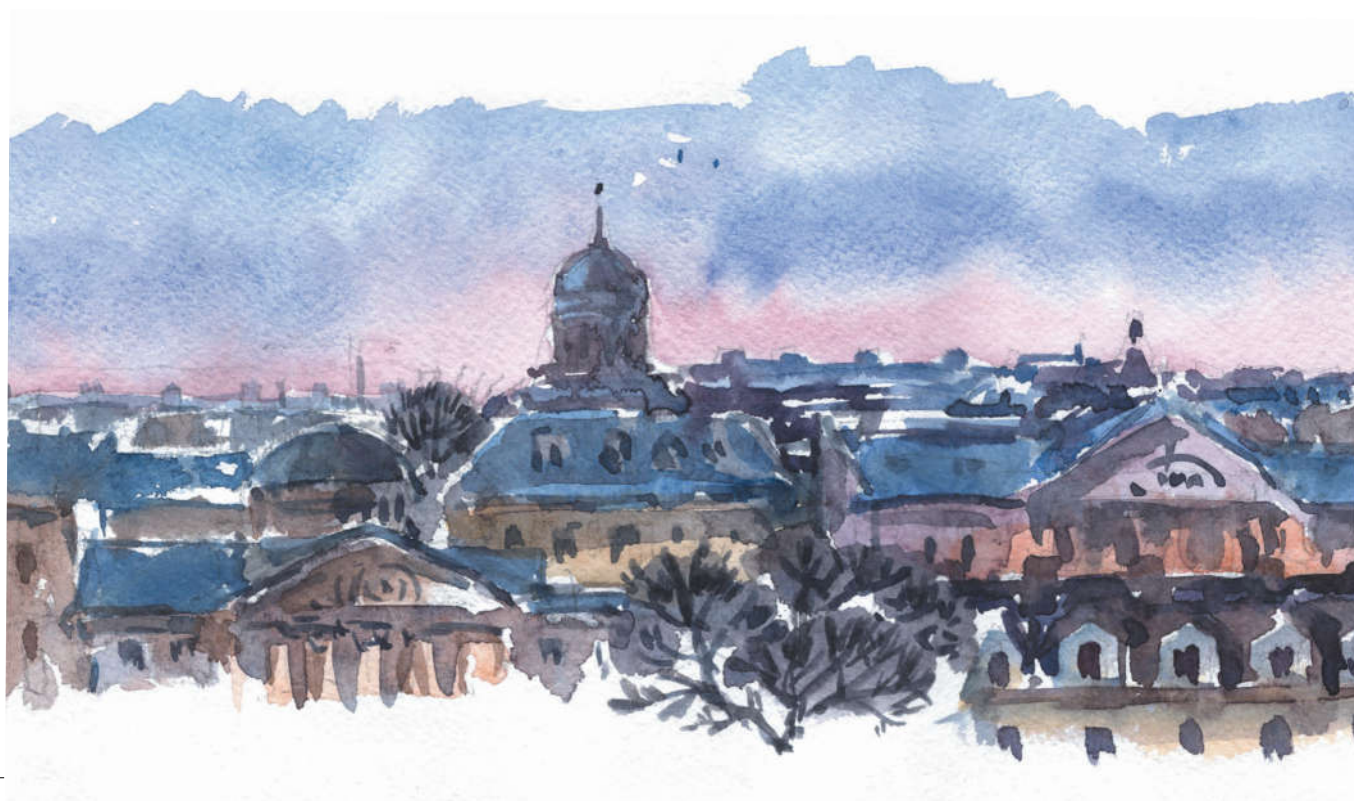
НОЧУЮ В ГОСТЯХ

Только в комнате выключу свет,
Как останусь один в этом мире,
И подумаю вдруг – сколько лет
Этой старой, забытой квартире?
Кто в стенах этих жил, кто тужил
По несбывшейся светлой надежде?
Кто рублём золотым дорожил
В этом доме глухом на Разъезжей?
Здесь бродил Достоевский не раз,
Пушкин к Дельвигу ехал под вечер,
Чернышевский в полуночный час
Шёл, сутуля высокие плечи...
И какая теперь тишина
И безликость ночными часами...
Лишь мерцают в ночи имена,
Что хранит нестареющий камень.
Станет страшно в зловещей тиши
На мгновенье, всего на мгновенье!
Память камня – не память души –
Не распались бы вечные звенья,
Чтобы в эту зловещую щель
Не врывался беспамятства ветер...
Скрипнет плохо прикрытая дверь.
Дрогнут блики фонарного света.
И распахнутой книги страница
Шевельнётся, и дрогнет рука,
И едва заскрипит половица,
Заколышутся тени слегка...
Я не сплю. Я лежу не дыша.
Кто полуночью сумрачной бродит?
Может, грешная чья-то душа
Что-то ищет, да всё не находит...

Растаяли давно
Мгновенья встреч.
Но всё же я одно
Сумел сберечь –

И сам тому не рад,
Судьбу кляня,
Храню в душе твой взгляд.
А он – меня...

БАЛЛАДА О СТАРОЙ ПЛАСТИНКЕ

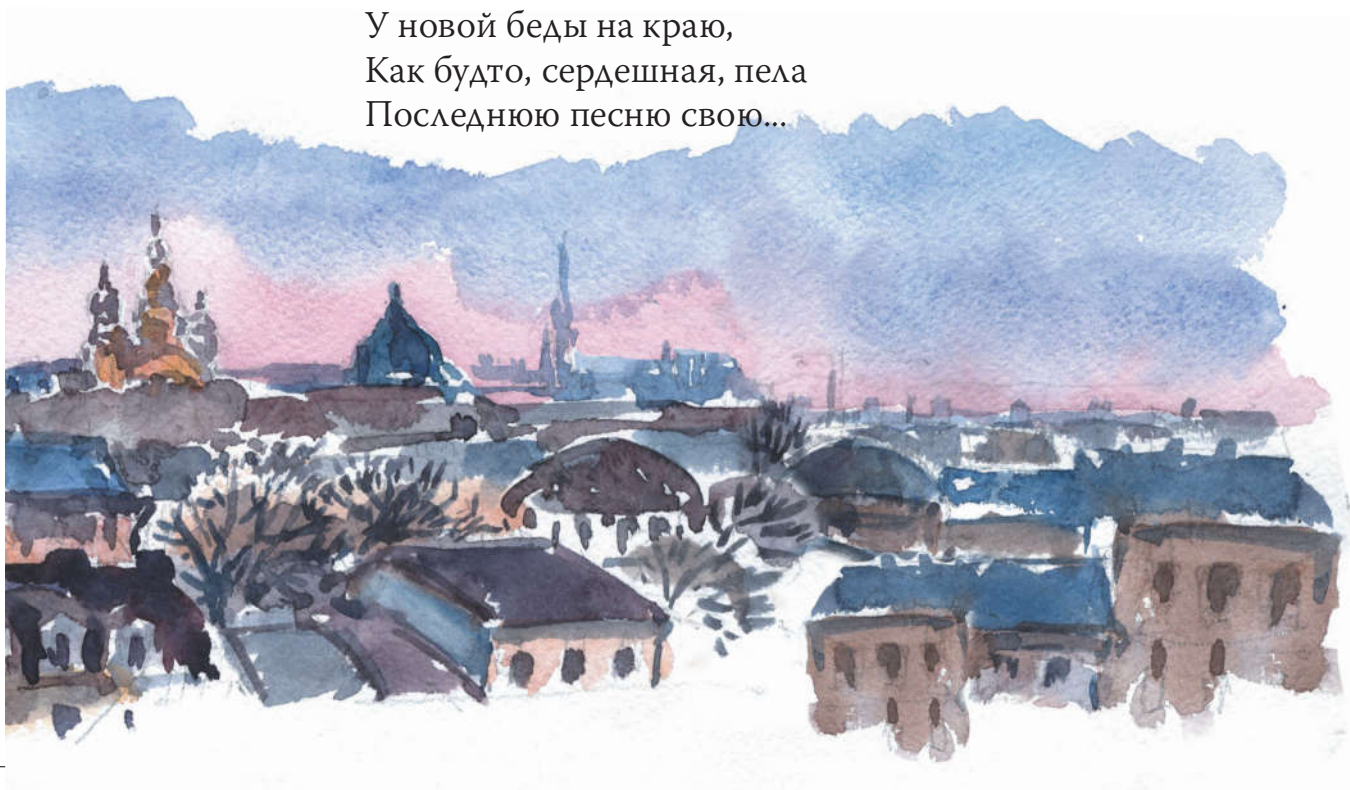
Пластинке заигранной было,
Наверное, лет тридцать пять,
И было ей грустно, уныло
Средь ярких конвертов лежать.

Когда-то и ей не давали
Ни дня отдохнуть в тишине,
И хором, смеясь, подпевали
Той песне о прошлой весне.

Давно уже умерли люди,
Что первыми въехали в дом,
Не знали, что внуки их будут
Смеяться и петь о другом...

А нынче хозяин устало
Копался в серванте – как вдруг
Со звоном пластинка упала,
Скользнувши из дрогнувших рук.

И жалобно так зазвенела
У новой беды на краю,
Как будто, сердешная, пела
Последнюю песню свою...

БАЛЛАДА О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СЕТКЕ

Походкой немного нетвёрдой,
Храня независимый вид,
По улице шествует гордо
Минувшей войны инвалид.

И обыкновенная сетка
В руках огрубевших его –
Теперь уж на улицах редко
С такой повстречаешь кого.

Примета минувшего быта!
Мы стали тебя забывать.
Всё было легко и открыто,
И нечего было скрывать...

Теперь уж не переиначим
Минувших сокрывшихся дней,
Где жили не то чтоб иначе,
Но всё-таки как-то дружней...

Опять твоя сумка забита
До самых высоких краёв,
Пейзажем заморским сокрыто
Бездонное чрево её...

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Вот не думал, что жизнь забросит меня
В те края, где был дедовский дом...
Притулившись к берёзе,
Сажу у огня.
Ночь.
Спокойно и тихо кругом.

Жаль, что не был ни разу
На отчей земле.
Надо мною в глубинах небес
Необжитые звёзды
Мерцают во мгле,
Озаряя загадочно лес.

Нас манила Вселенная.
Тайны её
Мы стремились постичь, разгадать.
А Земля?
Мы забыли совсем про неё,
Разучились её понимать...

Сохранить бы и горы, и воды её,
Всё, что раньше не уберегли,
Чтоб земля не теряла обличье своё,
Чтобы мы не теряли земли,
Чтобы помнили всё, что забыто подчас, –
И преданья родной старины,
И степенной старухи
Печальный рассказ
О сынах, не пришедших с войны.

Чтобы всё отразилось
В глубинах души –
Опрокинутый купол небес,
Городок, что затерян в российской глуши,
И шумящий загадочно лес...

Чтоб ничто не истлело,
Чтобы память жила,
Чтобы крепла в мятежной душе...
Всё прозрачней становится
Серая мгла,
Понемногу светлеет уже,

И ночные светила,
Тускнея, дрожат,
Отражаясь в озёрной воде...
И тяжёлые росы
На травах лежат,
В каждой капле росы –
По звезде.

Поэт воспитан был войной,
Суровым ротным старшиной,
Он честен был и смел.
Он первые стихи слагал
В окопах.
И в стихах не лгал,
Поскольку не умел.

А если он и был не прав,
Не хватит совести и прав
У нас его судить.
Он никогда не клял судьбу.
А вот теперь – лежит в гробу,
А нам с тобою – жить...

Не мельтеши, не суетись.
Ты лучше у него учись,
У совести его.
Своей судьбой строку измерь.
Есть жизнь и смерть.
Есть жизнь и смерть,
А больше – ничего...

Давным-давно понять пора,
Что жизнь – не праздник, не игра,
Не пёстрый маскарад,
Что мы не зрители в кино,
Что юность кончилась давно,
Что нет пути назад.

Хотел со всеми жить в ладу,
Да только нет со всеми лада.
Один несу свою беду –
Наверно, это так и надо.

Наверно, так тому и быть,
Но как порою трудно это –
Не балансировать, а жить
На шатком стыке тьмы и света.

Не в разобщённости беда,
Не в том, что мы забыли Бога.
Скажи, кого винить, когда
Внезапно кончилась дорога?

По саду Летнему бреду,
В морозном инее ограда.
Хотел со всеми жить в ладу,
Да только нет со всеми лада.

Уезжаю не навсегда,
Но с тобой прощаюсь навечно.
Обниму тебя, как тогда,
В первый раз, за детские плечи.

В морозящем дожде вокзал.
Ты стоишь. Ты не прячешь взгляда.
Веришь, всё бы тебе отдал,
Да тебе ничего не надо.

Над Ригой притихшей осенние дуют ветра,
Доносится рокот прибоя и крик журавлиный.
Над шпилем высоким собора святого Петра
Летят облака, задевая за хвост петушинный.

Уже тяжелеют пунцовые кисти рябин,
Темнеют реки беспокойной свинцовые воды.
Я с городом вечным остался один на один,
Висят надо мною тяжёлые влажные своды...

Я жил, не боясь расставаний, злословий, измен.
Я жил без любви и без денег, не веря в приметы.
Но, видимо, нынче настала пора перемен –
Не так, как обычно, кончается тихое лето.

Не так, как обычно, кричат в вышине журавли,
И ветер листает распахнутой книги страницы.
Не так, как обычно, прощаясь, гудят корабли,
И слишком тревожны прохожих печальные лица.

У каждого в жизни бывает такой же вот час,
Когда, отрешившись от всякой привычной мороки,
Ты вдруг понимаешь, что кем-то когда-то для нас
Отмерены жёсткие, очень короткие сроки.

Что начат давно этот долгий безжалостный счёт,
Что всё миновало, минуло уже безвозвратно.
Как сто лет назад, Даугава к заливу течёт,
И кто бы сумел повернуть эти воды обратно.

Остынет стакан
Золотистого чая.
Под гомон колёсный
Меня укачает.
Закрою глаза
И заснуть попытаюсь,
Но снова, но снова
Туда возвращаюсь:
Туда, где шумит
Утомлённое море,
Где парус растаял
В туманном просторе,
Где кем-то забыты
Рыбацкие сети,
Где листья уносит
Таинственный ветер
И гонит их долго,
Смеясь и куражась,
По гулкому пляжу,
Осеннему пляжу...
Где мной не дочитаны
Умные книги,
Где гулки кварталы
Готической Риги,

Где ты ускользаешь
Уже безвозвратно.
И всё это просто
И так непонятно...
И я забываю,
Что должен кому-то.
Я счастлив безмерно,
Что хоть на минуту,
На миг озарилось
Случайной кометой
Беззвёздное небо
Минувшего лета.

Отара послушно бредёт за своим пастухом,
Спокойно, лениво, не зная забот и тревоги.
А он, в полудрёме, на ослике едет верхом
По только ему одному лишь известной дороге.

Отара не ведает страха, не знает беды.
Бараны бредут друг за другом лениво и сонно.
И тащатся вновь целый день от воды до воды,
И верят, что всё это прочно, надёжно, законно.

Ведь есть же пастух, что на ослике едет верхом.
Он умный. Он знает дороги и все водопой...
И стадо послушно бредёт за своим пастухом,
Бредёт, убаюкано знойным и сытым покоем.

И вечно бредут вслед за ним мимо гор, мимо сёл...
Но дремлет пастух, и бессильные свесились руки,
И тянет отару тупой, своенравный осёл,
Не зная, куда и свернуть от назойливой скуки.

Как сговорившись, окна гаснут.
И вот уж город погружён
В спокойный, безмятежный, ясный,
Почти что детский тихий сон.

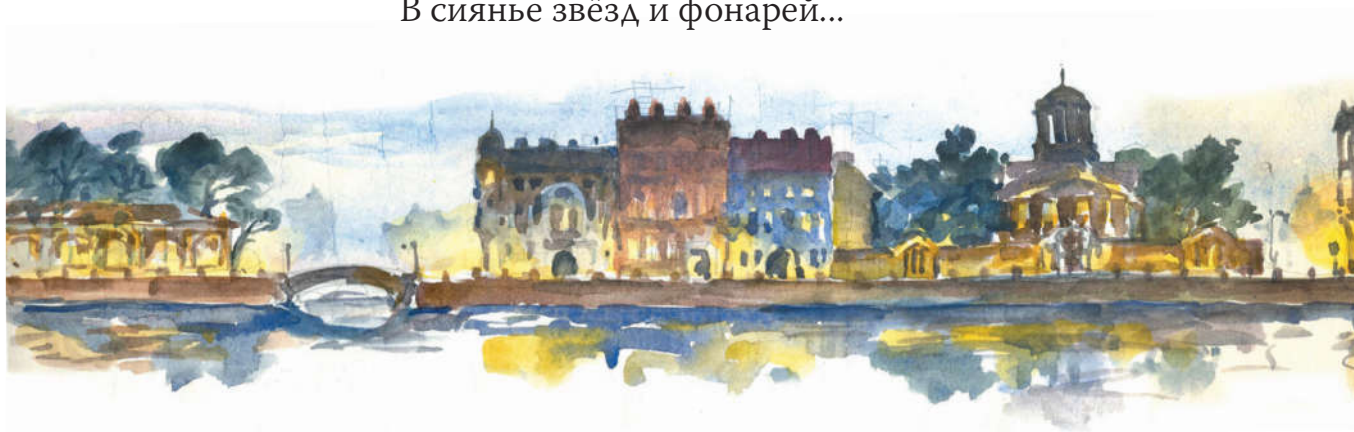
Забуду о добре и зле,
О пустоте дневного вздора.
Смотрю, как в сумеречной мгле
Мерцают купола собора,

Как над застывшею листвою
Сиянье лунное разлито,
Как конь над сонною Невою
Вознёс тяжёлые копыта.

Мерцают тускло фонари.
В реке дрожат ночные звёзды.
Ещё есть время до зари,
И, может быть, ещё не поздно

Связать оборванную нить,
Поднять распавшиеся звенья?
И начинать, как прежде, жить
Без гордости и сожаленья,

Без суеты и без подсказки
Дрожащих, тающих теней,
При свете совести и сказки,
В сиянье звёзд и фонарей...

ПИСЬМО

А по ночам здесь тишина,
Лишь сосен шум да гул прибоя.
И фонаря на пол-окна –
Мерцанье бледно-голубое.

Я буду месяц изнывать
От неподвижной пляжной скуки.
Я буду долго забывать
Твои лицо, глаза и руки...

Звенит ночная тишина.
Далёко слышен гул залива.
Тяжеловесная луна
Задумчива и молчалива.

Довольно истины одной,
Чтоб жить счастливо и безопасно:
Ничто не вечно под луной,
Да и луна сама не вечна.

Всё встанет на свои места...
Как просто всё, но слишком поздно!
А высь безбрежна и чиста,
И только ярко светят звёзды...

Пишу – всё будет хорошо,
А всё давным-давно прошло.

Хотелось любви и тепла,
Надежды и верного друга.
Но жизнь незаметно вошла
В границы житейского круга.

Без радости и без тоски
Потянутся сроки лениво,
Как воды осенней реки,
Спокойно и неторопливо.

Но в час, когда тают снега
И птицы потянутся с юга,
Почувствуешь, как нелегка
Такая дорога без друга.

Но пуст твой построенный дом.
Но ты доживи до рассвета,
Но ты дотерпи, а потом
Настанет привычное лето,

И жизнь войдёт не спеша
В спокойное, тихое русло...
А в час, когда дремлет душа,
Возможно ль высокое чувство?

ВЗГЛЯД

Ты всё спешишь куда-то, суетясь,
Боясь прослыть обычным и банальным,
И навсегда утрачиваешь связь
Меж вымышленным миром и реальным.

И чаще вспоминаешь невпопад
Тот день и час, на время позабытый,
Тот удивлённый, тихий женский взгляд,
Какой-то беспокойный и открытый...

И то, что этот беспредельный миг
В душе твоей навечно и незримо,
Теперь лишь, много лет спустя, постиг,
Ну а тогда привычно – мимо, мимо...

И безвозвратно миновали дни
И этот миг, потерянный тобою,
Когда, казалось, руку протяни,
И встретишься с единственной судьбою.

В БОЛЬНИЦЕ

Светает рано. Тишина.
И мне, лежащему в постели,
Мир из больничного окна
Иным казался, в самом деле...

Ведь ты, доверившись врачам,
Уже в другом соизмеренье.
Тебя тревожат по ночам
Глухие шорохи и тени.

Грачей озябнувших галдеж,
Бог весть чем кажется спросонья,
А всё так просто, как чертёж
Ветвей нагих на синем фоне.

И вот очерчены уже
Все устремленья и желанья,
И смысл загадочный в душе
Уже на грани пониманья,

И осязаема тщета
Своим незримым постоянством,
И различимее черта
Меж бранным миром и пространством,

Когда, в беспмятстве дрожа,
Забилось сердце онемело,
Когда казалось, что душа
Уже вот-вот оставит тело...

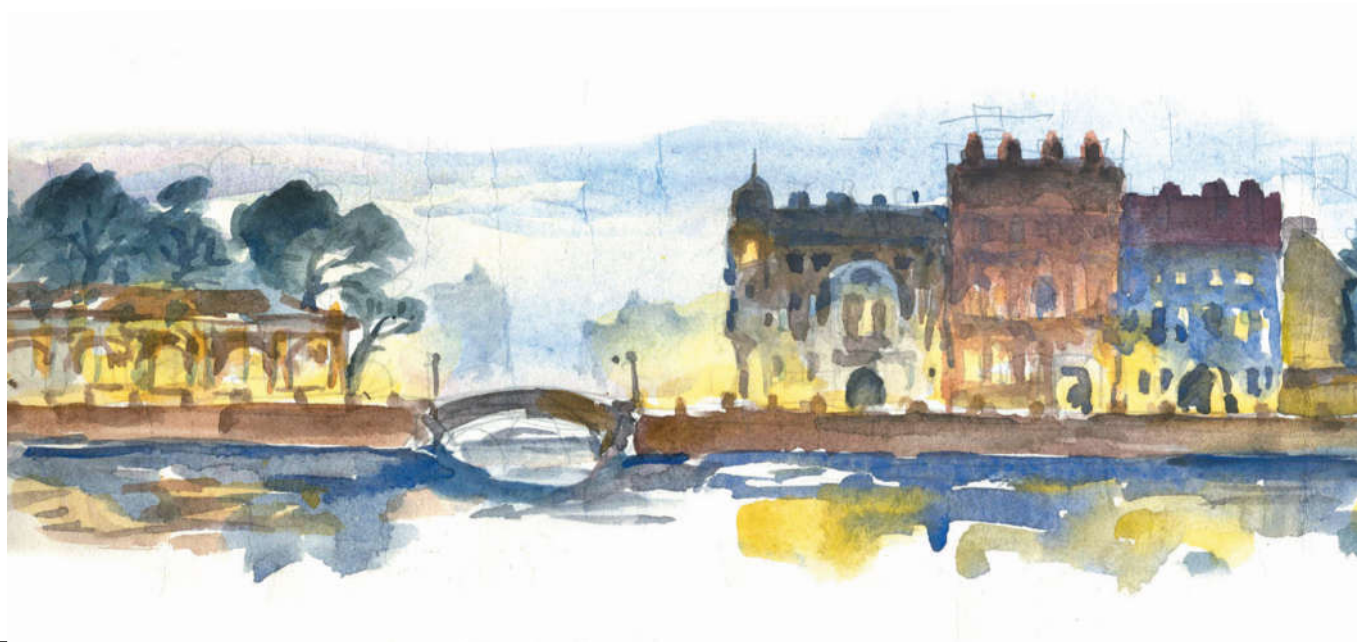
БАЛЛАДА О СКРИПКЕ

Смотрю, как мальчишка со скрипкой,
Сутулясь, идёт впереди,
С какой-то счастливой улыбкой
Футляр прижимая к груди.

Кто — джинсы, кто — пиво, кто — лыжи,
А кто-то — совсем ничего...
Ему же лишь музыка ближе
И, может, нужнее всего.

И, может быть, необходимо,
Чтоб кто-то, про всё позабыв,
Наигрывал неувимый,
Ещё не окрепший мотив.

Чтоб тайная музыка зрела,
Отринув мятущийся страх...
Чтоб скрипка звучала, звенела
В ещё не окрепших руках.

ЦИРК МОЕГО ДЕТСТВА

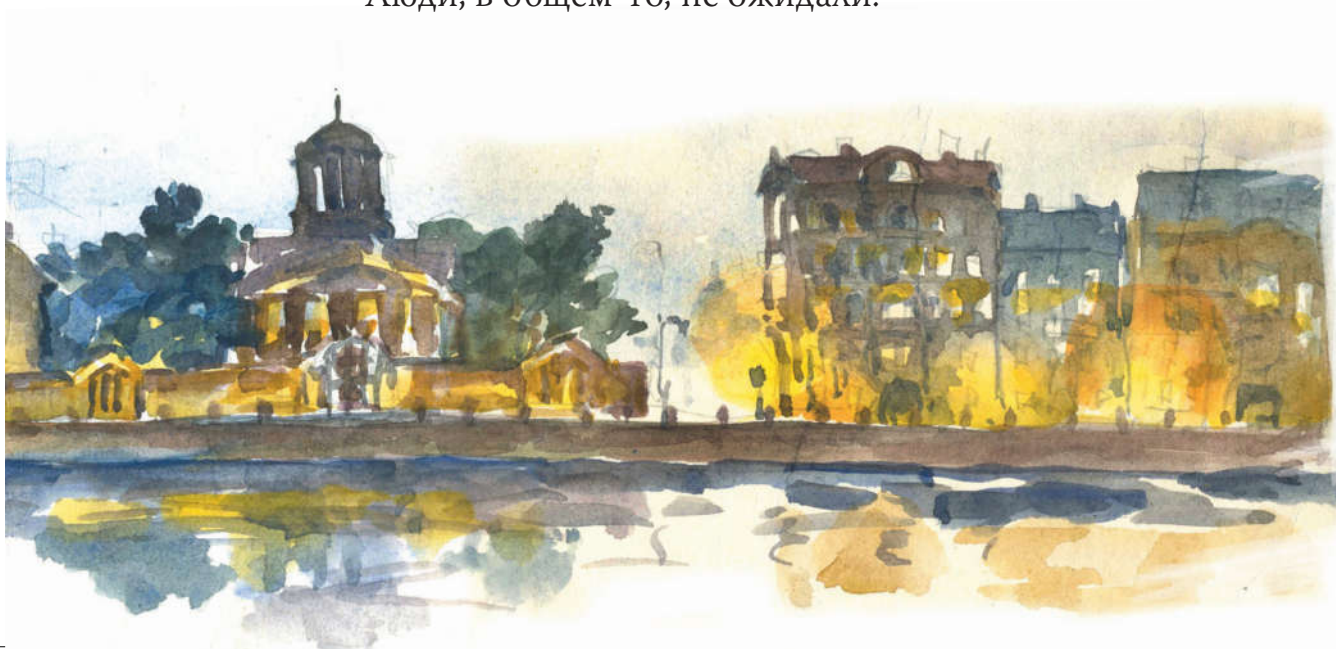
Как прекрасно всё было вокруг!
И соседей счастливые лица,
И арены сверкающий круг,
Где учёные звери и птицы!

О, таинственные миражи!
Но как был преисполнен отваги
Тот факир, поглощавший ножи
И стальные блестящие шпаги...

Лишь взмахнёт рукавами факир –
Птицы вдруг вылетали оттуда,
И был этот загадочный мир
Воплощением света и чуда.

Но, решив показать, что и как,
Чтобы публика вновь не скучнела,
Он раскрыл свои тайны, да так
Откровенно, искусно, умело,

Что восторг преисполнил сердца
Всех сидящих в восторженном зале.
Ведь такого, признаться, конца
Люди, в общем-то, не ожидали.

Ну, а мне бы – не видеть того!
Подступила вдруг к горлу обида.
Я крепился, твердил: «Ничего...» –
Не подав ни малейшего вида.

С затаённой обидой в душе
Я домой возвращался оттуда.
С той поры и доньше уже
Не живу предвкушением чуда.

Догорая, мерцают огни,
И тускнеют лазурные краски...
Миновали прекрасные дни,
Где я жил ожиданием сказки.

БАЛЛАДА О СТАРОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Парадная лестница старого дома
 До каждый щербатой ступеньки знакома.
 И стоит лишь в окна немые вглядеться,
 Как вспомнится сразу далёкое детство...
 От невского берега
 Веет прохладой,
 Шумят тополя
 Поседевшего сада.
 Трезвонят трамваи,
 Как прежде, бывало,
 Вдыхают –
 И снова в дорогу устало...
 И знаю, что в прошлое не возвратиться.
 Но пух тополиный, как прежде, кружится.
 И что-то припомнить я всё же пытаюсь,
 И я возвращаюсь, и я возвращаюсь
 В тот мир, что навечно в душе берегу,
 Где я ничего объяснить не могу,
 Где я ничего ещё не понимаю,
 А только внимаю, а только внимаю...
 И я возвращаюсь туда постепенно,
 С трудом поднимаюсь по старым ступеням.
 Щербатые стены...
 Покатые крыши...
 Всё выше и выше,
 Всё выше и выше...

ИНДИЙСКОЕ КИНО

Мне довелось, не так уж и давно,
Устав от споров о Жан Поле Сартре,
Сидеть, смотреть индийское кино
В каком-то небольшом кинотеатре...

Сюжет закручен так, что наш герой,
Или героиня, любят и страдают.
Случается, что все они порой
Уже по краю пропасти шагают.

Везёт же тем, которые живут
Нечестно, недостойно, глупо, жадно...
Но час пробьёт – и грянет Высший суд,
И их судьба карает беспощадно.

И настаёт счастливая пора –
И вот сентиментальная развязка.
Благословенно царствие добра –
Счастливая, врачующая сказка...

А зритель? Нет, он вовсе не дурак,
Когда смеётся, негодует, плачет...
Уж он-то знает: в жизни всё не так,
А даже, может быть, совсем иначе...

Нашей памяти долгий свет —
Как единственное наследство.
Как от поступи прошлых лет,
Никуда от неё не деться...

Всё вместила моя душа
Без остатка и без возврата...
Чередуются не спеша
Времена, события, даты...

За морозным синим окном
Занялась, замела пороша.
С каждым часом и с каждым днём
Тяжелей, непосильней ноша...

Заметается ночь пургой,
И луна, потемнев, ослепла...
И кружатся во тьме глухой
Хлопья снега и хлопья пепла.

Посев взойдёт на вспаханной земле,
Дождём обильно политой и пóтом.
О, будь благословенною работа
Под знойным солнцем и в рассветной мгле!

О, будь благословенен вечный труд
На ниве, где заколосятся всходы
Добра, познаний светлых и свободы,
Которые потомки соберут!

Но где зерно случайно упадёт
Или в песок, или во чисто поле,
Оно случайным злаком прорастёт
Или умрёт томящимся в неволе.

Умрёт или останется одно
Средь сорных трав взошедшее зерно.

Встанешь утром рано –
В мире тишина.
В пелене тумана
Тусклая луна

Скоро неприметно
Скроется сама.
В дымке предрассветной
Замерли дома.

Каждое мгновение –
Капелька тепла.
Призрачной сомненья
И прозрачной мгла.

Если б бесконечно
Длился этот миг!
Но ничто не вечно...
И меня настиг,

Закружил немного
Призрачный обман –
Из дождя ночного
Сотканный туман:

В нём двоится странно
Тусклая луна.
Встанешь утром рано –
В мире тишина...

СНЕГОПАД

Снег падает.
Мерцанье фонарей
С сияньем лунным неразрывно слито.
Струится воздух к мрачным небесам.
Во всём искать
Какой-то тайный смысл
Не только бесполезно, но и глупо.
И стоит ли об этом говорить?
Год вычеркнут из жизни, как строка
Из неудачного стихотворенья.
И стоит ли об этом сожалеть?
Нет радости и горя,
Только снег
Летит, кружась в неоновом тумане,
В морозной мгле застывших фонарей...

ВСТРЕЧА

В толпе торопливых прохожих
 Увижу тебя, оглянусь –
 И душу наполнит тревожно
 Щемящая, давняя грусть...

Мерцает твой облик и тает
 В заснеженных сумерках дней.
 Не память нам изменяет,
 А мы изменяем ей.

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

*И всюду – страсти роковые,
И от судеб защиты нет.*

А.С. Пушкин

Всё слабее неоновый свет.
За оградой внезапно и странно
Возникает дворца силуэт,
Что сокрыт пеленою тумана,

Словно нечто такое тая,
Что открыться пред нами готово...
Замираю. И память моя
Воскрешает события бывшего...

Хан из Персии прибыл и жил
Во дворце. Многочисленной свитой
Не напрасно себя окружил,
Так как прибыл он с важным визитом.

Регулярно вершил он намаз
И гарем посещал до обеда.
Он привёз драгоценный алмаз
За убийство посла Грибоеда.

Вот он едет к царю на приём,
Но монарх не сердает на хана.
И был принят подарок царём,
И обласкан посланец Ирана...

Не обмолвились словом ему
Об убийстве поэта России.
О, когда б удалось и кому
Переписывать судьбы людские!

Но иной доверяясь судьбе,
Как же страшно, наверное, всё же
Встретить гроб на скрипучей арбе
Под изодранной, пыльной рогожей.

В тот день я из Риги домой уезжал.
Вот плавно качнулся и дрогнул вокзал,
И крыши, и острые шпили.
И тронулся тихо купейный вагон –
И небо, и серый пустынный перрон
В минувшее тихо поплыли.

Мой город! Готических улиц твоих
Читаю на память таинственный стих
И думаю, что не случайно
Тот месяц навечно остался в душе,
И будет теперь неизменно уже
Печалью овевая и тайной.

Печалью и тайной, и радостью встреч,
Которые всё же сумеет сберечь
Моя неизбывная память.
Я так благодарен за это тебе,
И так благодарен за это судьбе –
За всё, что свершилось меж нами...

И мчится сквозь время купейный вагон,
И словно на гребнях притихнувших волн
Его осторожно качает.
Мелькают, тускнея, в ночи фонари,
И звёзды, в преддверии ранней зари,
В тумане таинственном тают.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСИЯ О ПОБЕГЕ НАПОЛЕОНА С ОСТРОВА СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ

Мог бежать Наполеон
С острова Святой Елены,
Если пожелал бы он
Избавления от плена.
Вот блистательный обман!
Вновь с судьбой играем в жмурки.
Вот он, вот он, хитрый план,
Спрятан в шахматной фигурке!

Словом, почему нельзя?
Были штормы и туманы,
Были верные друзья,
Были деньги, были планы,
Не скрипели бы в ночи
Часовых продажных глотки,
Были тайные ключи,
Были лестницы и лодки...

Но куда бежать! Бог мой!
О, несовершенство мира!
Сотворён уже иной
Образ мрачного кумира.
Не вернуть былого. Нет.
Даже если возвратиться.
Тусклый долгий лунный свет
В волнах пенистых дробится.

Равнодушен океан,
И ворчит прибой невнятно.
И вздохнув, блестящий план
Положил кумир обратно...

Был ли Фет евреем или немцем,
Стоит разве спор вести о том?
Он был русский и умом, и сердцем.
Вот и всё. А обо всём другом

Стоит ли твердить, писать трактаты,
Вспоминать давнишние грехи?..
Я забуду времена и даты,
Я читаю старые стихи...

И летят куда-то мимо, мимо
Попусту потраченные дни,
И горят во тьме неугасимо
Вечные вечерние огни,

И лазурь такая с неба льётся,
Что застыну, грешный, не дыша...
И внезапно чутко встрепенётся
До сих пор дремавшая душа.

ТУРГЕНЕВ НА ВОДАХ

Как мил и тих курортный город!
Какой покой и тишина...
А на душе – какой-то холод,
Не то печаль, не то вина.

Недуг сердечный – не телесный,
И тут бессильны доктора...
Мерцает тускло свод небесный
Над храмом Павла и Петра,

И там, в бездонном синем небе,
Плывут, курлычут журавли...
И пахнет поздним тёплым хлебом
Давно покинутой земли...

Mein Gott! Какие нынче воды,
Когда встаёт из забвения
Печальный лик родной природы
И смысл загадочный ея?..

БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ

Белеет парус одинокий.

Как лебединое крыло...

А.А. Бестужев

И
Балы, концерты, маскарады,
Блеск аксельбантов, эполет,
Ученья, смотры и парады,
И только ночью ты – поэт.
И к чёрту свет пустой, манерный,
Слова вельможи-дурака...
Свеча роняет свет неверный,
И тень колышется слегка...
Но что перо? Перо – не шпага!
А сколько сделать бы хотел!
В душе всегда жила отвага:
Поменьше слов – побольше дел!
Судьба. Отечество. Рылеев.
Непримиримый, честный взгляд.
Ужели жизни пожалеем?!
Кондратий, друг мой, как я рад...
И вновь – волнения, заботы,
Ночные встречи, шумный бал...
Постой же, маска, кто ты? Кто ты?
Тебя я прежде не встречал...
И вдоль Фонтанки мчит карета
В морозных бликах фонарей
Штаб-офицера и поэта

С ночной избранницей своей.
Лови последние мгновенья –
Туманный взор, покорность губ...
Но бьёт минута пробужденья –
Призывает глас гвардейских труб.
Остудит сердце мрак январский.
Падёт таинственный покров.
И будет гнев коварен царский,
А жребий – страшен и суров...

II

Друзья мои! Что с вами ныне?
Кого из вас судьба хранит?
Один томится на чужбине.
Другой – в тюрьме. А ты – убит!
Ах, Пушкин, Пушкин... Нет, не жалость!
Наш скорбный путь лежит во мгле.
Но неужели не осталось
Сердец достойных на земле?
И офицерам, и поэтам
Давно пора понять, друзья,
В несовершенном мире этом
С душой открытой жить нельзя.

Нельзя? Нельзя! Но, Боже правый,
Как быть тебе, когда ты сам
Рождён для подвига и славы
С душой, летящей к небесам?!
А дальше? Дальше будь что будет.
И пусть не будет ничего.
Потомок строгий не осудит
Сомнений сердца твоего...

Белеет саван пенных кружев.
И вал за валом катит вал.
Опальный прапорщик Бестужев
В десанте без вести пропал.
Что в жизни скорбной и постылой
Решит последний спор с судьбой?
И ни креста, и ни могилы,
А только пенится прибой...
И в море зыбком, там, далёко,
Так неподкупно и светло
Белеет парус одиноко,
Как лебединое крыло...

Из цикла
«ЗВЕЗДА АПШЕРОНА»

Та женщина жила неподалёку
От старого дворца бакинских ханов...
А в комнате был низкий потолок,
И окна выходили прямо в небо
И в море, что мерцало на рассвете.
И горизонт светился бирюзою.
И воробьи ещё в пыли купались;
И корабли качались у причала;
И властно возвышались минареты;
И не тревожили шаги прохожих
Уснувшую в глухих проулках вечность.
А женщина спала. Она не знала,
Что этот мир обязан ей рождением...
И тихо лепестки роняли розы
В дворцовый пруд с зелёною водою...

СУХОЕ ДЕРЕВО

Оно других переживёт –
Что, в самом деле, с ним случится?
На нём листва не оживёт,
На ветви не присядут птицы.

Не тяготят его плоды,
Болезни долгие не мучат,
Не надо солнца и воды,
И ветер не страшит колючий.

Ни боли нет, ни счастья нет –
Вот долголетия секрет.

После ливней зеленеют склоны
И уступы каменистых гор.
Стало ослепительно зелёным
Всё, что серым было до сих пор.

Вдоль ущелья тянется дорога.
Всё прозрачней утренняя мгла.
Людям тоже надобно немного
Доброты, надежды и тепла.

ДОРОГА

Дорога, ведущая в гору,
Порою в ущелье петляет.
Спускается вниз по склону,
Тропинкой становится узкой.
Дорога, ведущая в гору...
Но тот, кто идёт по дороге,
В ущелье петляя,
Спускаясь
По скользкому склону тропинкой,
Пусть помнит о том,
Что вершина
Сверкает снегами:
То ярко –
В лучах ослепительных солнца,
То тускло –
В полуночном свете
Высокой и полной луны.

Туман лежит на дне долины.
Взошла тяжёлая луна.
Застыли горные вершины
Во власти тягостного сна.

Былые, грозные века...
Они теперь им только снятся.
На них не сходят облака,
На них снега не серебрятся...

Но, как остатки прежней славы,
На солнцем выжженной земле
Застыли волны пенной лавы,
Мерцая в сумеречной мгле...

Имея пять рублей, могу
В пролётке пыльной, антикварной
По пыльным улочкам Баку
Продолжить путь. И благодарный

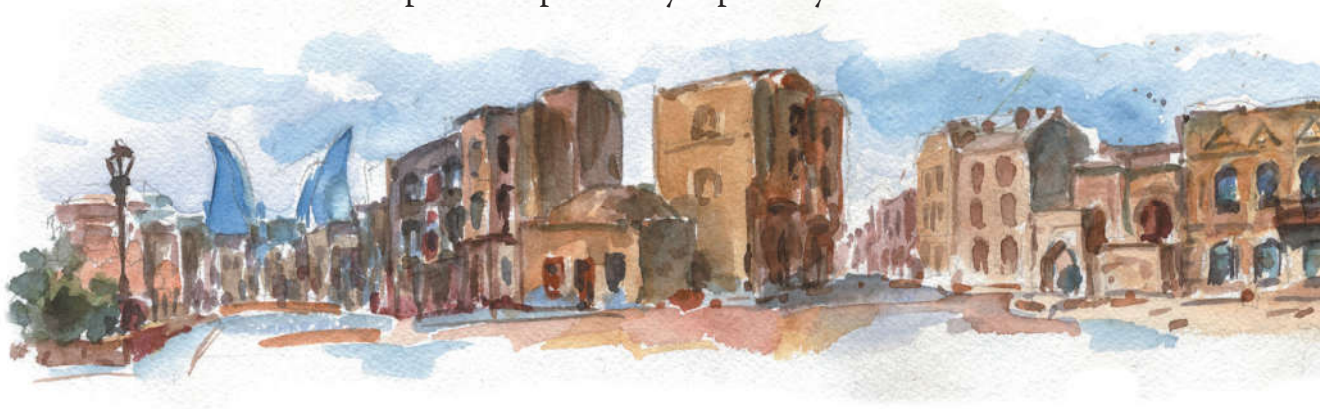
Возница будет говорить
О том, о сём... Мелькают спицы.
И будем вечно мы кружить
По улицам ночной столицы...

О, сколько здесь таится тем! —
Перед богатством их немею...
А город будет между тем
Привычной жизнью жить своею.

Привычной, если не сказать,
Обычной или же банальной.
Там будет музыка звучать
Из темноты полуподвальной,

Там будут вечно торговать
И пить вино, и веселиться,
Луна из волн морских всплывать,
И солнце за море садиться.

И дураков давнишний спор
Повергнет мудреца в зевоту.
И будет этой ночью вор
Вершить привычную работу...

Уже – попробуй отличи –
Мелькают тени, люди, зданья,
Безмолвно высятся в ночи
Дворцов немые очертанья...

И стариковская рука
Невольно опускает вожжи,
И предо мной встают века,
Минуя ветхие таможни –

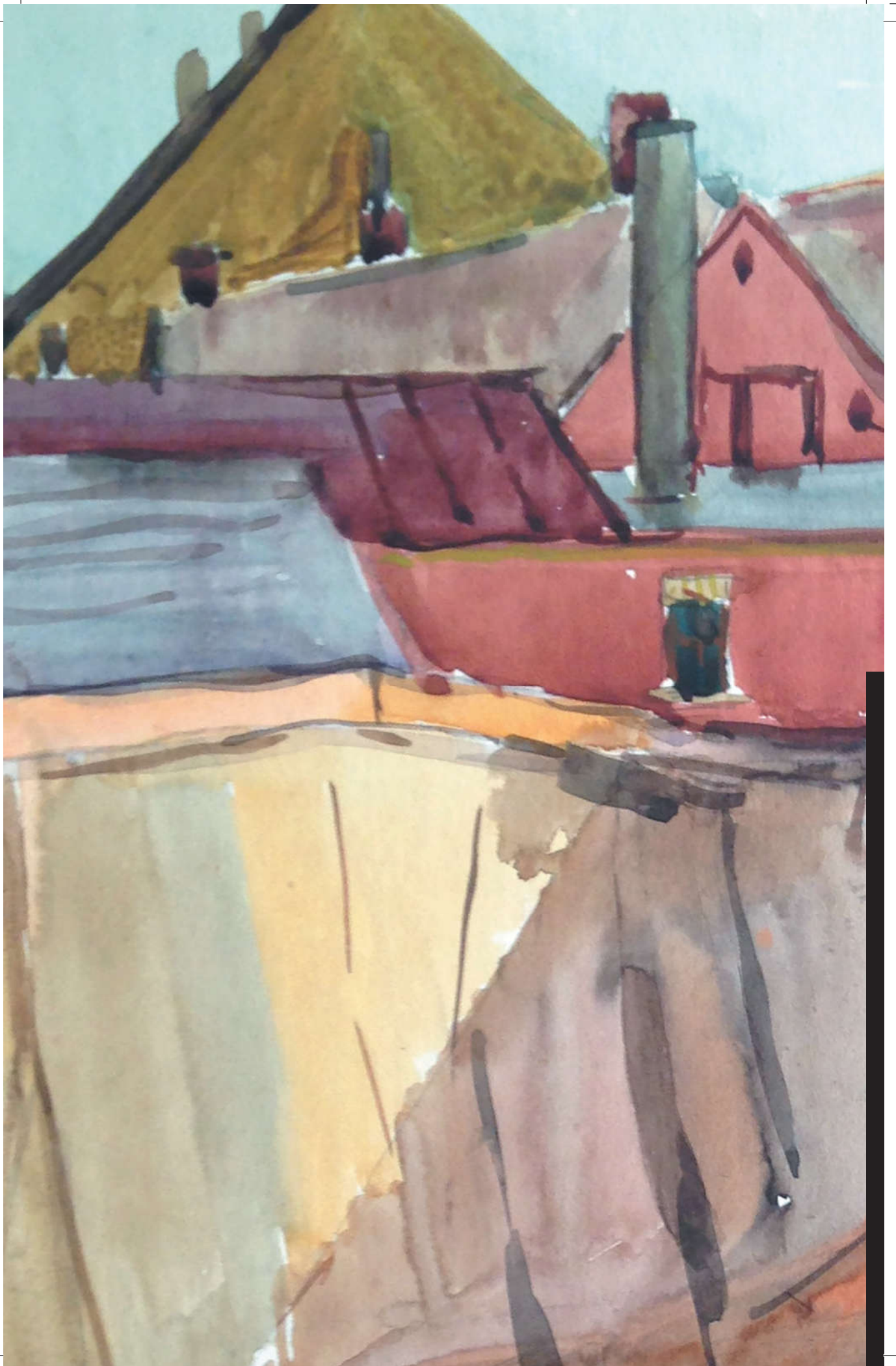
Забыты даты, имена,
Цари, вельможи – всё забыто.
И лишь немые письма
Хранят тускнеющие плиты.

О, вязь таинственная плит!
Ведь эти надписи, быть может,
Навечно камень сохранит,
Да их никто прочесть не сможет.

И как неколебимый герб,
Как символ вечного Востока,
Застыл на небе лунный серп
Недосягаемо высоко...

И тихо плещется волна,
И ночь бесстрастная темна.

Посмотришь вниз с крутой вершины –
Плывут лениво облака.
Внизу раскинулись долины
И потускневшие луга.

Там дымкой зной струится плавно,
Там в зыбком мареве простор,
Там в жёлтой пелене тумана
Застыли силуэты гор...

Но, высотой небес влекомый,
Забуду про пейзаж земной:
Иное чувство невесомо
Отныне управляет мной.

Здесь, на вершине, горный ветер
Высокомерен и сердит,
Кружась один на белом свете,
Любую душу охладит.

ПОСЛЕ ЗАСУХИ

Обмелел от жары водоём —
Обнажилось песчаное дно.
Тянет остро сопревшим гнильём.
Всё живое пожухло давно.

Только чёрная грязь да песок.
Только вязкая глина да ил.
А недавно в тех водах, высок,
Светлый месяц державно светил.

И плескалась в затоне вода,
И сверкала ночная звезда...

Сентябрь. Дождь. Мерцание залива.
Звнящий на ветру сосновый лес.
Лишь только парус вздрогнул сиротливо,
Как тут же в синем мареве исчез.

И мы с тобой притихшие стояли,
И догорала тусклая звезда.
А было ли? А было ли? Едва ли...
А будет ли? – Не будет никогда.

Но всё же вспоминаешь почему-то
Звнящий лес, пустующий причал,
И счастьем называешь те минуты,
Что ранее совсем не замечал.

Есть нечто меньше, чем любовь,
Но нечто больше, чем усталость,
Когда считаешь вновь и вновь,
Как мало дней тебе осталось.

Неразрешимостью томим,
Воспринимаешь всё иначе.
И одиночеством своим
Не удручён, но озадачен...

Когда темнеют небеса,
Но различимее детали,
Когда знакомые глаза
Полны надежды и печали.

Ночью в город приходит весна.
Спят канала свинцовые воды,
Но, очнувшись от долгого сна,
Пробуждаются силы природы.

Тает снег. И светлей вечера.
Суеются весёлые птицы.
У случайных прохожих вчера
Просветлели усталые лица.

Отчего же, скажи мне, друг мой,
В эти дни голубого апреля
Я теряю последний покой,
Становлюсь нетерпимей и злее?

Отчего же, скажи, иногда
Больно так от веселья чужого?
Отчего же внезапно тогда
Так бессильны и чувства, и слово?

Но когда заслоняют уже
Всё на свете лихие печали,
Тихо музыка в стылой душе
Прозвучит, как в покинутом зале.

Остальное – не всё ли равно?
Остального не вижу, не слышу..
Опускаюсь на самое дно,
Поднимаюсь всё выше и выше.

Трамвай летит над гулками мостами,
И стынет звон в морозной тишине.
И вот сейчас расстанемся мы с вами:
Вам – надо на Конюшенной, а мне

Ещё кружить по улицам. По гулкам,
Где чуть дымят ночные фонари,
Заснеженным, пустынным переулкам,
Что будут безымянны до зари.

Продрогну в опустевшем вдруг вагоне,
Вздремну едва, и вот, в конце концов,
Я выйду на пустынном перегоне
И вспомню ваше смуглое лицо...

Бреду тропой заснеженною к дому.
Мерцает одинокая звезда.
И кажется, что были мы знакомы,
И только что расстались навсегда...

НА ПРОЩАЛЬНОМ БАНКЕТЕ

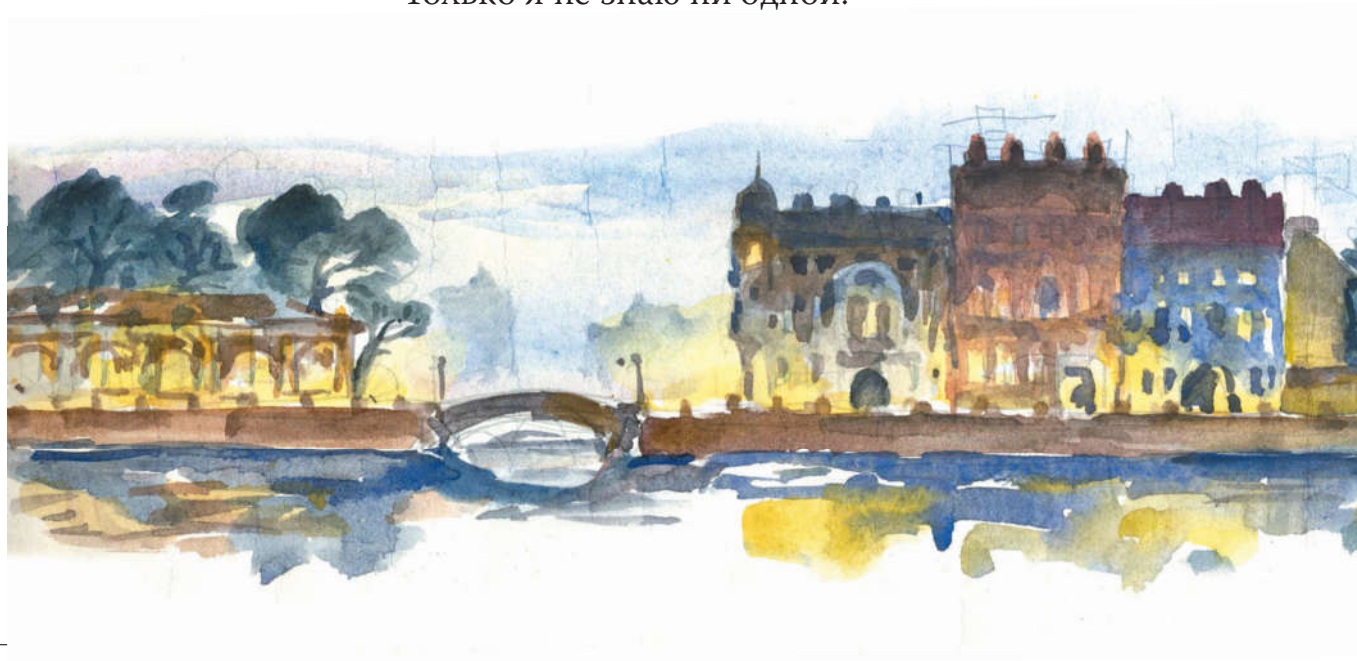
Кончено свидание с Россией,
Вы уже наездились сполна.
Пейте, ешьте, гости дорогие,
Хватит всем закуски и вина.

Вечереет. Скоро сядет солнце.
Станет в нашей комнате темно.
Посидим, поспорим, посмеёмся,
А потом, как повелось давно,

Вы споёте песни о далёкой
Солнечной и радостной земле,
И про то, как сокол ясноокий
Гордо реет в предрассветной мгле.

А за нашу песню не взыщите,
Что в ней – грусть, сердечная тоска?
Гости дорогие, не судите
Строго удалого ямщика.

Тает тракт в заснеженных просторах,
Тускло озаряемых луной...
Много песен на Руси весёлых,
Только я не знаю ни одной.

САКСОФОН

Ресторан. Полумрак.
Музыка тихо звучит.
Тихо всхлипывает саксофон,
Что-то бормочет он еле слышно,
Словно сквозь слёзы...
Публика занята делом.
Что ей до музыки этой?
Похоти похоть жаждет.
И похоть
Миром правит и суд вершит.
Тело нагое мерцает в одеждах,
Словно вино в запотевшем бокале.
Музыка тихо струится.
Бормочет
Что-то, вздыхая, саксофон.
Всё вспоминает о скрипке.
Но скрипка
Разве нужна в этот тусклый вечер?
Музыка нынче в сердцах иная –
Ритмы в такт телодвижений.
Музыка тихо струится и тает,
Дымом табачным неуловимо
К тускло мерцающей люстре возносится...

Нелегко быть с эпохой на «ты».
В наше время – намного труднее.
Вдруг замру у тревожной черты,
У поросшей травой траншеи...

В небесах над моей головой
Облака проплывают, беспечны,
Зарастают траншеи травой,
Но, как шрамы, останутся вечны.

Но, как старые раны, болит
Наша память, и если вглядеться,
Лист осинный кровью облит,
И куда нам от этого деться...

РАЗДУМЬЯ В СТЕПИ

В пустыне властвует самум,
И степь не знает постоянства.
Куда исчез Каракорум –
Столица Золотого ханства?

А ведь отсюда шла Орда
В свои кровавые походы,
Уничтожая города,
Пленяя страны и народы.

И город был от бед храним,
И от пожара, и от сечи.
Но меч судьбы висел над ним:
Был град велик, но не был вечен.

А по Руси найдёшь едва
Огнём не тронутого града.
А сколько раз была Москва
Сожжённой в битвах и осадах?..

Но вновь восстали, поднялись
Из пепла города России,
И купола тянулись ввысь,
Ажурные и золотые...

Очнись от набежавших дум.
Вгляжусь в бесстрастное пространство:
Куда исчез Каракорум –
Столица Золотого ханства?

Закон истории жесток.
Всё мерит время мерой строгой.
Холмы. Нагая степь. Песок.
Луна над пыльной дорогой.

В покинутом доме распахнуты двери,
Уныло скрипят одичавшие ставни.
Приходят без страха пугливые звери,
Хоть дом стороной обходили недавно.
Снуют деловито нахальные мыши,
Щебечут беспечно случайные птицы.
Уже прохудилась покатая крыша,
И окон сияют пустые глазницы.
И пусто. И тихо. И так одиноко,
Лишь только журавль пролетает высоко.
О чём ты, зачем ты поёшь, соловей,
Кого ты обрадуешь песней своей?..

Страдай, страдай, душа моя,
Пусть мы не властны над судьбою –
Неотвратимость бытия
Пока не властна над тобою.
Как птица, раненная влёт,
Над заповедными долами
Лети, спасение моё,
С окровавленными крылами...

Сухая и тёплая осень.
Последние дни октября.
Сквозь кроны подоблачных сосен,
Дымясь, проступает заря.

Туманное небо высоко,
Но холодом веет уже.
Как тихо! И так одиноко
В осеннем лесу на душе...

Рябины тяжёлые кисти
Мерцают в рассветном чаду,
И падают жёлтые листья –
Последние в этом году.

В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ САДУ

Брожу я по аллеям не спеша,
И лёгкой грустью полнится душа...
Какая толчея и суета,
И лебедей не видно у моста!
Нет гордых птиц. Зато со всех сторон
Слетелись стаи чёрные ворон.
Смотрю, как ворон в небесах повис,
Как, замирая, зорко смотрит вниз,
Как мрачно тень тяжёлого крыла
На купол позолоченный легла...

В ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ У НАДГРОБИЯ СУМАРОКОВУ

Не узнать Москвы с гравюр старинных.
Разрослась столица вдаль и вширь...
Я вхожу в ветшающий, былинный,
Позабывтый Богом монастырь.

Где могила русского поэта?
Только имя славное хранит
Времени минувшего примета,
Этот старый, выцветший гранит.

Ну а впрочем, разве нынче нужен
Этот ветхий, сгорбленный старик
И его неловкий, неуклюжий
И неповоротливый язык?

И кому теперь какое дело,
Что там зрело в мудрых их умах?
Время пролетело, прогремело
И летит вперёд на всех парах!

Нет мгновений даже оглянуться –
Целый мир в туманной мгле исчез.
На ветру пустые ветви гнутся,
Покосился безымянный крест...

Сад воскреснет с новой весной,
Зашумит, исполнен новых сил,
Но гудит тревожно подо мною
Пустота отеческих могил.

Будь как Иван Калита,
Скуп на слова, как на злато,
Чтобы казне быть всегда
Не оскудевшей – богатой.

И да грозить будет меч
Всяким крикливым хазарам!
Вечную русскую речь
Не разбазаривай даром!

Так, чтобы внуки смогли,
Помня заветы и клятвы,
Вывести утром полки
К берегу тихой Непрядвы.

~~Светом нам, светлым и чистым~~

~~и все берущее предвещая
Ошибки, сомнения и фехи~~

~~Рассвет и всемирный, забывая, что
и во радости, и все берущее
нам в есаре преисполненности
и верою в то, что все насасает
и сущее~~

~~наше душе хранилище...~~

~~и во и все фехи, все во прош...~~

1987

Отец на летние каникулы
оставил нам много прият
ных вещей...

Сошла с небес полночная звезда
И засверкала на высоком шпиле,
Которым крест в тридцатые года
На куполе собора заменили.
И верили, иначе и нельзя,
Как только рушить всё до основания...
Струится нынче лунный свет, скользя,
Окутывая улицы и зданья...
Не будем вспоминать давнишний спор,
Что потерял давно своё значенье.
Смотри, стоит увенчанный собор,
Окутанный таинственным свеченьем...
И до заветной не достать рукой,
Не отменить, не наложить запрета.
И льётся свет серебряной рекой,
И нам уже глаза слепит от света.

Крадучись, вползает в дом беда.
Скрипнет дверь... Очнёшься на рассвете.
Так сложилось, видно, что всегда
Ты один, за всё один в ответе.

И опять – никто не виноват.
Да и что чужой виной искупишь?
Ни тюрьма, ни золото наград
Не спасут погибнувшие души.

И закон один – живому жить,
Не меняя сути до могилы...
Лишь одно спасение – простить,
Да на это не хватает силы.

Птицы стремятся к теплу.
И на решётке оконной
Сидя, прижмутся к стеклу
Тихо и заморожено.

Их не пугают теперь
Света дрожащие блики,
Громко скрипящая дверь,
И разговоры, и вскрики...

Страшен мороз, полумгла,
Ветер, что воет и злится.
Хочется света, тепла
И человеку, и птице.

Привычный путь до отчего порога.
Сложилось так, не знаю почему,
Куда бы ни вела меня дорога,
Я возвращался к дому своему.

К той улице привычной и обычной,
Где тополя чуть слышно шелестят,
Где пьяницы печальные привычно
С утра за пивом в очередь стоят.

И где ветхозаветные старухи
Судачат вечерами под окном,
И где стучит назойливо и глухо
По радио бесстрастный метроном.

Где всё уже давным-давно известно,
Где всё уже исчерпано до дна,
Где слышится одна и та же песня
Из каждого раскрытого окна.

Где в полутьме устало, неизбежно
Опять гремят ночные поезда,
Где светит, как последняя надежда,
Моя неугасимая звезда.

Дрожащие тени ложатся
На светлые воды реки.
Опавшие листья кружатся,
Красивы, изящны, легки.

И пахнет так резко и странно
От свежей, промёрзшей земли,
И в призрачном небе стеклянном
Чуть слышно звенят журавли.

И есть ещё время до срока,
Когда загудят провода,
Когда поседеет осока,
Когда потемнеет вода.

А всё-таки спеши, спеши,
Пусть даже ошибаясь снова,
Всю боль мятущейся души
Вложить в трепещущее слово!

Когда молчания печать
Твои уста сомкнёт навечно,
Ему – звенеть, ему – звучать
То дерзновенно, то беспечно.

Но, покорясь своей судьбе,
Не ожидай вознагражденья:
Нет ни спасения тебе,
Ни состраданья, ни прощенья.

Сомнений чашу ты испил
И не тверди молитв упрямо.
Ведь всё равно не хватит сил
Изгнать торгующих из храма.

Народ бы там не ждал
Во всем потерянно сражался
Звонит моток моток моток
1988

~~До сих пор~~ Сет свою музическую жизнь ...
~~Но раз уж не ждал~~ ~~смерть~~

Снег Снег

Снег Снег

и вечно пришло заветное ...

Не все что было
Во всем прощало - прощало не все
Во всем прощало - но возвращать,
не возвращать - но возвращать,
Линия только в нем
Было только в нем

П. Кириченко

Позабытый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи вёрст
Тишина, тишина.
Ох, шальная беда
Погуляла окрест:
Коммунисту – звезда,
Православному – крест.
Сколько бурь, сколько битв –
Стыли реки в крови.
Сколько страстных молитв
Да бессильной любви!
Угасали глаза
И морщились лбы,
И стекала слеза
В окоёмы судьбы.
Чуть дымится во мгле
Мир загадочных звёзд.

1976 1977 1978 1979 1980 1981 1982 1983 1984 1985 1986 1988

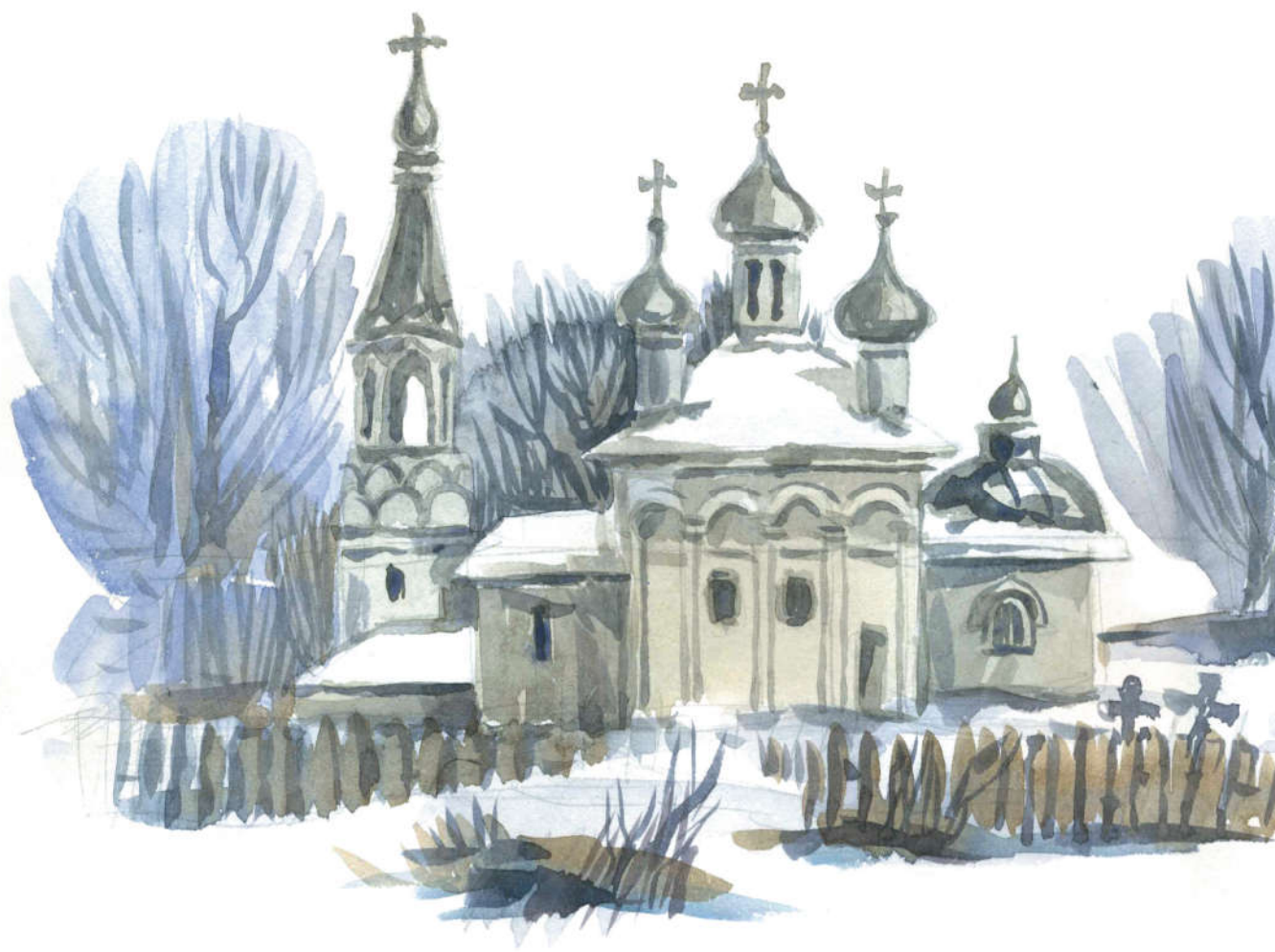
157

Только в этой земле
В человеческий рост
Всем достаточно мест,
Все равны навсегда:
Православному – крест,
Коммунисту – звезда.
Позабытый погост.
Тускло светит луна.
И на тысячи вёрст
Тишина...

КАДРЫ КИНОХРОНИКИ

Пленных немцев ведут по столице,
Офицеров ведут и солдат.
Я смотрю в их застывшие лица,
Вижу каждый затравленный взгляд.
Исподлобья глядят, осторожно,
И не ведают, что впереди...
Рядом – мать молодая тревожно
Прижимает ребёнка к груди,
Мальчик смотрит светло и серьёзно
На притихший и солнечный мир,
И пытается выглядеть грозно
Улыбающийся конвоир.

Время пришло собирать камни.
Кто даст ответ,
Что из них строить?
Храм ли воздвигнуть
Белоколонный,
Или тюрьму понадежней?
Тот, кто изрёк, что пора настала,
Так давно говорил об этом...
Сколько с тех пор разрушено храмов?
Сколько с тех пор построено тюрем?
И не тверди – только Богу известно...
Время прошло разбрасывать камни...
Время пришло собирать камни.
Только камней не осталось.

Миновала пора листопада.
Потускнела небес синева.
Только вишня всё ждет снегопада,
Тяжелеет, тускнея, листва.

Не кричат суетливо синицы,
Лужи скованы искристым льдом,
И туман серебристый струится
Над ещё не застывшим прудом.

ДАНЗАС

Катит скрипучая бричка,
Жаркий полуденный час.
И задремал по привычке
Старый полковник Данзас.

Счастья нет и в помине,
Нет ни детей, ни жены.
Тлеет, как угли в камине,
Позднее чувство вины...

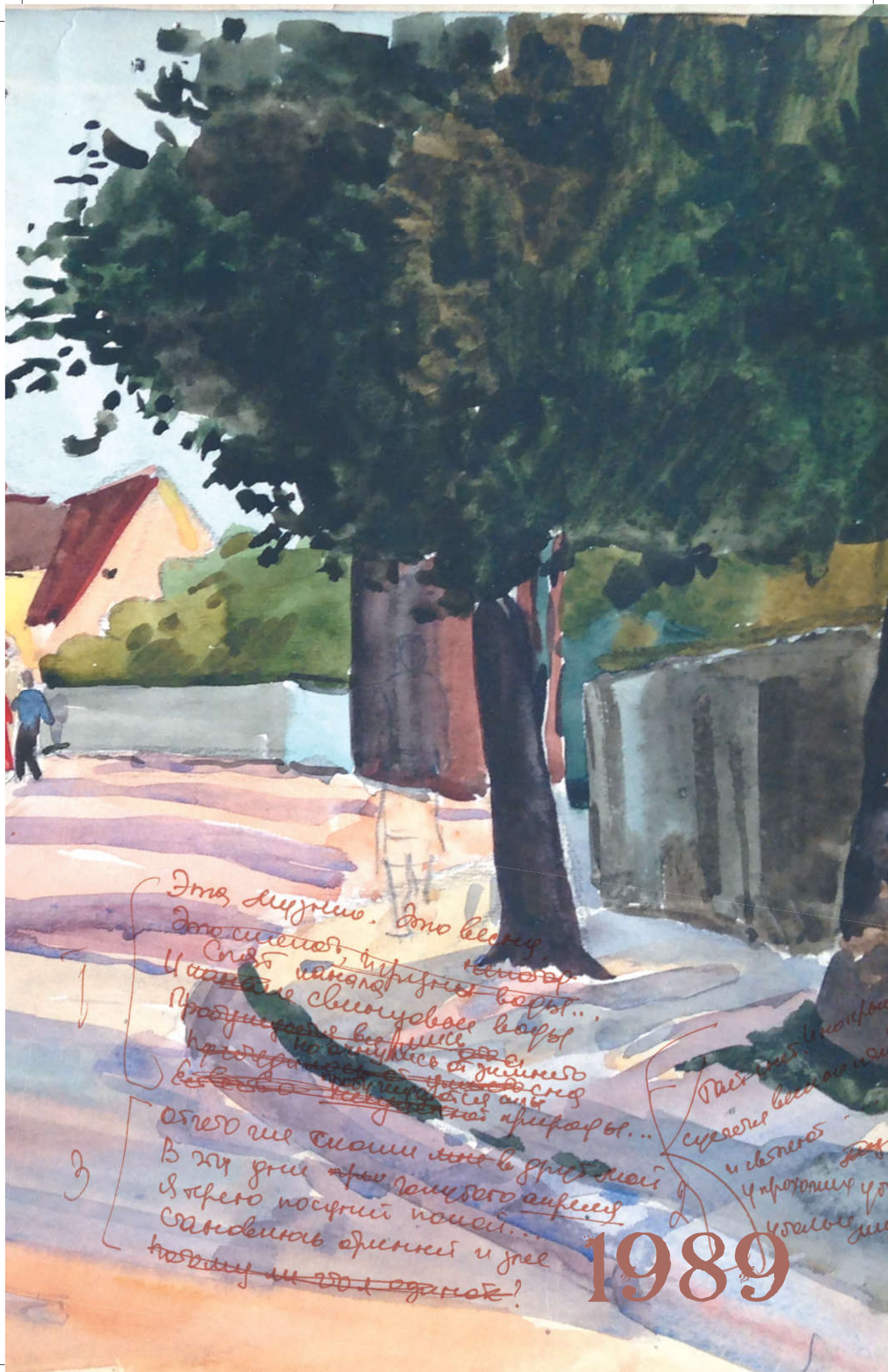
Жизнь переменчива наша –
Счастье, разлука, беда...
Что же вы медлите, Саша? –
Крикнуть хотелось тогда...

Выстрел! Душа встрепелась,
Словно развеялся сон.
В стылое небо взметнулась
Чёрная стая ворон...

Помните лица и строчки,
Морщите мудрые лбы,
Но не просите отсрочки
У милосердной судьбы.

Это мучило. Это вечно.
 Это сием. Это сием.

Это смешно. Это весело.
Сидит, физик, на вер-
хушке самолета.
Продвигается вперед.

[illegible]

оттого же Синоди ~~хот~~ в письм мой
В ту же ~~фев~~ января 1880 апреля
впредь поспешит поспеш
Сра...

В эту ночь я провела этого ангела
в своем последнем покое...
Самое лучшее время и все
~~только и это и давай?~~

Тает снег, и напро-
судаче весна иди
и летяго
уфотония
уфотония

1989

В ночь перед Рождеством
Звёзды, тускнея, тают,
И фонари мерцают
В ночь перед Рождеством.

В ночь перед Рождеством
Улицы опустели,
Окна заиндевели
В ночь перед Рождеством.

В ночь перед Рождеством
Снега выпало много,
И унялась тревога
В ночь перед Рождеством.

В ночь перед Рождеством
Время неторопливо.
Хочется стать счастливым
В ночь перед Рождеством.

ЗАБЫТАЯ ФОТОГРАФИЯ

Россия пьёт запоем, тяжело,
Как женщина, с надрывом, безнадёжно,
С протяжным плачем, будто бы назло,
И, кажется, спасенье невозможно.

А сыну не понять, в конце концов,
За что Господь послал такую участь.
Он вспоминает матери лицо
И думает о ней, любя и мучась.

Но не она ль так чисто и светло
Глядит на нас с забытого портрета?
Прозрачный взгляд. Высокое чело.
Двадцатый век. Семнадцатое лето.

ПОСЛЕ ОХОТЫ

Лишь ветер рассеет тяжёлую мглу,
Покинем лесное болото.
Светает. Устало идём по селу –
Была неудачной охота.
Шагать нам десяток болотистых вёрст,
Идём тяжело и упрямо.
Минуя забытый, унылый погост,
На миг задержались у храма.
Когда-то он был и высок, и велик,
А нынче разграблен, разрушен.
И полуистлевший евангельский лик
Смущает мятежные души...
Высокие липы надсадно скрипят,
Им вторят кусты осторожно,
А ветры в развалинах храма гудят
Неистово, грозно, тревожно.
В пустых колокольнях, в глазницах пустых,
В остовах разрушенных храмов
Они завывают, как хор бесовских
Неведомых грозных смутьянов.
То зычно смеются, то хищно свистят,
То плачут, то грозно хохочут –
Они над Россией притихшей летят

И тёмное что-то пророчат.
 И, кажется, вторят и небо, и лес,
 Волнуются тихие воды,
 Как будто вселился неистовый бес
 В спокойствие русской природы.
 И душу охватят смятение и страх,
 А ветер поёт и гуляет.
 И вот уж в тяжёлых ружейных стволах
 Он песни свои завывает!

А небо подсвечено тусклой луной,
 Что в озере сонном дробится...
 И нет в поднебесье креста надо мной,
 Чтоб смог бы я перекреститься...

Этот город в тумане чахоточных, тусклых ночей,
Где белёсое марево потом пропахло и дымом,
Стал заброшен, как сад, стал теперь он как будто ничей
В каждомдневном своём убывании неуловимом.

Стали уже проспекты. И улицы стали тесней.
Стали ниже дома. И приземистей стали соборы.
Обветшали дворцы. Стали белые ночи тускней,
И оград кружева превратились в простые заборы.

Этот город, как мы, в бестолковой своей суете,
В маете, толчее, в несуразных и глупых стремленьях,
В каждом вздохе отчаянном, в каждой случайной черте
Повторяет собою последние два поколения.

Не ищу виноватых. Да я и не вправе искать!
 Что слова... Что мои сокровенные горькие думы!..
 Но и права, извечного русского права прощать
 Я лишён навсегда этой ночью, слепой и угрюмой...

Сколько надо любви, чтобы город из пепла восстал,
 Чтобы вновь замерцали кресты и высокие звёзды!
 Но пугает в ночи чей-то хищный и грозный оскал,
 И змеёй проскользает холодное, горькое: «Поздно...»

И тяжёлые волны забьются в слепом кураже,
 И свинцовые тучи сокроют рассветные дали...
 Но ведь теплится что-то, ведь что-то мерцает в душе,
 И покуда ещё у нас этого не отобрали!

И ещё – этот бронзовый ангел с тяжёлым крестом
 Осеняет перстом купола, проржавевшие крыши...
 И задумчиво ветер поёт... Что же будет потом?
 Я-то знаю о чём, но уж лучше бы это не слышать.

Птицы возвращаются домой.
Лес сквозит голубоватым светом.
Скоро, очень скоро, Боже мой,
Зазвенит, зазеленеет лето.

Расцветёт мой опустелый сад,
Только вот в душе моей – ни звука.
Как-то вдруг неожиданно, невпопад
Вспомнится недавняя разлука.

Снегопада шелест, фонари,
Сигаретный терпкий запах дыма
И тугая полоса зари,
Замерцавшая неуловимо.

Что осталось? Снега кутерьма,
Долгой ночи влажное дыханье,
И нагая сладостная тьма,
И немного странное прощанье.

Нынче мы чужие – я и ты.
Всё так просто. Сердце бьётся мерно.
Что страшнее этой простоты,
Этой строгой страсти равномерной?

Ни прощать не вправе, ни винить.
Но чем дальше время – боль сильнее.
Понял я давно, как надо жить,
Только с каждым годом жить труднее.

Ну а нынче – всё звенит весной.
Что природе наши мысли, муки?..
Птицы возвращаются домой
После зимней, тягостной разлуки.

ФЁДОР РАСКОЛЬНИКОВ В ПАРИЖЕ

Минувшее явственно вижу,
Прошедшие годы не в счёт.
И вот по ночному Парижу
Раскольников Фёдор идёт.

Без паспорта въехал. Без визы.
Трубят «Фигаро», «Пари матч»:
Он бросил нешуточный вызов,
К вождю обратившись: «Палач!»

Ах, память, ты, русская память!
Оглянешься с мукой назад –
Кроваво-закатное знамя,
Туманно-ночной Петроград.

И будет спасение миру,
И счастье, и свет, а пока –
Не вы ли в ночные квартиры
Ломились с мандатом ЧК?

Не ты ли, Раскольников, рьяно
Великой идее служил?
Как демон полночный, с наганом
Во тьме предрассветной кружил?

Теперь спохватился – не слишком
Взметнулся всемирный пожар?
Во что же ты верил, братишка?
Куда ж ты нас вёл, комиссар?..

Ах, память, ты, русская память!
Всё вспомнишь в конце-то концов.
Тобой же раздутое пламя
Тебе опалило лицо.

Огнями ночного Парижа
Вся комната озарена,
А память всё ближе и ближе,
И всё беспощадней она.

И снится убитый царевич,
И кровью забрызганный лёд,
И Бунин Иван Алексеич
Руки тебе не подаёт.

Вновь устав от жизни бестолковой,
Покидаю шумный Петроград –
Мир мой тополиный и кленовый,
Мой вишнёво-яблоневый сад...

Поднимаюсь по крутым ступеням,
А вокруг такая тишина,
И таким таинственным свеченьем
Комната моя озарена!

Я вздохну немного виновато,
Но уже теперь, на склоне дня,
Кроме Бога и военкомата,
Нет теперь начальства у меня.

Подойду к окну. Ещё не поздно:
Сонный мир объемлет тишина.
Тихо зреют яблоки и звёзды,
На ветвях качается луна.

Ничего теперь уже не надо...
Тихо шепчет влажная листва,
И плывут во мгле ночного сада
Русские печальные слова...

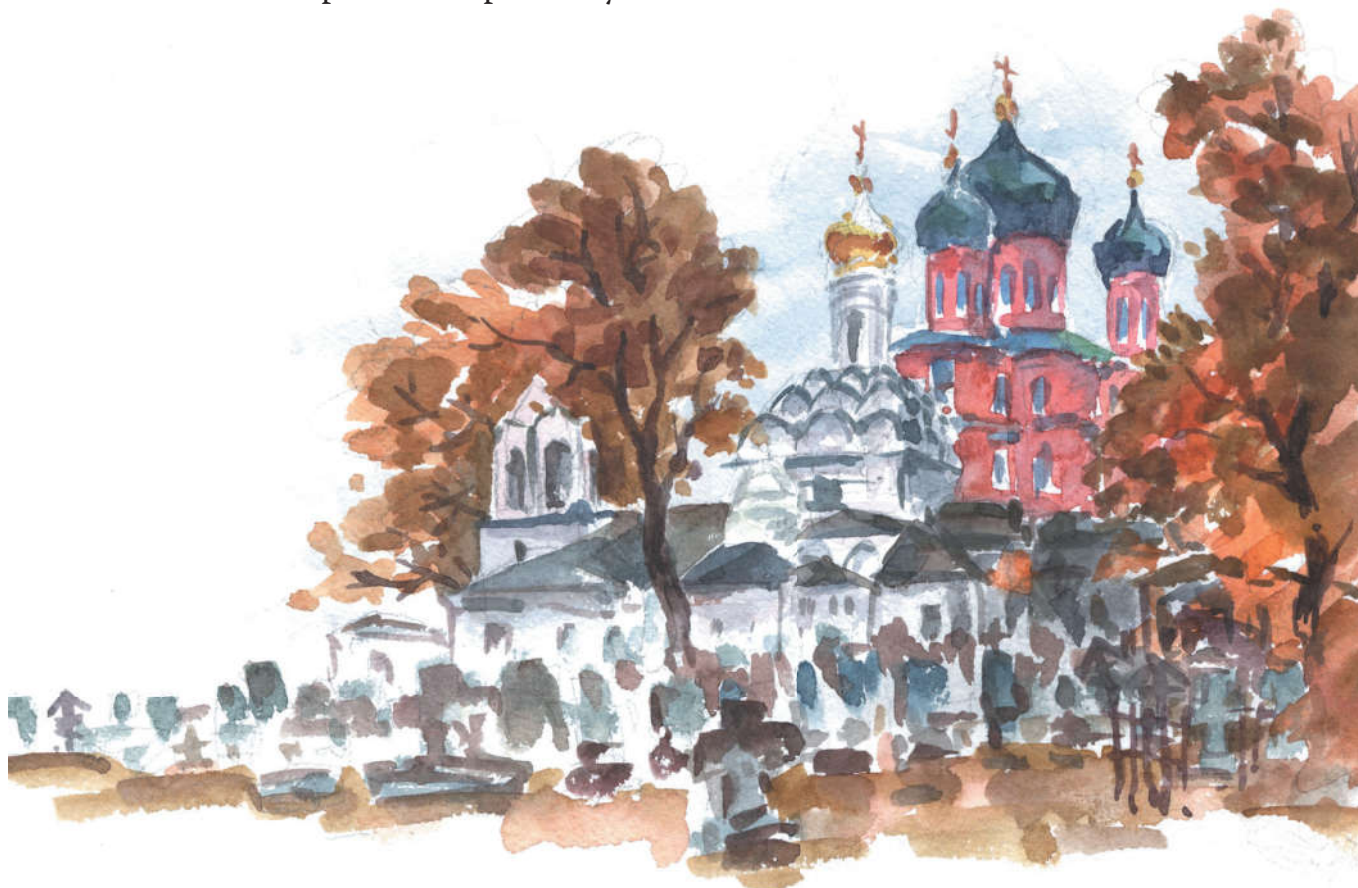
ДОРОГА ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ

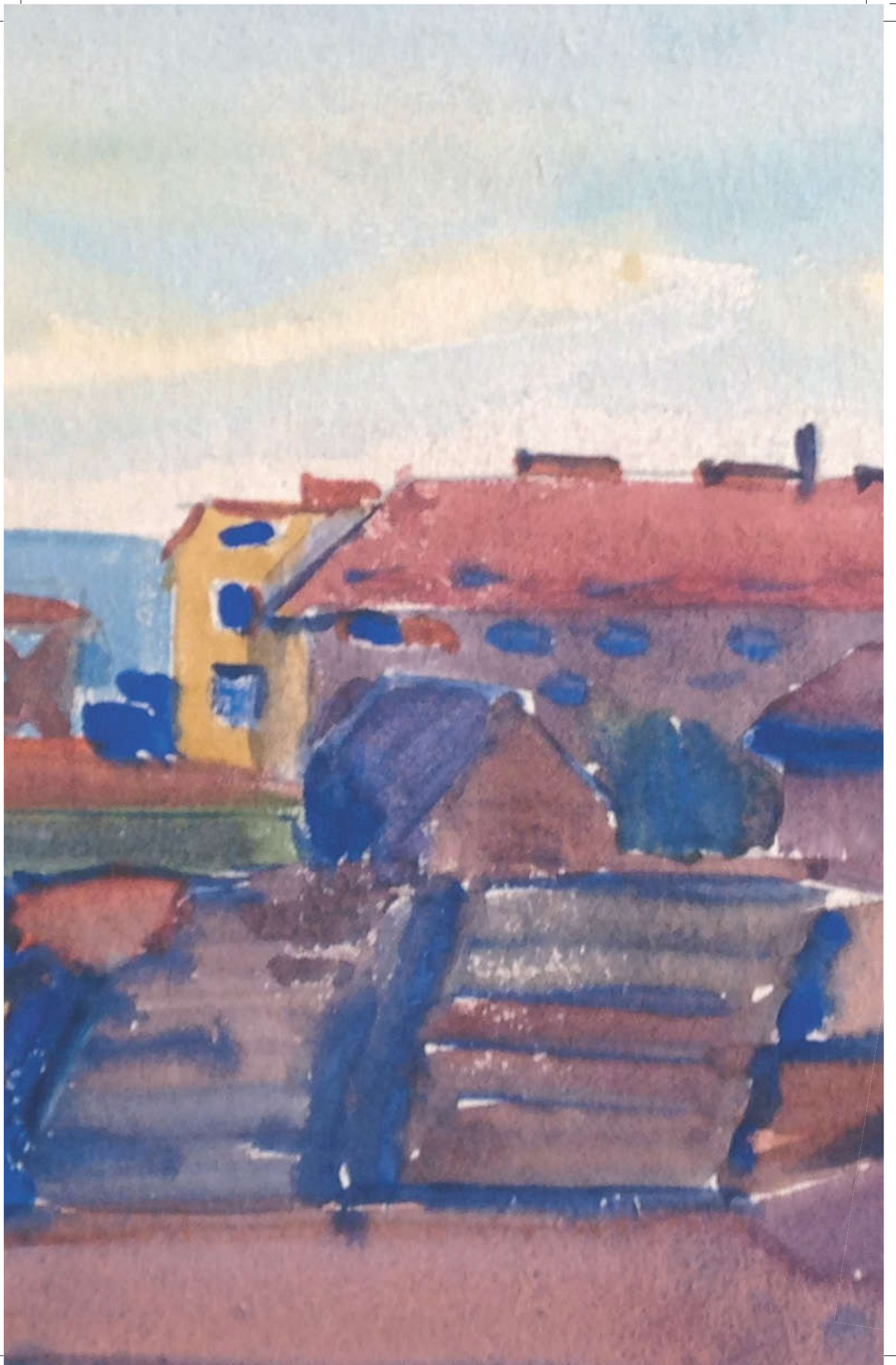
Тесно стало на кладбищах русских.
Громоздятся тяжёлые плиты,
И проходы немыслимо узки,
И кресты, и ограды разбиты.
Ну а рядом грохочет дорога
Деловито и невозмутимо.
Ненадолго забытые Богом,
Изменяемся неуловимо.
Нет мгновенья, чтоб скорбно и тихо
Постоять у родимой могилы.
И гремящее, грозное лихо
Забирает последние силы:
Чтобы чувства и глуше, и тише,
Чтоб душа не томила в тревоге,
Чтоб я голоса мамы не слышал
Из-за этой проклятой дороги.

СМУТА

Умело замешана кем-то и споро, и круто,
Мятежно над Русью вздымается грозная смута.
Опять зашептались о Боге, о чёрте, о воле,
Опять не засеяно вовремя долгое поле.
Но брошено семя обиды, вины и позора,
И души наполнит мятежное пламя раздора.
Ни златом уже не сплотить, ни кнутом, ни любовью,
Готовьтесь умыться слезами, и потом, и кровью!
И вот захлебнулись от горя, тоски и от скуки,
И нищие грозно вздымают костлявые руки.
И звон колокольный. И крик журавлиной тревоги.
И тесно крестам над погостами возле дороги,
И времени нет, чтоб к кресту приложиться губами.
И ворон кружит над мерцающими куполами.
Рассветы багряны. И дымно-кровавы закаты.
Опять замышляют поход на Москву супостаты.
Кровавый туман над притихшей Россией клубится,
И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.

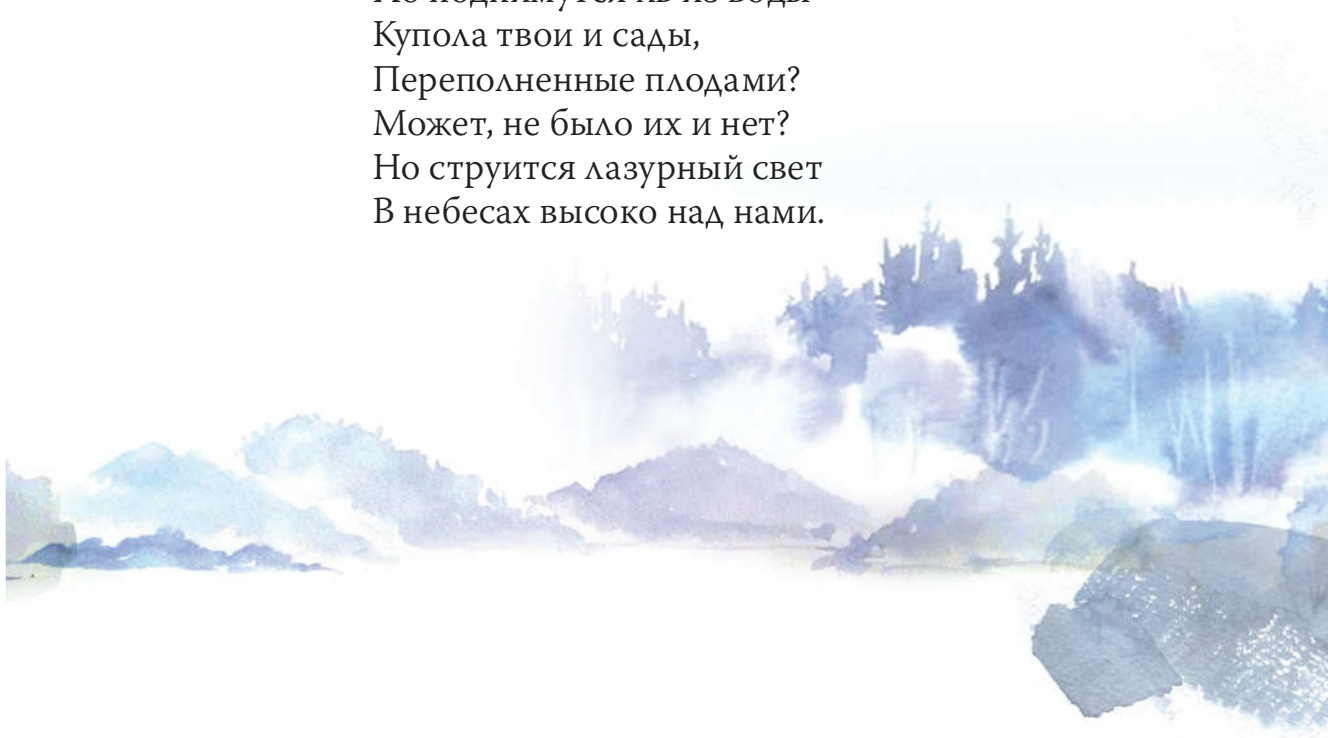
КИТЕЖ-ГРАД

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Над тобою сомкнулись воды,
И протяжные хороводы
Над тобою чайки кружат...
Где ты, где ты, мой Китеж-град?

А в полнеба – полночный свет
Звёзд далёких, иных планет,
Неизведанных и нетленных.
Подо мною – вода и дно.
А потом опять всё одно –
Бесконечная даль Вселенной.

Где ты, где ты, мой Китеж-град?
Я раздумьям своим не рад.
Лишь сомкну воспалённые веки –
Заклубив куполов пожар,
Опускаешься в светлояр,
Поднимаясь над миром навеки...

Но поднимутся ль из воды
Купола твои и сады,
Переполненные плодами?
Может, не было их и нет?
Но струится лазурный свет
В небесах высоко над нами.

Всё пройдёт и развеется в прах,
Всё сгорит на твоих кострах,
И неведомый миг настанет –
И окончится долгий плен,
И навязанных истин тлен
В вечность канет...

А пока – на полнеба луна,
Да качает лодку волна,
Да уключина тихо скрипнет.
И кругом на сто вёрст – тишина.
И в молчании – леса стена,
Только птица ночная вскрикнет.

ЛЕСНОЕ ОЗЕРО

Войду, как в храм, в сквозящий березняк.
Уже светает. Предрассветный мрак
Стремится ввысь, светлея, исчезает.
Туман прозрачный, истончаясь, тает,
И золотые блёстки там и тут,
И светится лиственный изумруд.
Ещё не слышны птичьи голоса.
Вот озеро, в котором небеса
Отобразились. Я склонюсь к воде
И не увижу своего лица...

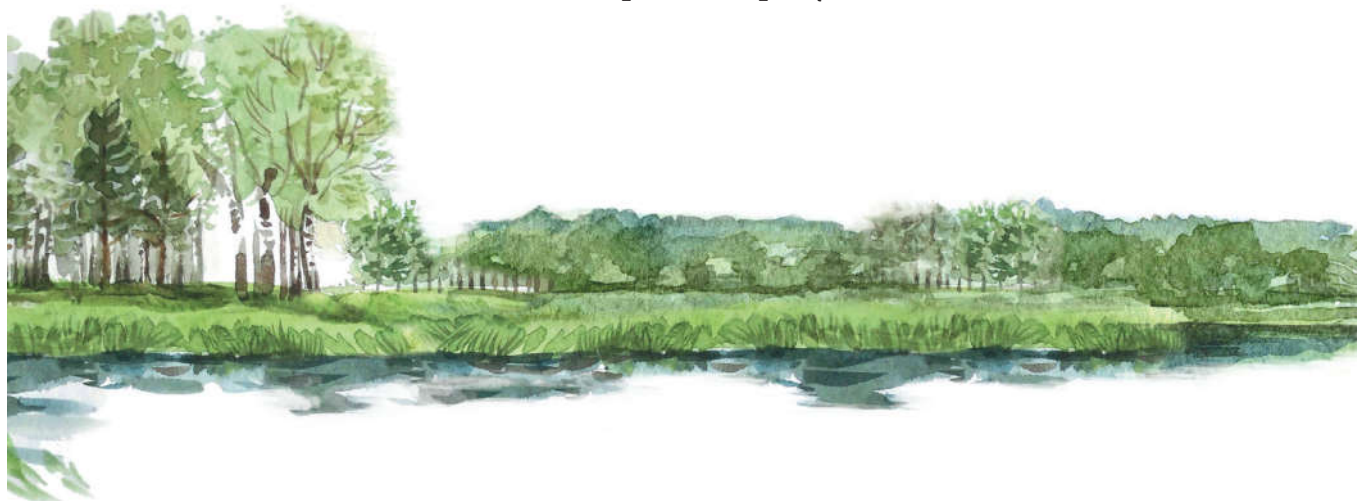
На Родине – как на вокзале –
Сумятица и суета,
И сумрак в прокуренном зале
Такой, не видать ни черта.

Здесь кто-то прибудет заране,
А кто-то – в последний вагон.
И кружится в сонном сознанье
Мир шапок, ботинок, погон...

А после в бездонном пространстве
Лететь среди тусклых светил,
Чтоб ветер сомнений и странствий
Земную печаль возвратил,

Чтоб вновь поутру захотелось
Пройтись по траве босиком,
Чтоб снова печалилось, пелось,
И даже неважно, о ком.

Чтоб вновь обрести постоянство,
Чтоб вновь осязать наяву,
Как падают звёзды в пространство,
Как яблоки, – прямо в траву...

Остывает родная земля.
Зарастают травой пепелища.
Пусто стало на русских полях.
Тесно стало на русских кладбищах.

Возвратились Самара и Тверь,
Только разве что с этим и вышло.
За базарным прилавком теперь
Русской речи не слышно...

Оборвалась ли долгая нить?
Возвратиться ль спасительной славе?
Ни прощать никого, ни винить
Мы не вправе...

Много время с собой унесло!
Нам никак не очнуться от боли.
Но что было – быльём поросло,
И ещё не распахано поле,

И не брошено семя пока,
И боюсь, как бы не было поздно...
Вон темнеют в ночи облака,
И тускнеют высокие звёзды,

И змеится ковыльно быльё,
Бездна мрачно зияет над нами...
И кружит, и кружит вороньё
Над мерцающими куполами.

Дымится мгла морозного тумана.
И первый снег отяжелил листву.
И то, что было призрачно и странно,
Отныне проступает наяву:
Покатых крыш немые очертанья,
Высокой церкви чёрный силуэт,
А в небесах, под сводом мирозданья,
Далёких звёзд лампадный тусклый свет,
И на сто вёрст – ни недруга, ни друга,
И на сто вёрст – глухая тишина,
И в снежный мрак погружена округа,
Чуть теплится тяжёлая луна.
И сколько мне ещё в пути осталось
Брести среди заснеженных могил...
Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.

За окном – ноябрьский дождь и ночь,
Фонарей и звёзд мерцает путь.
Только б эту осень превозмочь,
До зимы бы только дотянуть!

Грянет ночью сумрачной мороз.
Мягко лягут первые снега,
И среди заснеженных берёз
Зазвенит весёлая пурга.

И забьётся сердце не спеша,
Мягко снег кружится, не спешит,
И ледком затянется душа,
И снежком её припорошит.

ЗИМА

А за окнами – снег и тишь,
И на тысячи вёрст – зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

Одеваюсь в сенях не спеша –
Здесь никто зимой не спешит.
Ни к чему не лежит душа,
Ни к кому душа не лежит.

Тихо кружится голова.
Мыслей катится снежный ком.
А сосед мой колет дрова,
Звонко тенькает топором.

Он-то ведает, что к чему,
И на всё имеет ответ.
– Будь здоров, – говорю ему.
– Будь здоров, – отвечает сосед.

Вон запутался в проводах
Белой вьюги блестящий след –
Третьи сутки сидим впотьмах,
Ждём, когда же подключат свет.

Третий вечер сажу во мгле.
Отгудели дрова в печи,
И чуть теплится на стекле,
И дрожит огонёк свечи.

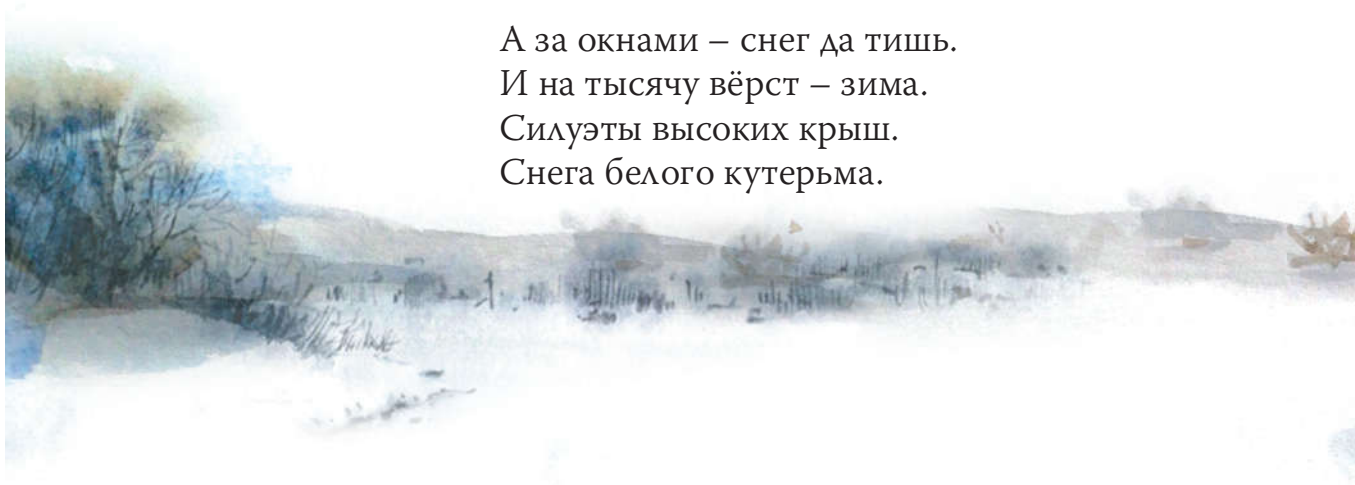
Сигареты струится дым,
И лиловый пепел застыл.
Я когда-то был молодым,
Я когда-то тебя любил.

Ветер что-то запел в трубе,
Улетая в ночную тьму.
Написать бы письмо тебе,
Да, наверное, ни к чему...

Ни к чему золу ворошить,
Прогорела уже дотла.
И задвижку пора закрыть –
Сохранить хоть немного тепла.

Завтра снова печь затоплю.
Мыслей снежный растает ком.
А собаку себе не куплю:
Слишком много хлопот со щенком.

А за окнами – снег да тишь.
И на тысячу вёрст – зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.

Мой стих уныл, как зимняя дорога,
Спокоен, как ноябрьская река,
Где остывают воды понемногу,
Где плёнка льда туманится слегка.
И птиц уже давно не слышны крики,
Во всём полночном мире – ни души.
Луна мерцает. Тускло дрогнут блики,
И зазвенят ночные камыши.
И если время есть остановиться –
Остановись – и ты увидишь сам,
Как над землёй прозрачный свет струится,
Возносится к высоким небесам.

В ХРАМЕ ФЁДОРА СТРАТИЛАТА

Всё спешим и спешим куда-то,
Судим яростно, сгоряча.
В храме Фёдора Стратилата
Одиноко горит свеча.

О, какой же был путь неблизкий
Вечной памяти и молвы
От холмов Гераклеи Понтийской
И до снежных равнин Москвы...

Тусклый сумрак, развеясь, тает,
Потемневший мерцает лик,
И бесстрастно на нас взирает
Непреклонный седой стратиг.

Я почти что не различаю
Эту древнеславянскую вязь,
Незаметно, по дням убываю,
С Древним миром теряю связь.

Что нам время и что законы,
Если всё мирозданье – миг?
Но мерцает с тусклой иконы
Просветлённый священный лик.

Снег летит не спеша и плавно,
Тихо падает он, кружась.
И теперь ощущаю явно
В этом хаосе некую связь –

Как ни рвись, торжествуя и мучась,
В мир – от паперти до луны –
Эти судьбы и наша участь
Так причудливо сплетены...

А на улицах близлежащих
Тишина. И в окнах видны
Излученья огней дрожащих
И замёрзшие блики луны,

Снег скрипит, и морозный воздух
Чуть дымится у фонаря.
Нежно в небе мерцают звёзды,
Ярко в окнах огни горят.

Всё на свете – смешно и тленно.
Только всё же зябнет душа.
Переулок Кривоколенный
Поворачивает не спеша.

[illegible]

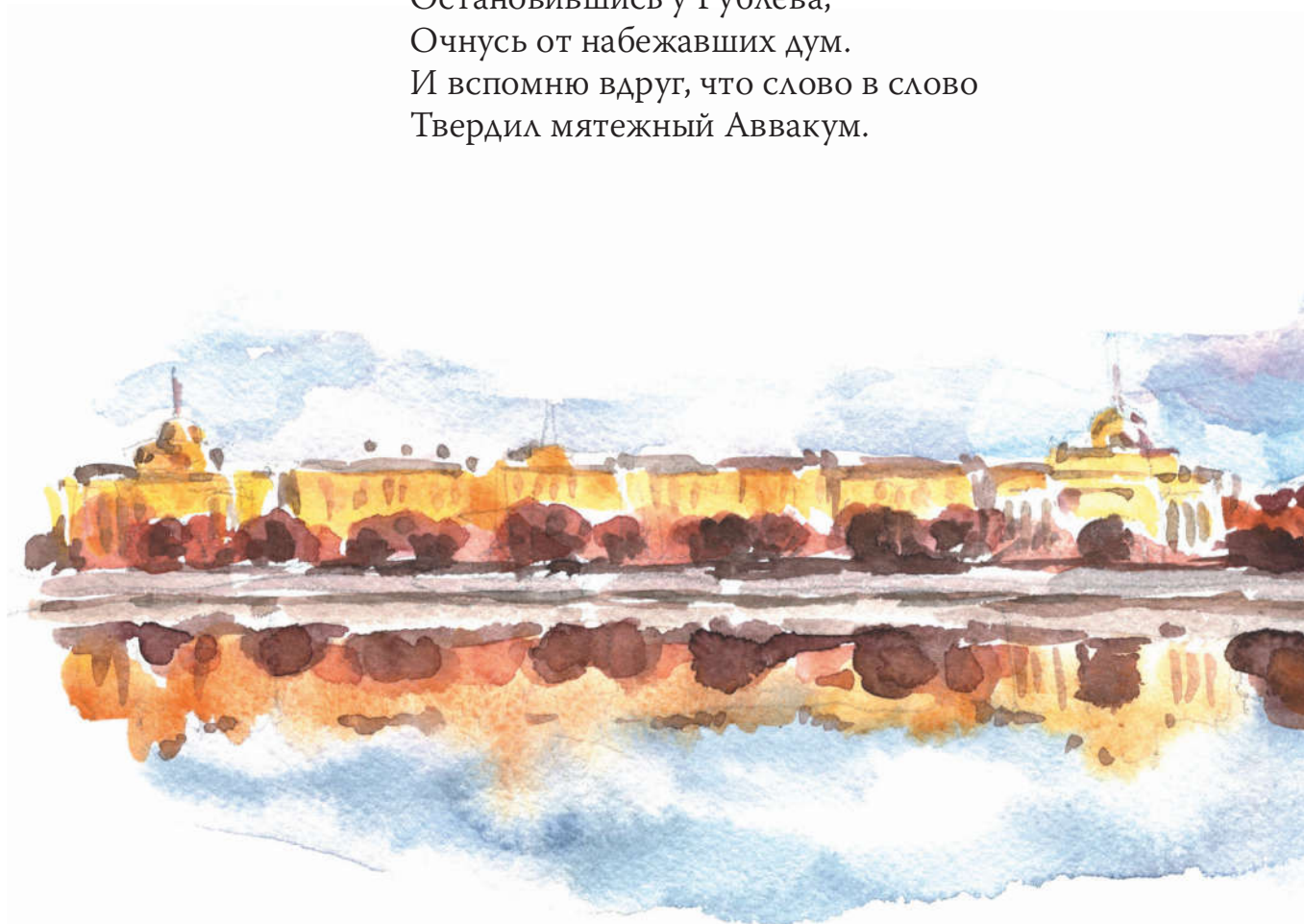
НА ВЫСТАВКЕ РУССКОГО ПОРТРЕТА

По залам Русского музея
Бродить отправлюсь не спеша,
И замирает, холодея,
Моя тревожная душа...

Армяк или мундир дворянский,
Князья, вельможи, косари...
Но царский лик и лик крестьянский
Светились как бы изнутри.

Но всё же замечаю в каждом
Какой-то тягостный недуг.
Как говорил поэт однажды:
«Предвосхищение смертных мук...»

Остановившись у Рублёва,
Очнусь от набежавших дум.
И вспомню вдруг, что слово в слово
Твердил мятежный Аввакум.

Он бичевал обычай скотский,
Твердил, что нет на тех креста,
Кто очень чувственно и плотски
Изображает лик Христа.

И пусть кругом все люди – братья,
Но только надобно понять,
Что всё ж обычаи – не платья,
Чтоб их легко переменять.

Что с этим чувством примираясь,
Утратим зрение и слух,
И растворяясь, истончаясь,
Исчезнет вовсе русский дух...

И долго нам кружиться, нищим,
Меняя веры и места,
Как воронью над пепелищем
От пустозёрского костра.

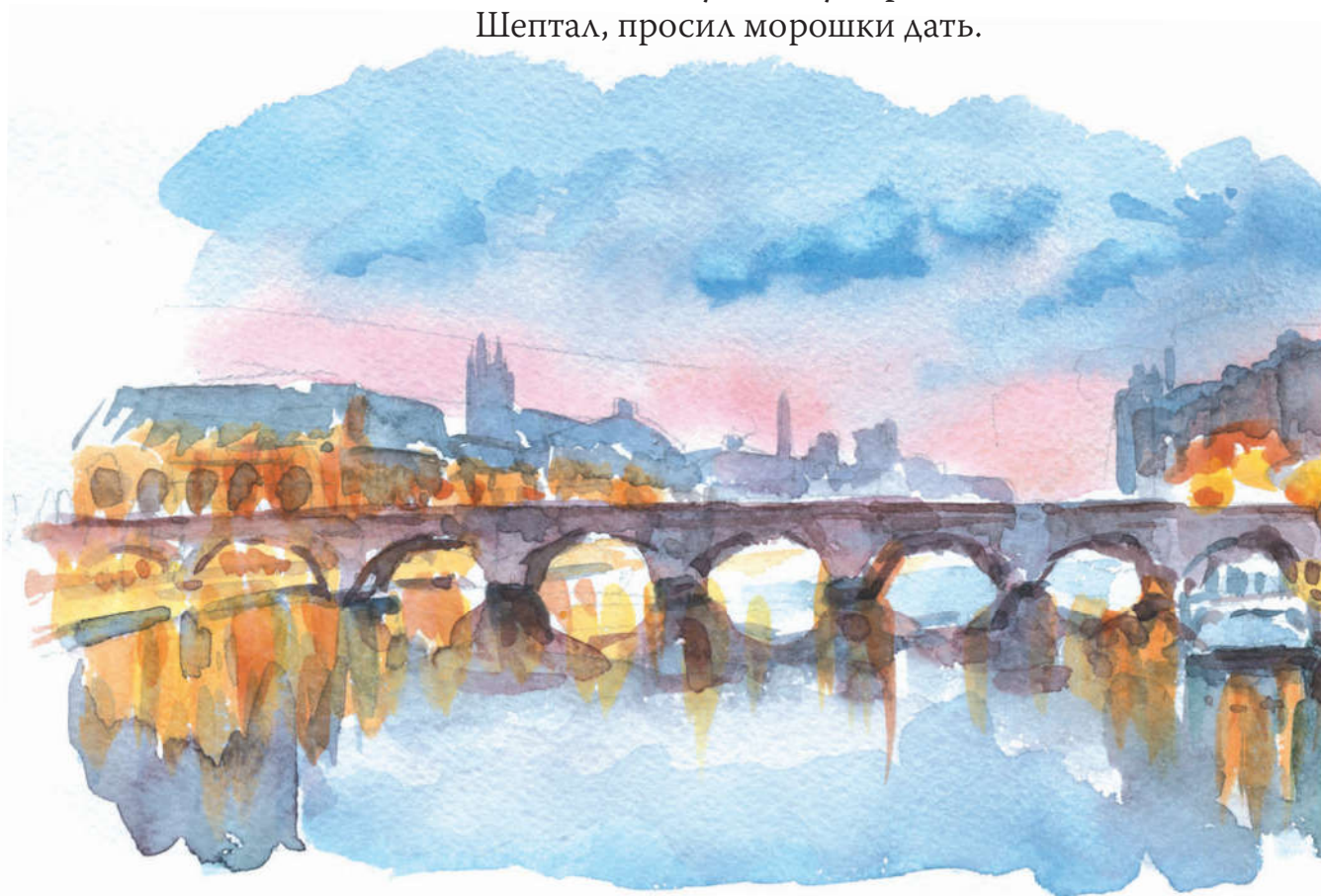
ВСТРЕЧА

Судьба испытывает дважды,
И дважды ты ответ давал.
В Париже Вяземский однажды
Был зван на некий важный бал.

Сообразуясь с политесом,
Стоял, как маршал на плацу...
И вдруг, о Господи, с Дантесом
Столкнулся он лицом к лицу!

Под сводами блистали свечи,
Дробился в хрустале огонь.
Дантес обрадовался встрече
И князю протянул ладонь.

О чём подумал князь – не знаю.
Быть может, стал припоминать,
Как бедный Пушкин, умирая,
Шептал, просил моршки дать.

А за окном дождливый вечер,
Парижских улиц мерный гул...
И Пётр Андреевич навстречу,
Помедля, руку протянул.

А пары в танце мимо, мимо...
Бокалов пенных гулкий звон...
Не так уж труднообъяснима
Распавшаяся связь времён.

Мы духом вознеслись в победах,
Окрепили в горе и любви,
Но некого винить нам в бедах
И в смутах русских, и в крови...

Да, мы обречены на муку,
Нас презирают все вокруг –
Ведь твоего убийцы руку
Смущённо жмёт твой старый друг.

Сказал Пророк: «Жить не по лжи...»
Какая истина простая!
Но как сквозь лес пройти, скажи,
Листвы дерев не задевая?

Изведать предстоит в пути
Забывших троп, дорог широких...
Но можно ль поле перейти,
Не задевая трав высоких?

Чеканно светятся слова,
Литые правила вменяя.
И чуть колышется листва,
Росу тяжёлую роняя.

Как хорошо, что я один.
 Что ночь кругом. Что мне не спится.
 Что через кружево гардин
 Зелёный лунный свет струится.

Ударил мотылёк в стекло –
 И почему-то, сам не знаю,
 О наших встречах так светло,
 Без прежней боли вспоминаю.

А в небе – Дева и Весы.
 И пёс, уснув, тревожно дышит.
 И на весь мир стучат часы,
 Да только их никто не слышит.

*Как ветер звоном однотонным
Гудит-поёт в стволы ружья.*

И. Бунин

Осенью поеду на охоту.
За окном вагона – ночь, темно.
И о чём когда-то думал кто-то,
Именуя это место – «Дно»?

Холодно. Туманно. Сыровато.
Стынет воздух в синей тишине.
Здесь отрёкся русский император,
И помчалось лихо по стране...

Здесь теперь, конечно, всё иначе:
Дом – без крыши. Церковь – без креста.
Но всё так же птицы горько плачут,
Оставляя милые места.

Вот летят, летят нестройным клином
И курлычут горько журавли...
Господи, ужели нас не минет
Участь этой горестной земли?

Много есть похожего на свете,
Но судьба у каждого своя.
И осенний однозвучный ветер
Всё гудит-поёт в стволы ружья.

Как же от беды нам уберечься?
Как же нам родных не растерять?
И ужели надобно отречься,
Чтоб из пепла праведным восстать?..

Когда едва-едва светает,
Чуть задымив, светлеет мгла.
И понемногу остывает
Костра полночного зола.

Июль, июль – макушка лета!
Ещё земля тепло хранит,
Но после этого рассвета
Уже короче станут дни.

Но нет и тени увяданья!
Уже светлеют небеса,
И вместе с птичьей песней ранней
Над поймой зазвенит коса.

И чаек раздадутся крики,
И в хороводе, так легки,
Закружат золотые блики
На волнах утренней реки.

Ну а пока во мгле туманной
Встречаю раннюю зарю.
Стою во мгле как гость незваный
И ничего не говорю.

Как много слов мы говорим подчас!
Но думаем при этом мы едва ли,
Что, не расслышав вещей Божий глас,
Мы Бога в Русском Слове потеряли.

Не слушая друг друга, все кричат,
О правоте мечтая повсеместно.
Лишь нищие на паперти молчат,
А им, поверь мне, многое известно.

Не думать, наверное, проще.
Но лучше ль печалиться зря?
Мерцает в осиновой роще
Багряный закат сентября.

Промчались июльские ливни,
Царят затяжные дожди.
Ну что же поделать, скажи мне,
Коль звонкий июль позади?

Возможно ль теперь возвращаться
В те дни, где шумела листва?
Как мокрые листья, кружатся
Такие простые слова.

И всё – кутерьма и морока.
И впредь никого не вини,
Когда заалеют до срока
Калёной калины огни.

ОТЪЕЗД

Я уеду из этой страны.
Будет мне тяжело и тоскливо,
И крыло серебристым отливом
Рассечёт облака тишины...

Неподвластен истории ход —
Скорбной чаши мы снова не минем.
Трижды будет наказан народ,
Изменивший родимым святыням.

Непреложный закон бытия:
Нет прощения недругу, другу...
Не минует нас чаша сия
По второму и третьему кругу.

И уже не возвысится Храм,
И разверзнется бездна над нами,
И сойдёт генерал по снегам
С гимназистами и юнкерами.

Время будет повёрнуто вспять...
Озарит нас пожарище смуты...
И начнут всеблагие считать
Не спеша роковые минуты.

Содрогнётся полуночный мир,
И очнутся прозревшие люди.
Но для всех приглашённых на пир
Милосердной пощады не будет.

Я подумал о доле своей,
Как тяжёлые чаши сдвигались,
На дрожащей ладони моей
Три тяжёлые капли остались.

Солнце высушит их – и тогда
Станет мне и легко, и тоскливо...
Там, внизу, потускнеет вода.
Тень крыла заскользит над заливом,

Затуманится неба излом,
И растает игла за крылом.

Над храмом Бориса и Глеба
Когда-то кружили стрижи.
И нива бескрайняя хлеба
Скрывала канавы, межи...

А нынче цветы иван-чая,
Да плесень на стенах пустых...
И вспомнилось мне не случайно
О первых российских святых.

Не бросились в буйную сечу,
Не вырвали жизни в борьбе,
А просто шагнули навстречу
Своей беспощадной судьбе.

Под сенью Святого Покрова
Немало пришлось пережить,
Чтоб Сергей на битву сурово
Мог воинство благословить...

А в храме Бориса и Глеба
Сорвали кресты с куполов,
А в поле, забывшем о хлебе,
Колосья бетонных столбов...

Быть может, не прав я, не скрою,
Но я не оглох, не ослеп.
О, как же мне горек порою
Давно не отеческий хлеб!

Спасёмся ли только любовью?
Отверзнутся ль нам небеса?
Россия, умытая кровью,
Ещё не открыла глаза.

~~1~~ ~~2~~ ~~3~~

Умеейте расставать не скорбя
 По 20 прошлым, мудро безвозвратно.
 И прощая жизнь помирив и любя
 Уже вовек не возвращай обратно.
 И внешнюю и внутреннюю жизнь
 Теперь уже навек родные лица
 И в поведеньи прощайте и заставьте
 Лишь по новым силам умножить добродетель...

Да, мы запомним это лето.
Сосновый лес. Причал. Река.
Июльским солнцем разогреты
Плывут лениво облака.

Качнулась лодка у причала.
Скользнуло по воде весло.
Нам больше не начать сначала,
Печаль волною унесло...

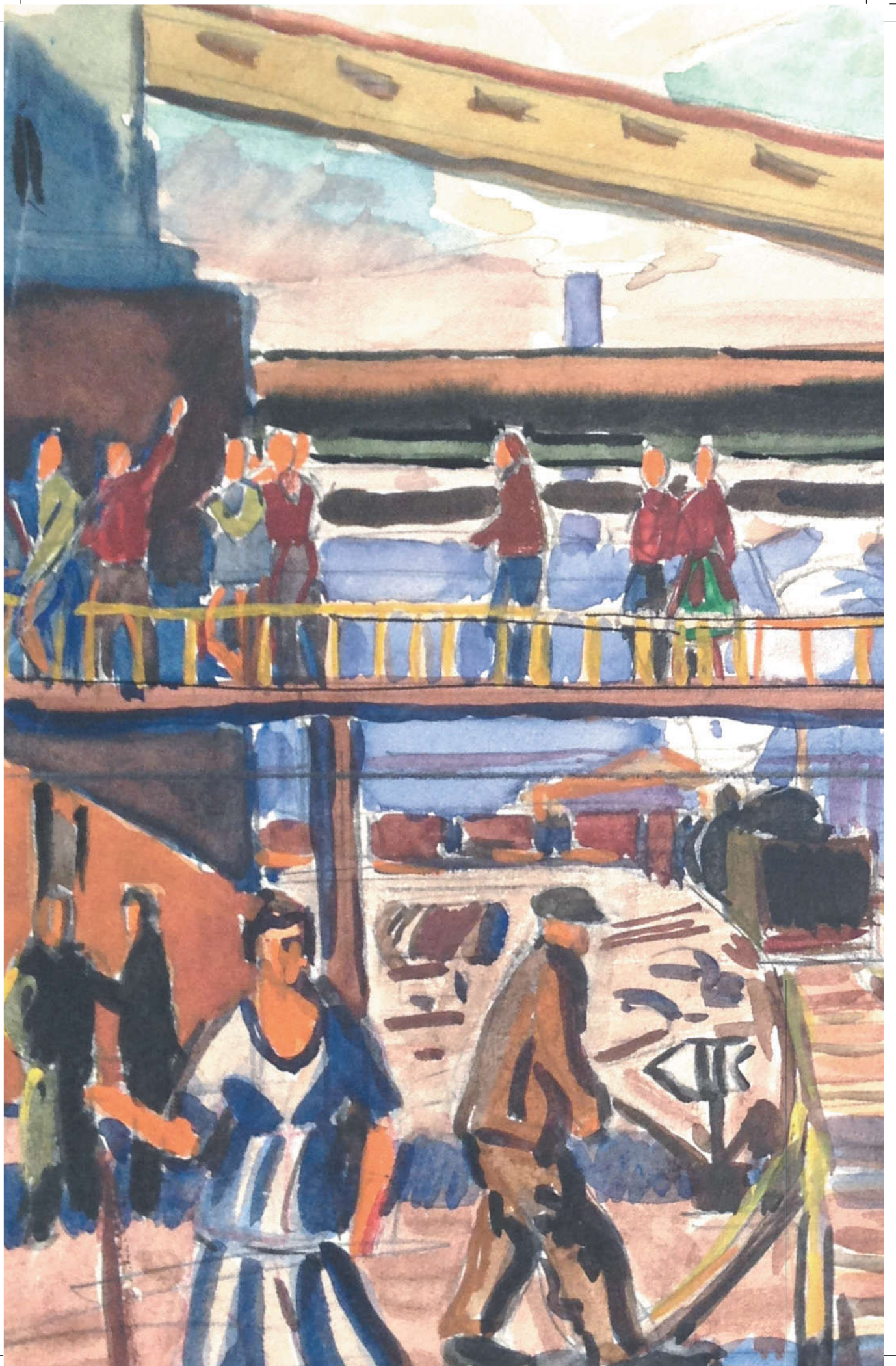
И станет лёгкою утрата.
И словно не было утрат.
И ты ни в чём не виновата.
И я ни в чём не виноват.

И вот опять — долой, долой!
И снова — мелочные склоки.
Кому, скажи, о Боже мой,
Нужны истории уроки?

Февраль. И оттепель опять.
И площадь щерится брусчаткой,
Как будто вновь эпоха вспять
Бредёт во мгле походкой шаткой.

Два сына, чуждый сын
Андрей Петрович и
Тает в воде у реки, сгорел
Раст в воде и
Нар. Демон и
Сергей, спивший
Мирвильский, танцовщица
Тает в д. суракате доми
Игорь, все
Дарю, все
Наше, все

1993

Передумал. Переболел.
И уже не томится душа.
Сад ноябрьский облетел,
По листве иду не спеша.

Неизбежна зима, как смерть.
Небосвод перевозданно чист.
Буду молча стоять, смотреть,
Как кружится последний лист...

А не так ли теперь и мы –
То взметнувшись, то падая вниз –
Перед ликом мёртвой зимы
С упоением пронеслись?

Осень кончилась. Минул век.
Чуть дымясь, холодеет земля.
Очень скоро выпадет снег
Белым саваном на поля.

Не дай-то Бог, случится
Ненастная пора!
Январский ветер злится
И воет до утра.

Когда закружит вьюга
По всей родной земле,
Ни недруга, ни друга
Не отыскать во мгле.

Когда в душе тревога,
Отчаянья стена,
Когда уже дорога
Совсем заметена,

Когда луна сурова,
Когда глухая ночь,
Когда не сможет Слово
Тебе ничем помочь.

Места для боли в душе не осталось.
Пламя пожара в душе отметалось,
Нынче и пепел остыл.
Было Отечество. Было – и нету.

Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.
Солнце светило. А нынче – не светит.
Может, хоть кто-нибудь это заметит –

Кто-нибудь, кроме меня?
Как закружились, змеясь и ликуя,
Едкого дыма лиловые струи,
Тусклые блики огня...

Господи, дай же им разум и силы!
Дай им очнуться у края могилы,
Пусть содрогнётся земля!
Или лиши меня скорбного дара
Видеть зловещее пламя пожара
Над куполами Кремля.

Та менима мени кинарану
 аз собою евоице баники хавов
 и чинио дини расото кетой,
 200 Ал чинио дини расото кетой
 во менио дини расото кетой
 по сего менио
 кинио по менио...

А оини вихани
 кинио в кето.

и дини вихани

и и менио кинио расото.

и дини вихани вихани менио
 и дини вихани менио.

и похано кинио, кетой,
 и что дини вихани и менио,
 А вихани кинио
 кинио менио.

А менио менио.

Killips

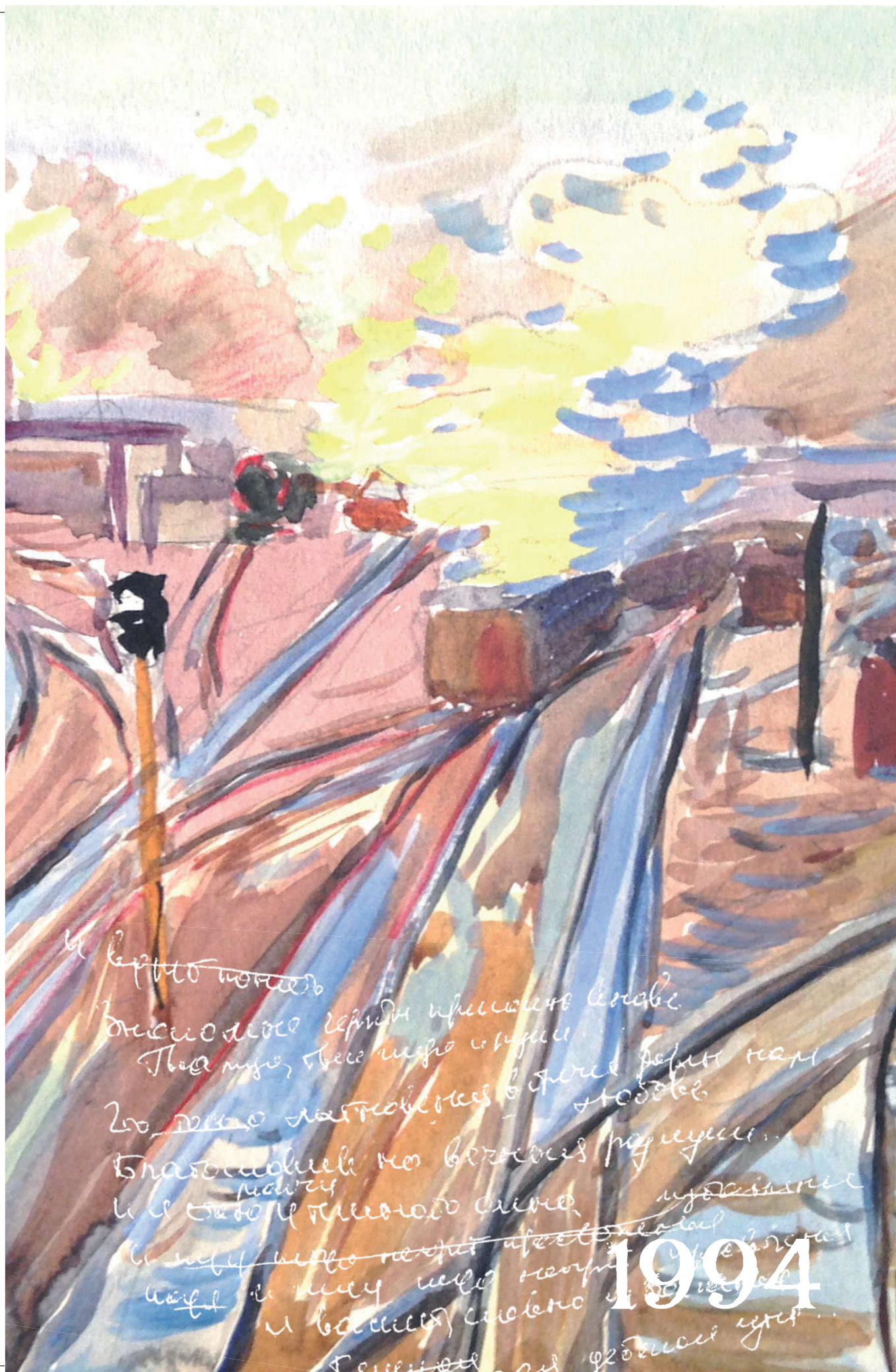
Can may
 (can must)
 a lot.

Кинио
 менио.

и дини кинио по менио
 и кинио кинио менио...

дини кинио — дини
 кинио кинио менио...

ЖИЗНЬ

Наш пароход вперёд плывёт
К заветной цели.
То полный ход, то задний ход –
Шторма да мели.

Всё оставляем на потом,
И ждём, что вскоре...
А жизнь осталась за бортом –
Как море.

Ты говоришь мне: «Будь спокоен.
Паренье, взлёты – суета...
Всяк смертный в жизни удостоен
Посильной тяжести креста.

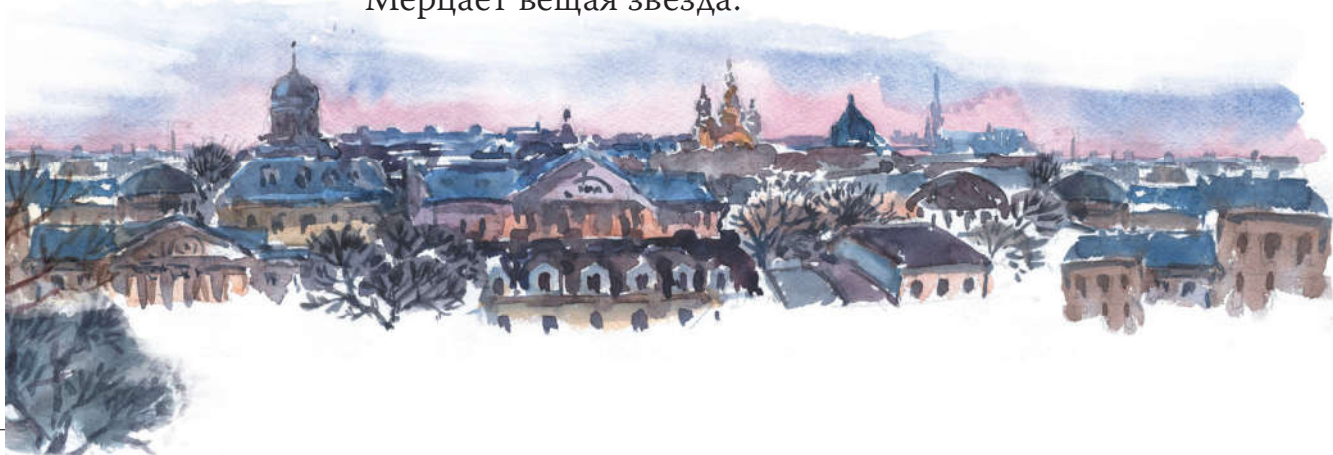
На память выучи уроки,
Постигни мудрость вечных книг, –
Но раз отмеренные сроки
Нельзя продлить хотя б на миг.

Хоть вечно спор веда о главном,
Но прав не будешь никогда.
Смотри, как лист кружится плавно,
Как сонно плещется вода,

Как не спеша, несуетливо
Покрыла мир ночная мгла,
Как величаво, горделиво
Подпёрли небо купола.

Как лунный свет скользит по крышам,
Как дождь долбит унылый стих,
Как замолкает – тише, тише –
Дыханье улиц городских...»

Ты говоришь мне: «Будь спокоен».
А я спокоен, как всегда...
Над вечным северным покоем
Мерцает вещая звезда.

Кажется, что жизнь сошла на «нет».
Под былым проведена черта.
Нынче нет ни писем, ни газет,
Только телефонные счета.

Раз контора пишет, значит, мне
Рано обижаться на судьбу.
Знают про меня в родной стране
И достанут, видимо, в гробу.

Каждая душа наперечёт.
Каждый человек подвластен им.
И антихрист после наречёт
Тех, кто выжил, именем своим.

За часом час – и день проходит.
А по ночам – зловеще, грозно –
Трава беспамятства восходит.
Луна тускнеет. Меркнут звёзды.

Нам всем отмерено два срока.
Не снизойти с небес на землю.
Без сожаленья и упрёка
Любую участь я приемлю.

Что предстоит – наверно, знаю.
Надежда – вот моё сомненье.
Траве беспамятства внимаю,
Заворожён её движеньем.

Луна тускнеет. Меркнут звёзды.
За часом час – и жизнь проходит.
И по ночам – зловеще, грозно –
Трава беспамятства восходит.

Когда-то Солнце было Богом.
Теперь и Бог ничто для нас.
Хоть равнодушно, на Природу
Ещё взираем мы подчас.

За поколеньем поколенье
Теряем связь с родной землёй.
Что ждёт нас? Гибель ли, спасенье,
Небесный рай иль ад земной?

Как бедный путник, поневоле
В последний путь иду, спеша...
Но ищет, ищет ветра в поле
Моя бессмертная душа.

Надежда умерла.
А мы живём.
Ни Родины. Ни памяти. Ни песен...
А ты твердишь, что стало интересно,
Что жизнь идёт как будто на подъём.

Россия вся в витринах и витринках.
Всё в розницу – свобода, совесть, честь...
Но рады и застолью на поминках,
Поскольку можно выпить и поесть.

У всех народов – праздники и будни.
У русских – только будни круглый год.
И тяжелей, надрывней, беспробудней
Пьёт импортную горькую народ.

Наш календарь прекрасен был и тесен –
За Первомаем – снова Первомай...
Теперь уже ни поводов, ни песен,
А о былом – совсем не вспоминай.

Теперь другие времена и даты –
Отдельно для детей и для отцов.
Россия, Русь, куда ты мчишь, куда ты?
Остановись на миг в конце концов!

А мир вокруг – весёлый и прекрасный,
И раз уж мы всю жизнь боролись зря,
Так выпьем, друг, уж если не за красный,
Так хоть за чёрный день календаря.

Тает в стынувшей роще
Отблеск талой луны.
Жить бы надо попроще —
Без обид, без вины.

А по жизни иначе —
Дни утрат нележки.
То от радости плачу,
То смеюсь от тоски.

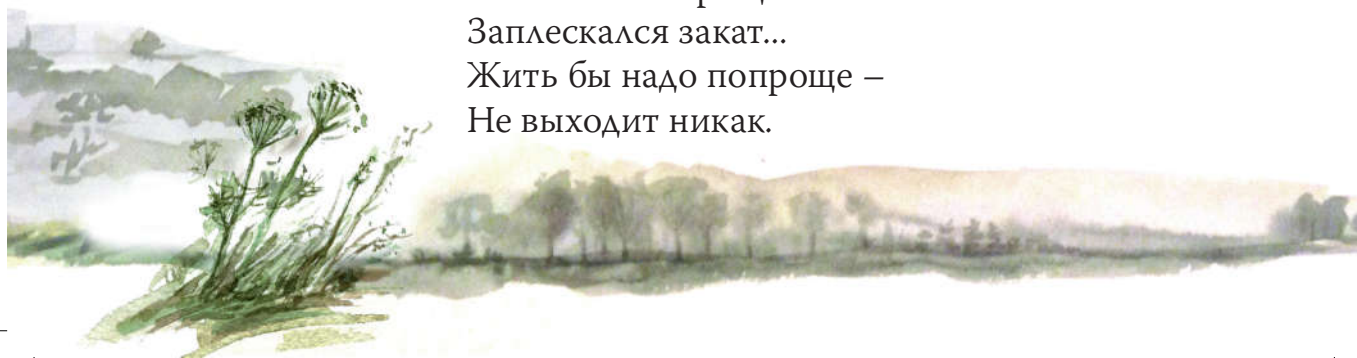
То бессонницей маюсь,
То не встать поутру.
Быть правдивым стараюсь —
И бессовестно вру.

Жить бы надо иначе —
Не курить и не пить,
И в деревне, на даче
Баню чаще топить,

Соглашаться со всеми,
Не печалиться зря,
Не растрачивать время,
О пустом говоря,

До бессилья не спорить
И не переживать,
И у тёплого моря
Каждый год отдыхать.

А в осиновой роще
Заплескался закат...
Жить бы надо попроще —
Не выходит никак.

ВОКЗАЛ

Ночное небо отразилось в лужах.
В дожде сверкают ярко провода.
Гудит вокзал, на сквозняках простужен,
В дорогу отправляя поезда.

Встречай, Самара, Киев и столица,
Друзей, гостей, домой спешащих вновь.
Ищи знакомых радостные лица,
Всё рядом здесь – разлука и любовь.

Всё вперемешку – радость и тревога,
Сместились в небе звёзды и луна.
Отсюда начинается дорога,
Но здесь же и кончается она.

Чадит неон дрожащим, тусклым светом,
Мерцает в небе синяя звезда.
Пора, согласно купленным билетам,
Занять свои последние места.

Зимняя дорога.
Полная луна.
На душе – тревога,
На сердце – вина.

Белые сугробы.
Синяя звезда.
Что бы сделать, чтобы
Счастлив был всегда?

Сердце глухо бьётся,
Хочет отдохнуть.
А позёмка вьётся,
Заметает путь.

Зимнею дорогой
Вечно нам идти...
Далеко от Бога
Все наши пути.

ВСТРЕЧА С ДМИТРИЕМ МИЗГУЛИНЫМ

Михаил РЯБИЙ

I

С творчеством Дмитрия Мизгулина я познакомился с десяти-
ток лет назад благодаря его лирическим стихотворениям. Тогда в
«Эринтуре»¹ — писательском альманахе Югры 2004 года — поя-
вилась первая подборка его стихов «От Волхова до Иртыша...» и
мне, как читателю равнодушному к поэзии, невозможно было не
обратить внимания на эту публикацию. Уже в первом, открывав-
шем писательский ежегодник стихотворении, поразила искрен-
ность лирического героя, переживавшего государственную ката-
строфу как личную трагедию:

Было Отечество. Было — и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.
Солнце светило. А нынче не светит.
Может, хоть кто-нибудь это заметит —
Кто-нибудь кроме меня?

Гражданская позиция автора захватывала не столько накалом
страстей и повышенной эмоциональностью — от поэтов ещё и не
такого можно ожидать! — сколько своей философичностью, оду-
хотворенностью... и, как ни странно это звучит, — трезвостью
мысли. Нельзя было выделить из двенадцати стихотворений ка-
кое-либо особенное, поскольку каждое из них по-своему значи-
тельно открывало личность поэта, неординарно характеризовало
облик лирического героя.

1 Эринтур (Поющее озеро). Окружной литературно-художественный
альманах. Выпуск № 9. — Екатеринбург: Издательский дом «Пакрус»,
2004. — С. 11–12.

Вокруг ещё царил российский беспредел, — особенно в экономике и внутренней политике. Мы ещё не до конца скинули иго «семибанкирщины». Ещё продолжалась карнавальная игра предвыборных обещаний различного уровня. Общество не оправилось от смены эпох, повлекшей кошмары накопительного неистовства со всевозможными финансовыми пирамидами. Люди ещё подчинялись стадному чувству неуверенности в завтрашнем дне, воочию ощущая предкризисную атмосферу... Пресса подогревала эти настроения, не пытаясь скрывать тревожный и страшный смысл всего происходящего. И вдруг такие оптимистические ноты у стихотворения «Опутано ложью полмира...», в нём лирический герой, не слушая бред очередного витии-иуды, решил заняться не хитрым, но конкретным и — главное! — нужным делом: по весне он едет сажать картошку. В поэзии Дмитрия Мизгулина я увидел то, чего не хватало многим талантливым художникам современности — философии надежды:

Наладится жизнь понемножку.
Вернётся державная статья.
И время настанет картошку
По осени снова копать.

Поразило ещё то, как автор, несмотря на свою скромность, самокритичен к собственным деяниям:

Как скромный, но знающий зритель
Молчу — и на мне есть вина...

И, конечно же, меня, как читателя, ставшего сразу поклонником музыки поэта, покорило его понимание всего происходящего с точки зрения православного, духовно здравомыслящего человека:

Но всем по заслугам Спаситель
Воздаст непременно сполна.

Импонировало и то, что своей принадлежностью к христианству автор не бравировал, как иные из пишущей братии, пытавши-

еся в поэзии и прозе «законоучительствовать», подобно фарисеям во времена Иисуса. Заканчивалась подборка замечательными строчками, они показались мне не только дельным, но и весьма своевременным советом для многих колеблющихся:

Мгновеньем надо дорожить.
А не оплакивать потери.
Всё ждём. А надо бы спешить —
Немного нам Господь отмерил.

Открылись нам в рассветной мгле
Врата небесного чертога...
А мы все тщетно ищем Бога
На этой суетной земле.

В этих строках, как показалось мне, само будущее не просто угадывалось поэтом, а говорило через него, а он, казалось, и не подозревал об этом. Здесь каждое слово было в строку и отвечало строю моей души. Сразу бросилась в глаза абсолютно не «лобовая» гражданственность его поэзии, культура и интеллект. Каково же было удивление, когда позже я узнал, что автор всех этих поэтических строк — банкир по профессии. Хотя, если уж быть предельно точным — Президент ОАО «Ханты-Мансийский банк». Неосознанное желание встретиться с поэтом-банкиром разгоралось во мне всё больше и больше, так заинтересовала меня личность Дмитрия Мизгулина. Стихи у него были настоящие, уверенного в себе талантливого человека, а что собой представляет он сам?

Через некоторое время я подробнее познакомился не только с творчеством Дмитрия Александровича: Николай Иванович Коняев, руководивший тогда писательской организацией Югры, организовал встречу с поэтом. Каюсь, представлял наше свидание не очень оптимистично. Незадолго до этого весь Ханты-Мансийск был обклеен листовками с призывом голосовать за кандидатов в окружную Думу. На слуху и на «виду», естественно, был и Дмитрий Мизгулин.

В голове при лицезрении «предвыборных картинок» сразу стала прокручиваться шаблонная формула: поэт всегда должен нахо-

даться в оппозиции к власти, а не состоять в ней... Однако все сомнения рассеялись при личной встрече: Дмитрий Александрович оказался нормальным мужиком, и мы вскоре перешли на «ты». Ситуация была описана в свое время В. В. Розановым, — был такой замечательный национальный мыслитель и оригинальный историк-аналитик отечественной литературы: «Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И все понятно.

И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с иностранцем»²

Я, конечно же, попал под обаяние своего собеседника и пожалел о том, что напряжённая работа не даёт ему всерьёз заниматься кроме поэзии ещё и прозой. Дмитрий показался мне не только интересным рассказчиком, но и всесторонне образованным человеком. Среди очарованных им людей, я оказался не первым и не последним. На память о нашей встрече писатель подарил несколько своих книг.

Потом мы виделись мимолётно, два, а, может, три раза, сказывалась занятость Мизгулина как руководителя и депутата — постоянные поездки, совещания... Но даже свидания урывками для меня являлись открытием личности писателя. Попасть под его обаяние было несложно, в этом я потом не раз убеждался. Меня он покорила государственным складом мышления. Поэт-государственник — такую личность встретишь не часто. Обычно люди пишущие находятся в сфере каких-то страстей, всевозможных дрызг, зависти, тщеславия. От своих коллег по профессиональному творческому союзу чего только не приходилось слышать в адрес собратьев по цеху. Впрочем, инженеры человеческих душ, как характеризуют писателей с лёгкой руки товарища Сталина, не всегда таковы. В этом меня убедил Дмитрий Мизгулин: ни разу не довелось услышать из его уст ничего недостойного. Хотя обиды, конечно, были — и, особенно, как мне кажется, по молодости. Но были и открытия светлых личностей в поэзии, прозе, эссеистике... Он всячески старался избегать всевозможных литературных тусовок (по крайней мере, на «местном» уровне) и говорил мне об этом не стесняясь.

2 Розанов В. В. Сочинения. — М., 1990. — С. 30.

Сошлись мы с ним и во мнении о славянофилах — русских патриотах, мыслителях, писателях, общественных деятелях. Их не жаловала ни царская власть, ни нынешняя. Об истоках литературного славянофильства знали немногие интеллигенты нашего времени, зато о «прогрессивных взглядах» западников в нашей стране можно было услышать от многих, считавших себя людьми просвещёнными. Когда в начале 1990-х годов я писал диссертацию по литературному славянофильству в лице Ивана Васильевича Киреевского, издателя журнала «Европеец», то поражаюсь тому, как мало было написано позитивных работ о славянофилах в советский период на фоне дореволюционных и зарубежных исследований о них. Так вот, Дмитрий Александрович очень высоко ценил представителей славянофильства, особенно Алексея Степановича Хомякова и весьма близкого ему по взглядам Фёдора Ивановича Тютчева, насмотревшегося по роду службы на «заграницу». У Дмитрия Мизгулина о них можно найти публицистические статьи в книжке «В зеркале минувшего: Литературные заметки», которая вышла, кажется, полтора десятилетия назад в Санкт-Петербурге. Через девять лет, в 2006 году, он включил их в «Избранное»: значит, придавал этим работам особое значение, не считая их проходными в своём творчестве. В статье об А. С. Хомякове «Предсказатель», написанной почти четверть века назад — в 1990 году, автор подчёркивает мысль: в эпоху А. С. Пушкина (впрочем, как и сейчас), «вся народная литература, внимательная к самому широкому кругу проблем человека, любящая русского человека в его естественном развитии, была объявлена в «передовой» прессе реакционной и даже вредной»; «художественная критика постепенно была подменена общественно-политической полемикой». За что мы так высоко ценим с Дмитрием Мизгулиным славянофилов? Во-первых, за их прозорливость. Во-вторых, за героическое отстаивание ими культурной самобытности вплоть до исконно русских одеяний, в которых их (по крайней мере, Алексея Степановича Хомякова), позабывшая русскую старину публика принимала за «персиян». В-третьих, за то, что они старались умело использовать все научные завоевания Запада для сохранения культурной самобытности как условия исторического самоопределения народа, без чего невозможно ни его самосохранение, ни

постоянное развитие и творческое самосозидание. В эпоху глобализации это было особенно важно, поскольку все нормальные люди были давно убеждены: унификация мира только на одной проамериканской основе, подразумевавшей отказ от признания на равных достоинств остальных культур, и это неминуемо приведёт мир к всеобщей катастрофе. Исторических примеров подобных ситуаций на протяжении столетий было немало, идеологические завоеватели уничтожали в первую очередь цвет нации, а помогали им в этом не чужестранцы, а «свои» же — соотечественники. Поэтому не мог я не согласиться с Дмитрием Мизгулиным и с его анализом истоков травли истинно русских писателей. «Вспомним, например, Лескова. Причина одна — Лесков осмелился(!) показать «положительный тип русского человека».

Герои Лескова — праведники, и несть им числа, и они — лучшие представители России, её духовная опора. «Либералы» и «нигилисты» открыли по Лескову в своих журналах прямо-таки залповый огонь. «Интернационалистов» «трясло» от патриотизма Лескова, от его «положительных» типов.

Ведь у Лескова русский человек (причём отнюдь не идеализированный) — не тунеядец, не пьяница, не дебил, не скотина — словом, не сырой материал для строительства нового общества (по Чаадаеву), а личность со своим мировоззрением и местом в историческом мировом развитии». Воистину был прав Робеспьер, когда утверждал: есть только две партии — партия народа и партия врагов народа. Славянофилы, почвенники, неославянофилы и представители близких им других группировок, к своему народу относились совершенно по-иному, нежели остальная русская интеллигенция, помешанная на революционных идеях. Лесков, как писатель истинно русский, даже не подозревал о том, что сразу после революции 1917 года его самобытное творчество будет новой властью востребовано настолько минимально, что широкому кругу читателей станут известны лишь те произведения, где представители простого народа предстанут в такой наивысшей степени угнетения, как в «Тупейном художнике» или «Левше». В школе к изучению творчества Николая Лескова на уроках литературы относились по меньшей мере прохладно, не понимая, очевидно, что творчество любого национального русского писателя посвя-

щено в первую очередь тому, как и зачем мы пришли в мир, как и к чему должны стремиться. Без этих знаний, как и без знаний собственной истории, нам в этом мире оставалось лишь одно — признать себя случайностью... У случайности нет родителей, ребёнок в лучшем случае — незаконнорождённый, с ним можно сделать всё что угодно — глумиться над его идеалами, вести себя по отношению к нему не только несправедливо, но и безнравственно. «Мы ленивы и не любопытны» — эту пушкинскую мысль мне хотелось дополнить другим его высказыванием-упрёком: у нас иной потомок более дорожит звездой двоюродного брата, чем историей своего дома, т. е. историей Отечества. А что такое русский без знания своей истории? Уже не русский, а Иван, не помнящий родства. История всегда учила тому, что наилучшие и прочнейшие улучшения нравов происходили без страшных для человечества потрясений — войн и революций. Об этом писал ещё Пушкин, впрочем, не он один. Замечали подобную закономерность многие выдающиеся люди — не только историки и писатели.

Среди героев философских исследований Дмитрия Мизгулина были именно такие личности. Но к Николаю Семёновичу Лескову исследователь-публицист Мизгулин относился очень трепетно, этот русский писатель для него — личность незаслуженно забытая в нашем Отечестве: «Лесков не был «лакировщиком» — он писал правду, порой жестокую и горькую, — но именно эта правда, правда о русском человеке, о России, была не нужна...»

В замечательной статье того же 1990-го года «Два рассказа на один сюжет» автор, которому ещё не исполнилось и тридцати, делает великолепный литературоведческий анализ рассказа Николая Лескова «Грабёж» и Евгения Замятина «Часы». Анализируя поступки героев, Дмитрий Мизгулин приводит читателей к закономерной мысли: насколько измечтал человек в «Совдепии» и какую страну мы потеряли в результате октябрьского переворота 1917-го...

И как не согласиться с таким выводом, венчающим своеобразное литературное расследование: «Воистину прав был некто, сказав, что русский человек дореволюционной эпохи отличается от нынешнего, как золотой царский червонец от десятирублевой бумажки»?

II

Плодом наших встреч с Дмитрием Мизгулиным стало участие в составлении книги литературно-критических материалов о его творчестве. В её подготовке мне помогала Ирина Геннадьевна Рябий, защитившая в Москве кандидатскую диссертацию по поэзии пушкинской поры и сама, к тому же, поэт. Оказывал помощь в работе над рукописью также ближайший друг писателя, член Союза писателей России Сергей Сергеевич Козлов, лауреат многочисленных литературных премий, перебравшийся из Горноправдинска в Ханты-Мансийск, а в последнее время — в Тюмень, в качестве депутата областной Думы: он дал две статьи о поэзии Дмитрия Мизгулина. Когда работа была сделана, оставалось только написать предисловие. Назвал я её следующим образом: «Поэт должен быть... мифом». Почему именно такое название? Как-то при встрече с читателями, расспрашивающими Дмитрия Александровича Мизгулина о его жизни, он обронил: «Писатель должен быть для читателя мифом», имея в виду дистанцию между лирическим героем и личностью поэта, не желающего распространяться о себе.

Большинство серьёзных исследователей, изучая чьё-либо творчество, редко обращаются к биографии поэта, предпочитая работать только с текстами. И это правильно, биографический метод ограничен.

Правда, оглядываясь на классическую поэзию, невольно вспоминаешь, что в биографиях В. А. Жуковского, и К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина и Е. А. Баратынского, да и А. С. Хомякова и Ф. И. Тютчева, и других русских поэтов всегда было что-то такое, что объясняло характер их поэзии, основные её мотивы. И когда читатели обращаются к поэзии своих современников, зная о некоторых сторонах их биографии, то они невольно проводят параллель между поэтом и тем образом, который смотрит на них со страниц его книги. Обычно все, кто знакомится с Мизгулиным, задаётся вопросом: как — поэт и банкир? И здесь есть свои резоны. Может ли вообще сегодня поэт быть благополучным и практическим человеком. Сразу вспоминается список несчастных художников слова, многие из которых имели либо какие-то увечья, либо были изгнанниками, либо умерли в страшной нищете от ка-

кой-нибудь злосчастной болезни. На ум сразу приходят примеры: великий Гомер был слепым, Тиртей — хромым, Архилоха убили на войне, Ивика зарезали разбойники, Виньон умер на виселице, Рембо скончался в алжирском госпитале от гангрены. Этот список можно продолжать и продолжать...

О русских поэтах разговор вообще особый. Недаром В. К. Кюхельбекер писал: «Тяжка судьба поэтов всех племён; / Тяжелее всех судьба казнит Россию». Почти как в русской народной сказке: дар не даётся просто так, его надо заслужить, ради него надо чем-то жертвовать... Причём это представление настолько глубоко въелось в наше всенародное сознание, что трудно от него отделаться. Поэтому вполне закономерно, что почти каждый, кто знакомился с поэзией Мизгулина, а затем с ним самим, пребывал в некотором недоумении. Это недоумение можно даже расслышать в тех вопросах, какие задают ему. И неудивительно, что один из первых критиков его поэзии признался: «Читая стихи Дмитрия Мизгулина, я представлял себе немолодого (лет за пятьдесят) человека, с нелёгкой судьбой, живущего трудно. Туго с деньгами, тяжёлая работа, на шее дети, а может быть, и внуки. Всех надо поставить на ноги, всем помочь... Каково же было моё удивление, когда на пороге моей квартиры показался довольно молодой, крепко сбитый, уверенный в себе человек, представившийся просто и доверительно — Дима. Мы пили пиво, ели красных распаренных раков и говорили о жизни вокруг, о поэзии, о политике, о России. Оказалось, что Дмитрий Мизгулин не только поэт. Он — преуспевающий бизнесмен и банкир, и жизнь свою строит сам — энергично, уверенно, и дело ладится, и деньги есть, и творческая работа, и семья. Мы беседовали, а я всё удивлялся контрасту образа, складывающегося из стихов, и реального человека».

Да, сам автор не прост, он весьма начитан и тоже кивает на классические примеры: был, мол, такой поэт, ныне забытый, но в своё время очень знаменитый Владимир Григорьевич Бенедиктов. Он тоже был успешным банкиром. Затем вспоминает ещё один общеизвестный факт, который уже связан с личностью Афанасия Афанасьевича Фета. Ещё современники изумлялись раздвоенности поэта: с одной стороны, он — практик, помещик-крепостник по фамилии отчима — Шеншин, а с другой — тонкий лирик, ав-

тор великолепных стихотворений, по фамилии матери от первого мужа — Фет. Может быть, личность Мизгулина из той же серии?

Интересно... И любой настоящий читатель начнёт рыться в биографии поэта: да в чём же дело? Да так, ничего особенного. Появился на свет не в столице, а в провинции. Рос как все дети тех времён: занимался спортом, затем, когда пришло время, поступил в институт. После его окончания, как и положено, — служба в армии.

Ну а дальше уж, как в песне поётся: молодым везде у нас дорога...

С 1986 года экономист Мизгулин начал своё восхождение по ступеням карьерной лестницы. В памятный 1991 год тридцатилетний финансист начинает свою службу в банковской сфере.

С середины 1990-х он занимает должность руководителя Морского торгово-промышленного банка, а затем — ОАО «Инкас-банк».

Живёт и работает в Санкт-Петербурге, а в 2001 году переезжает на Север и становится президентом Ханты-Мансийского банка...

При нынешнем размахе его банковской деятельности — он — заместитель председателя Совета Ассоциации региональных банков России, член Совета Ассоциации российских банков, а также экспертных советов при Государственной думе и Совете Федерации, правительстве ХМАО — Югры, Полномочном представителе президента РФ в УрФО при губернаторе Ханты-Мансийского автономного округа; депутат Думы ХМАО — Югры четвёртого созыва.

Дмитрий Александрович успевает всюду: движение по службе не помешало ему защитить кандидатскую диссертацию по специальности: он — кандидат экономических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заслуженный экономист РФ, председатель подкомитета деятельности ТПП РФ, почётный консул Чешской Республики в ХМАО — Югре, обладатель государственных и общественных наград, лауреат нескольких литературных премий. На его месте любой другой, обольщённый материальным благополучием, забыл бы про свои детские увлечения — стихи. Зачем? Вот биография, из которой поэзия не вытекает сама собой.

Да и возможно ли за сухими анкетными фактами увидеть главное в человеке. Даже если бы читатель узнал:

а) что писать Дмитрий начал ещё в восьмом классе;

б) что сознательное творчество он относит к более поздним годам;

в) что он был членом клуба молодых литераторов Ленинграда с 1978 года, едва став студентом;

г) что в 26-летнем возрасте он, пройдя большой конкурс, поступил в Литературный институт имени А. М. Горького;

д) что он занимался на семинаре у известного поэта Александра Петровича Межирова ...

Ведь всё равно эти факты, уже связанные с поэтической биографией, никогда не помогут по-настоящему узнать поэта. О поэте могут рассказать только его стихи. Ведь стихи, как считает сам автор, это — разговор о душе, ибо:

Время мчится, сметая преграды...
Но бессмертной пребудет душа...
Вот о ней-то подумать и надо.

Читатель и тут возразит: ну и что же — для любого поэта стихи — область, уж конечно, не материальная! И Фет, и Бенедиктов, что же, не выражали душу в стихах?

Владимир Бенедиктов³ прославился как поэт-романтик, создатель надуманных образов, вычурных выражений, типа «мох забвения на развалинах любви», «морозный пар бесстрастного

3 Любопытно, что у поэтов (В. Бенедиктова и Д. Мизгулина) достаточно много биографических совпадений. Оба своё детство провели в северных широтах — Бенедиктов родился в Санкт-Петербурге. Оба во время учёбы увлекались поэзией. После окончания четырёхклассной олонёцкой гимназии Бенедиктов перешёл в средние классы петербургского второго кадетского корпуса. Мизгулин родом из Мурманска, окончив школу, он учился в высших учебных заведениях северной столицы, тогда ещё именуемой Ленинградом. Каждый из поэтов находился на военной службе: Бенедиктов после окончания кадетского корпуса как первый ученик был произведён в прапорщики, получив назначение в лейб-гвардейский Измайловский полк; Мизгулин, окончив институт, где была военная кафедра, также проходил службу в качестве офицера. В 25 лет и тот и другой строят свою финансовую карьеру. Бенедиктов, начав службу в Министерстве финансов с ничтожной канцеляристской должности, прослужив честно много лет, стал директором государственного заёмного банка. В той же банковской сфере стал служить и Д. Мизгулин, сделав карьеру более стремительно. Примерно в тридцать лет каждый из поэтов дебютировал в отечественной словесности книжицей стихов. Оба, наконец, отдадут дань переводческой деятельности в поэзии. Но на этом все совпадения заканчиваются: творческие манеры у поэтов разные, полагаем, что разными будут и творческие судьбы.

Афанасий Фет — чистый лирик, создавший причудливый, едва уловимый мир чувств, точнее, их оттенков, растворённых в пейзажах. В стихах, запечатлевших мгновенное состояние души, раскрывался тайный Фет, не знакомый трезвому и расчётливому миру.

Мизгулин на них и похож, и не похож. Похож, потому что, рассказывая о принципах работы над поэтическим текстом, он признавался: «Лично у меня стихотворение рождается от строки. Не бывает так, чтобы я сел писать задуманное ранее стихотворение. Сначала появляется строка, потом я, скажем, люблюсь зелёным листом, слушаю шум дождя, общаюсь с друзьями, и после этого из этой строки рождается стихотворение. Впечатление первично». И чем Мизгулин не Фет? Но он не Фет, потому что волнует его не то, как выльется на бумаге его душа, и не только красота, к которой стремился Фет, но другое — возвращение в настоящую Россию, обретение утраченных ценностей для восстановления единой соборной народной души. Лирического героя Мизгулина волнует, прежде всего, что будет с Россией:

Ни судить, ни спорить не берусь.
И давно уже не жду ответа.
Где твой Бог, моя родная Русь?
Где твой Бог, родимая планета?
И летит всемирный наш экспресс.
И гремит железная дорога.
И уносит дальше нас прогресс
От природы,
от любви,
от Бога.

Личность Дмитрия Мизгулина многогранна, перед нами, прежде всего, — поэт-государственник, поэт, который, заботясь о спасении собственной души, печётся о спасении всей России.

Недаром себе в учителя Дмитрий Мизгулин выбрал Фёдора Ивановича Тютчева, в поэзии которого чувственное, духов-

ное и рациональное соединились в парадоксальных образах, а также замечательного поэта и философа Алексея Степановича Хомякова, одного из отцов славянофильства. Оба писателя были и глубокими мыслителями, и радетелями за Отечество. Безусловно, учителя во многом определили творческий путь Мизгулина.

В книге «В зеркале минувшего» — литературных заметках, он рассуждает о творчестве русских и зарубежных писателей и философов, в числе которых Ф. И. Тютчев, А. С. Хомяков, Н. С. Лесков и Н. А. Бердяев.

По его мнению, русских писателей волновала судьба всего православного мира, прямо выраженного в стихотворении А. С. Пушкина «Клеветникам России»: «Славянские ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет?» Именно с постановки этого вопроса, по его мнению, рождаются русская гражданская тематика и глубинная философия. И когда Дмитрия Мизгулина спросили: почему он в стихах философ и патриот, и почему основной темой его поэзии является Россия, он, не задумываясь, ответил: «Уверен, что всё в этой жизни от Бога, ибо сказано: «Без меня не можете творить ничего», то есть ничего без воли Господа не создаётся».

В одной из своих научно-публицистических работ Мизгулин делает попытку осмыслить власть как таковую в нашем Отечестве.

Ссылаясь на авторитет поэта-славянофила Хомякова, он обращается к политической лирике Тютчева, утверждающего: «Настоящая власть — божественна. Но это, в понимании Тютчева, — следование традиционным духовно-нравственным началам, историческим традициям. Тютчеву представлялось, что именно монархия в России имела этот стержень в противовес Западной Европе, основы которой заложил Рим, желавший «устроить царство Христово как царство мира сего».

Основа России — православие, поэтому, по Тютчеву, суть правления даже не в его внешней форме (монархия, деспотия или республика), а в этическом стержне или в духовной опоре существующей власти. Это понимание особенно ярко выражено Тютчевым в стихотворении «Наполеон» (до начала 1850 г.).

Казалось, сама природа щедро одарила «самовластного гения» и «сына революции», но ему служат демоны, и потому крах его неизбежен, ибо:

Но освящающая сила,
Непостижимая уму,
Души его не озарила
И не приблизилась к нему...
Он был земной, не божий пламень,
Он гордо плыл — презритель волн, —
Но о подводной веры камень
В щепы разбился утлый чёлн.

Без «освящающей силы веры» любая светская власть разлетится в прах, даже если она будет простираться чуть ли не на весь мир...

Но иначе думали декабристы, обратившие внимание на республиканскую форму правления. И Тютчев с ними спорит: «Вас развратило самовластье...», — это мнение также оказывается близко Мизгулину. В статье «Политическая лирика Ф. Тютчева» он пишет: «Самовластие, развратившее декабристов, — это идея Запада, та самая революционная идея, которая «развратила» дух отдельных представителей дворянства России, толкнула их на путь не столько выступления против самодержавия, сколько за немедленное сближение России и Запада в пресловутом «общеевропейском доме», что, несомненно, вызвало бы духовное перерождение России в плане ненавистой Тютчеву идеи «обожествления человеком человека».

Это самовластие и есть та самая грядущая деспотия — деспотия личности, а вовсе не пресловутая царская власть».

По мнению нашего современника поэта Мизгулина, деспотия личности всегда начинается там, где обнаруживается отход от традиционных принципов власти, известных на Руси своими духовными началами. Со времён Петра I, обрившего боярам бороды и надевшего иноземные платья на дворян, почти на четверть тысячелетия отменившего у нас патриаршество, Святая Русь отошла в небытие. Даже провозглашённая при Николае I офици-

альная доктрина «Самодержавие — Православие — Народность» не помогла России остановить разрушение отечественного самобытного мировоззрения и оградить его от натиска «передовых» и «прогрессивных» идей Запада. Французская материалистическая философия, развязавшая руки буржуазии в конце XVIII века, не только породила революцию и гражданские войны в Западной Европе, но и способствовала наполеоновской экспансии. Увлечение социально-утопическими европейскими идеями привело декабристов на Сенатскую площадь. Декабрьское событие 1825 года в свою очередь повлияло на формирование нового поколения борцов с царизмом. Зазвонил «Колокол» А. И. Герцена, да так, что к концу XIX столетия в нашей стране возобладали марксистские идеи.

А в итоге: в начале XX века произошла революция, а в конце его — кризис в развитии отечественной мысли и морали, осознание катастрофы традицией — основа его творчества, поэтому в его ранних стихотворениях слышны не только идеологические клише 1970-х годов, но и узнаются голоса поэтов Серебряного века.

Первая маленькая книжка стихов Дмитрия Мизгулина — «Петербургская вьюга» (1992) — начинается замечательными строчками, которые, пожалуй, можно сделать эпиграфом ко всему литературному творчеству Дмитрия Мизгулина:

Нашей памяти долгий свет —
Как единственное наследство,
Как от поступи прошлых лет
Никуда от него не деться...

Но о какой памяти здесь идёт речь — какая память может быть у юного поэта? Вероятно, это прапамять, которая ещё называется генетической, а значит, и провидческой. Поэт конца века, подобно поэтам, живущим в его начале, предчувствует новые «Неслыханные перемены, / Невиданные мятежи...»

В самом первом стихотворении Мизгулина за 1978 год возникает образ Ленинграда, отдалённо напоминающего блоковский Петербург:

Вода в Неве — чернее сажи,
А небо синее — без звёзд,
Неона свет — бледнее слёз,
Пролитых кем-то над пропажей.

Здесь присутствует тот же контраст чёрного и белого, как и в поэме «Двенадцать»: белый «искрящийся ледок» и тёмное небо, чёрная ограда; здесь слышно завывание ветра. Однако тональность петербургских стихов у Мизгулина своя — в ней мятежность («хлопья снега и хлопья пепла») часто сменяется лёгкой грустью:

Потянуло холодком
Из пустого сада,
Под искрящимся ледком
Чёрная ограда.
Вижу — журавли летят,
Слышу крик печальный.
И застыл осенний сад,
Как дворец хрустальный.

Мотив безысходности, намеченный в ранних стихах, сходит на «нет». Молодость берёт своё. Правда, лирический герой из стихотворения 1979 года, не вошедшего в первый сборник, не совсем уверен в своём выборе. Он не знает, стоит ли бежать неведомо куда, но всё-таки садится в поезд: состав по рельсам мчит на юг.

А юг — это всегда хорошо, особенно тогда, когда отправляешься туда из сурового Севера:

Сосед мой улыбается,
Под этот развесёлый стук
Домой он возвращается.

Кто-то возвращается, а кто-то только начал свой путь. Каким он видится восемнадцатилетнему поэту Дмитрию Мизгулину? Важно, что молодой человек впервые задумывается всерьёз о нём:

И я подумал,
Разве стоит
Семь дней
Трястись
В пустом вагоне,
Бежать неведомо — куда.
Чтоб здесь опять
Увидеть осень,
Как дождь асфальт
Усердно моет,
Как листья,
Будто бы за ветви,
Цепляются за провода.

До первой поэтической книжицы оставалось ещё двенадцать лет, но уже тогда лирический герой Дмитрия Мизгулина твёрдо решил для себя: поэзия не забава, а тернистый путь и подвижнический труд.

И споры продолжаются,
И мнения не сходятся —
Поэтами рождаются?
А может быть, становятся?
Не все мечты сбываются...
Не все дороги сходятся...
Поэтами рождаются,
Но не всегда становятся.

Чем интересны для творческой биографии стихотворения конца 1970-х — начала 1980-х годов, практически не вошедшие в поэтические сборники? Они дают представление о росте художественного мастерства Дмитрия Мизгулина: в его поэзии постепенно усиливается внимание к детали, позволяющей создать образ тонко чувствующего человека, лирический герой мужает и становится увереннее в себе. При этом он ещё остается наивным; его волнуют юношеские проблемы: взаимоотношения с друзьями («Три друга было у меня...»), первые влюблённости и первые несправедливости:

Ни по чьей вине
Сам в себе пропал.
Ты писала мне —
Писем не читал.

Или:

О Боже мой!
Что мог бы написать покойный,
Когда бы знал, кто он такой?!

Лирический герой стихотворений 1980-х годов — это человек с искренним и горячим стремлением к подвигу, свято верящий в юношеские идеалы: любовь и дружбу.

Однако в стихотворениях 1983–1984-х годов намечается едва заметный тематический сдвиг: появляется историческая тема («Суворов», «В соборе св. Витта», «Памятник Петру»), а также размышления о призвании поэта («Не витийствуй, не пророчь...»)

Можно сказать, что эта тема отныне связана с темой естественных устремлений личности («Камни»).

В стихах появляются гражданственные и философские мотивы, иногда они выражены в сентенциях, иногда скрываются за бытовыми реалиями. Поэт умеет увидеть в бытовом, частном — общее.

Вот, кажется, о чём может рассказать нам обыкновенная хозяйская сетка, о которой нынешнее поколение молодых людей и не подозревает, привыкнув пользоваться разноцветными пакетами с рекламной символикой? Те, кто постарше, помнят, как отцы-ветераны и матери брали эти сетки с собой, когда шли на работу: вдруг повезёт — в магазинах «выбросят» продуктовый дефицит...

Народ жил тогда — в 1950-е, 1960-е и даже 1970-е — в основном бедно, потому и довольствовался малым. Отсюда и простота нашего быта — больших радостей неоткуда было взять: счастливы были куском хлеба в доме, грамотой довольствовались на работе за ударный труд. Зато Родину свою любили и помнили о тех, кто её защищал. Уже где-то к середине 1980-х на смену сеткам стали приходить пакеты, у нас их производство тогда ещё не было налажено, счастливики, ими обладавшие,

гордились «фирмой». Вот и повстречал в те времена выпускник ленинградского финансово-экономического вуза ветерана, инвалида Великой Отечественной войны. В руках — хозяйственная сетка, но только поэт увидел в этом незначительном факте суть тогдашних перемен:

Примета минувшего быта!
Мы стали тебя забывать.
Всё было легко и открыто,
И нечего было скрывать...
Теперь уж не переиначим
Минувших сокрывшихся дней,
Где жили не то чтоб иначе,
Но всё-таки как-то дружней...
Опять твоя сумка забита
До самых высоких краёв,
Пейзажем заморским сокрыто
Бездонное чрево её...

К кому обращается лирический герой в финале стихотворения? К себе, к нам, к нынешней молодёжи? По большому счёту даже не в этом дело. Страшнее другое: мы стали благополучнее и скрытнее, рациональнее, деловитее, но бывшего радушия и в помине не осталось, ведь сытый голодного не разумеет. А главное — не стало в нашей жизни хозяйственных сеток, вытеснили их сумки со всевозможными яркими надписями и бесстыдными красотками...

Есть у Дмитрия Мизгулина, поэта первой половины 1980-х, парадоксальность мысли, граничащая с юношеским максимализмом, запросто разрешающая выстраданные веками дилеммы («Если б Иуда не сторговался...»; «Дай Бог тебе сильных врагов...»)

Этот период его поэтического творчества примечателен ещё и тяготением к балладности — в чести у него оказался жанр баллады, передающий нравственно-психологические коллизии: «Баллада о буксире» (1982), рассказывающая о неразделённой любви; «Баллада о старой пластинке» (1984), повествующая о ветреной моде; упомянутая «Баллада о хозяйственной сетке» (1984) — история

не столько об уходящем быте, сколько об уходящем поколении; «Баллада о скрипке» (1985) — рассказ об истинных ценностях; «Баллада о старой лестнице» (1985) — история о восхождении души. Попутно должно заметить, что и некоторые другие стихотворения этого периода, не имеющие жанровой пометы «баллада», в какой-то мере сохраняют её черты («В больнице», «Индийское кино» и др.).

Некоторые названия поэтических произведений 1984 года говорят сами за себя — «Памятник Петру», «Мойка, 12», «Исаакиевский собор», «Дом, где жил Тютчев» — здесь сама история воззрилась испытующе на нас, а мы, читатели, что же мы сумеем представить ей в ответ кроме наших мелочных оправданий?

Перед литературой, в отличие от религии, не стоит задачи искоренения греха, но литература тоже говорит о греховности, пытаясь понять природу человека, заглянув к нему в душу.

Лирический герой Дмитрия Мизгулина — рефлектирующая личность, страдающая от собственного несовершенства и от того, что мир, погрязший в пороках, мучается и не знает выхода из этого состояния. Хотя выход рядом, он давно известен миру, это — раскаяние. Религия для мизгулинского героя — не пустой звук, хотя бы уже потому, что он пытается познать себя через веру. Герой задаёт себе вопрос: почему многие из нас ещё не обрели свою церковь?

Из-за боязни того, что для неё нетерпим всякий грех, и она ждёт постоянного искупления от нас? В искупимости, но именно это приносит страдание и некоторое раздвоение сознания героя. Душа его, как снег и пепел. Снег — это то, что уже преодолено жизнью и им самим. Это — позабытый погост, холодный и по-зимнему убелённый. С другой стороны — всё пожирающий пламень, пламень, превращающий мир в пепел, то есть в то, что называется теперешней жизнью — с толпами цивилизованных дикарей, их общественными воплями, властью Интернета, печати и телевидения. Кого они теперь осудят под звуки завывающих вьюг, их шабаша и обрекут на крест под крики очередному Пилату: «Распни Его, распни Его!»

Думается, что первая часть книги 1992 года «Петербургская вьюга» по-иному и не могла быть названа, кроме как «Снег и пе-

пел»... Если Бога нет, то всё в мире — прах, пепел. Если нет абсолютного, которое придаёт значение и ценность нашему существованию, то в этом случае у существования смысла нет.

Но есть снег, который обеляет, освящает — «серебро Господа моего»... Однако чтобы пройти крестный путь свой к этому серебряному снегу, необходимо поверить в Китеж-град («Китеж-град»), искоренить сегодняшнее запойное существование, выпрыгнуть на полном ходу из вагона и попытаться потушить пожар в лесу («Пожар в лесу»). Надо много сделать такого, чтобы в первую очередь преодолеть себя. У нас есть такая возможность, остались святыни, на которые можно морально опереться — об этом много говорится в первой части сборника. Утрата нашего духовного наследия была бы утратой не только для нас, но для всего мира.

Всё это и пытается объяснить поэт своим читателям, ожидающим таких произведений, с которыми бы они были творчески сопричастны. Ведь откуда возьмётся душеполезное чтение, если большинство книг, сверкающих крикливыми одёжками, что пользуются спросом на рынке, не то что духовности — доброго чувства не вызовут.

Следующий сборник Мизгулина «Зимняя дорога» (1995) включает несколько разделов. Один из них, состоящий из стихотворений 1982–1989 годов, которые входили в задуманный, но не вышедший в свет сборник «География души» (книга с одноимённым названием, но уже с другими стихотворениями выйдет позже в 2005 году).

Начинается этот раздел стихотворением 1988-го «Кадры кинохроники». В нём отражены чувства поэта после просмотра военной хроники «немецкого парада» в Москве: «пленных немцев ведут по столице...» Ощущение гордости за отцов-победителей передаётся через добрую улыбку автора, но тревога за детей этих отцов всё же остаётся в душе лирического героя. Врагам, теперь уже неопасным, но по-прежнему глядящим исподлобья (и затравленно одновременно!), противопоставлен по-христиански чистый взгляд младенца на руках российской Мадонны: «мальчик смотрит светло и серьёзно...» Его взгляд как бы пронизывает грядущие времена, и ребёнок видит то, что неведомо никому.

С этим стихотворением перекликается другое, этой же поры — «Нелегко быть с эпохой на «ты»...» (1986):

В небесах над моей головой
Облака проплывают, беспечны,
Зарастают траншеи травой,
Но, как шрамы, останутся вечны,
Но, как старые раны, болит
Наша память, и если взглядеться, —
Лист осиновый кровью облит,
И куда нам от этого деться...

В стихотворении «Перед рассветом» он снова обращается к военному времени через современность, пытаясь сказать о том, что волнует послевоенное поколение, о чём думает оно, как оценивает жизнь. Вторая часть его — молитвенное размышление о земной доле, и в каждой строчке его — боль за «всё, что раньше не уберegli». Теперь уже чаще можно встретить в поэзии Мизгулина мотивы одиночества и даже порою безысходности.

Они проявляются в стихотворениях «Последняя версия о победе Наполеона с о. св. Елены» («Но куда бежать! Бог мой! / О несовершенство мира!»; «Не вернуть бывшего. Нет. / Даже если возвратиться»); «Крадучись вползает в дом беда...» («Так сложилось, видно, что всегда / Ты один, один за всё в ответе»; «Ни тюрьма. Ни золото наград / Не спасёт погибнувшие души...»; «Лишь одно спасение — простить / Да на это не хватает силы»); «Хотелось любви и тепла...» («Без радости и без тоски / Потянутся сроки лениво»; «Но пуст твой построенный дом...»; «А в час, когда дремлет душа, / Возможно ль высокое чувство?»); «Письмо» («Пишу — всё будет хорошо, / А всё давным-давно прошло.»); «Саксофон» («Похоти похоть жаждет. И похоть / Миром правит и суд вершит...»)

Не потому ли поэзия Мизгулина близка настоящему читателю, что она вызывает к сокровенному в человеке: к его совести, к его душе, исторической памяти, наконец. Все эти вещи взаимосвязаны: обращаясь к одному, мы неизбежно открываем в себе и в мире другое. Многие наш народ утратил существенного и уникального, утратил потому, что поддался разным соблазнам, слушал слишком умные речи наших врагов. Осталась только дырка от бублика — наши забытые идеалы. Вот к ним и обращается Мизгулин в одном

из своих ранних стихотворений «Суворов», в котором на многие годы обозначился круг проблем, волнующих автора.

Суворов Мизгулина не соответствует традиционному образу полководца, народного заступника так же, как не соответствует ему образ врага. Нет, его Суворов — не столько воин, сколько «лишний человек», а его враги — не иноземцы, а свои — толпа чванливых бездарностей:

Пока течёт спокойно время,
Живёт в угаре кутежей
Бездарное, тупое племя
Корыстолюбцев и ханжей.
И мнится им, что в этой жизни
Они познали всё сполна.
Но им Россия — не Отчизна,
Для них не Родина она...
(«Суворов»)

Герой стихотворения — государственник, который противопоставляется «бездарному тупому племени». «Ему ль, солдатскому герою, / В тщеславной суете сновать? / В мундире прусского покроя / Душе российской не бывать!» Но кто же виноват в том, что нам постоянно подсовывают заведомо тесные, неудобные мундиры?

Возможно, дело не в мундирах, а в нас самих? Может быть, прав Чаадаев⁴, утверждая, что «мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок»; «Так как мы воспринимаем всегда лишь готовые идеи, то в нашем мозгу не образуются те неизгладимые борозды, которые последовательное развитие проводят в умах и которые составляют их силу...» Далее в том же первом «философическом» письме он продолжает: «Мы растём, но не созреваем; движемся вперёд, но по кривой линии, то есть по такой, которая не ведет к цели. Мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить

4 Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. — С. 44, 49.

самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается ничего своего...» По Чаадаеву, «мы не обладаем <...> ни одним из достоинств, отличающих народы зрелые и высококультурные», и нам в лице Петра Яковлевича справедливо выносится приговор: «Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не созидалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из брёвен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода совершались помимо нас. Хотя мы и назывались христианами, плод христианства для нас не созревал».

Кому же тогда адресовать упрёк поэта: не нам ли самим или «им», кому Россия «не Отчизна», для кого «не Родина она»? Но у нас нет другой Родины, другого Отечества — мы здесь родились, живем и умрём, как наши родители, деды и прадеды.

Тогда — «им»? Чаадаеву? Тому, кто «Россию поднял на дыбы»? Очередным реформаторам? Спорь — не спорь, но, по мысли поэта, Россия, несмотря на обилие дураков и реформаторов, останется верной своему жребия, а её сыновья — своему долгу:

А в нашем мире беспокойном
Опять война, опять пальба,
И будет выбирать достойных
Не император, а судьба.
И станет жалок и бессилён
Дурак в чванливости своей,
И позовёт тогда Россия
Своих опальных сыновей!
И побледнеют в страхе лица,
И дрогнет в зеркале заря,
И понесутся от столицы
Во весь опор фельдъегеря...

Здесь автор высказывает нам, истосковавшимся по истине читателям, здравое суждение, ставшее уже для многих поколений русских людей парадоксальным:

Когда-нибудь да пригодится
России умный человек!

Неужели снимется с нас проклятие, суть которого в том, что нет пророка в своём Отечестве? Неужели российские птицы-тройки отыщут наконец-то верную дорогу, и мы избавимся от «бесформенной» идеологии и абстрактной универсальности?

Герой Шекспира как-то обмолвился о любимом Отечестве: «Подгнило что-то в датском королевстве...», здесь, конечно же, имелась в виду шекспировская Англия, тяжело страдавшая от внутренних противоречий между верхами и низами. И, правда, примерно через четыре десятка лет все проблемы туманного Альбиона разрешились примитивным гражданским мордобоем, положившим начало западноевропейской моде казнить своих некогда обожаемых монархов. На смену королю пришёл диктатор Кромвель, а с ним пуритане, со своим, выгодным только им, идеологическим толкованием христианства, однако они тоже долго на троне не усидели. Отправившись в американское изгнание, они реализовали свои «человеколюбивые» проекты совместно с другими пришлыми европейцами, «очистив» от коренных жителей материк для новой цивилизации. Чем дело кончилось — мы знаем из истории Соединённых Штатов Америки: на прахе убиенных дикарей возникла декларация прав человека, демократически соединив рабов с господами... И теперь новые поколения «ново-помазанных» пуритан — оплот «воюющей нравственности» по собственному образу и подобию во всех уголках земного шара.

Впрочем, об этом с каждым столетием вспоминают всё меньше и меньше, нежели о сакраментальном гамлетовском — «Быть или не быть?» Получается, прав Петр Яковлевич Чаадаев, бросив вызов самодержавию, православию и народности заявлением о том, что Россия являет всему миру пример того, как не следует поступать в истории развития человечества? Сколько воды утекло с той поры, да и сам басманный еретик покался в написанном, когда его сверху спросили: «Ты хоть понимаешь, что сказал?» — а вот, поди ж ты, помнят иностранцы слова официально объявленного сумасшедшим философа-католика и до сих пор мнят его непризнанным пророком.

Если согласиться с осуждающими нас, потусторонними (в том смысле, что не с нашей стороны) суждениями, то мы — народ мессия, но только со знаком минус. И нам остаётся только одно: сто-

реть от стыда и пуститься во все тяжкие, примазавшись к гражданам мира:

Что с этим чувством примиряясь,
Утратим зрение и слух.
И растворяясь, истончаясь,
Исчезнет вовсе русский дух...
И мы рассеемся по свету,
Забыв о Правде и Христе.
Была когда-то Русь — и нету,
И не воскреснуть на кресте.
И долго нам кружиться, нищим,
Меняя веры и места,
Как воронью над пепелищем
От пустозёрского костра.

Слава Богу, что в такой прогноз до конца не верит и сам поэт. Он надеется на другое: вот-вот к народу вернётся память о тех славных временах нашего Отечества, когда «царский лик и лик крестьянский «светился как бы изнутри».

В книге стихов «Скорбный слух» (2002) один из центральных образов — образ ноябрьской реки — природной силы, готовящейся застыть под спудом... В ней свои «приливы» и «отливы», о которых хорошо сказал критик: «Уже не пристальное вглядывание в современность, а вслушивание в набегающие волны будущего занимает и волнует поэта». Под «отливами» следует понимать всё то, что отнимает наши силы за то, что «мы Бога в Русском Слове потеряли». Вот почему: «Не слушая друг друга, все кричат...»; «И всё — кутерьма и морока»; «Всё на свете — смешно и тленно»; «И снова — мелочные склоки»; «Было Отечество. Было — и нету»; «Содрогнётся полуночный мир...»; «Когда не сможет Слово / Тебе ничем помочь». О духовном «отливе», вместе с которым утрачивается и часть души, поэт говорит как о небывалой катастрофе:

Умело замешана кем-то и споро, и круто,
Мятежно над Русью вздымается грозная смута.
Опять зашептались о Боге, о чёрте, о воле,

Опять не засеяно вовремя долгое поле.
Но брошено семя обиды, вины и позора,
И души наполнит мятежное пламя раздора.
Ни златом уже не сплотить, ни кнутом, ни любовью,
Готовьтесь умыться слезами, и потом, и кровью.
И вот захлебнулись от горя, тоски и от скуки,
И нищие грозно вздымают костлявые руки.
И звон колокольный. И крик журавлиной тревоги.
И тесно крестам над погостами возле дороги,
И времени нет, чтоб к кресту приложиться губами.
И ворон кружит над мерцающими куполами.
Рассветы багряны. И дымно-кровавы закаты.
Опять замышляют поход на Москву супостаты.
Кровавый туман над притихшей Россией клубится,
И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.

Но поэт сосредоточен не на одних отливах, он надеется на лучшее, на здоровые силы, которые дремлют в народе, на память, которая пусть — свет от угасшей звезды, но всё-таки «долгий свет».

И никуда от всего этого, что «аршином общим не измеришь», не денешься, как от своей тени или походки. Эта надежда звучит уже в названии второй части его первого сборника «Петербургская вьюга («Мерцающие купола»).

Этими думами и живёт творчество Дмитрия Мизгулина да ещё молитвами тех, кто увидел в его лирике не просто слова, а «Божий материал». По этому поводу Виктор Петров, член Союза писателей России, пишет в предисловии к очередной книге Дмитрия Мизгулина «География души» (2005): «Как стяжатель русской речи он в поэзии видит лекарство против... раковой опухоли безнравственности. Ему мучительно наблюдать, как осыпается отстроенное предками здание. Или, лучше сказать, собор русского языка, а вместе с ним и душа человека».

В стихотворении 2003 года «Давно не пахнет русским духом» он почти уверен в будущем России: не всё у нас потеряно, и у народа до конца не растрчены нравственные силы:

Давно не пахнет русским духом —
Проветрено насквозь.
Но будь уверен — где-то ухнет
Могучее «Авось».

Другой критик в предисловии к книге Дмитрия Мизгулина «О чём тревожилась душа» (2004), протоиерей Виктор Грозовский, пишет: «Автор книги не замыкает свою поэтическую душу в рамки своего собственного воображения и таланта, но и насыщает её теми благодатными дарами, которые ниспосылает Господь православным христианам в церковных таинствах. Он также совершает паломнические поездки по святым местам, и маршруты их самые разные: это и Святой град Иерусалим, и вечный город Рим, и многочисленные монастыри нашей необъятной Родины, ныне восстающие, как птица Феникс из пепла, и, наконец, святая гора Афон.

Греция. Предлагаемый читателю очерк «Под покровом Игуменьи горы афонской» знакомит нас с православной Грецией и, в частности, с Небом на земле — Афоном. Зоркий глаз очеркиста Дмитрия Мизгулина фокусирует наше внимание на религиозно-историческом аспекте описания паломничества».

Отношение к православной вере, как мы видим, у поэта и публициста Дмитрия Мизгулина трепетное... А, собственно, почему оно должно быть другим, если он ощущает себя в полной мере русским человеком, связанным со своим Отечеством, его традициями и обычаями, всем тем лучшим, что мы ещё успели сохранить из былой патриархальности благодаря нашим духовным подвижникам.

Не потому ли одно из любимых времён года у поэта зима. Зима, освящённая великим таинством Рождества. О нём — стихи 1989 года:

В ночь перед Рождеством
Время неторопливо,
Хочется стать счастливым
В ночь перед Рождеством.

И написанные через пятнадцать лет другие строчки о Рождестве полны восхищения перед рождественским чудом:

И рассеется вьюга вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажжётся звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

Именно в это время затихает бесовская сила, и у нас появляется надежда: этот Новый год будет лучше прежнего, жаль только, что жизнь коротка, как выпитая рюмка коньяка в новогодний вечер («Новый год на даче», 2004).

Зимняя бодрость лирического героя — не просто преодоление метельных мотивов русской поэзии (можно вспомнить «Бесов» Пушкина, «Двенадцать» Блока), олицетворяющих шабаш нечи-стой силы. Зимний пейзаж в стихах последних лет не враждебен человеку. Об этом свидетельствуют стихотворения «Мы стали с тобой далеки...»; «Смирил Господь. Болею»; «Вагончики. Сарайчи-ки. Балки...».

Лирический герой Мизгулина меняется, избавляясь от паники, страха, недоумения, владевших его душой в 1990-е вьюжные годы. Теперь перед нами уверенный человек, осознающий свою нравственную силу: он уже не бросит свою больную Родину-мать: «Я уеду из этой страны...», как это мы видим в стихотворении «Отъезд» 1991 года. Образное преломление темы «равнодушия» и «враждебности» природы и мира к человеку в осенне-зимних пейзажах отходит на второй план. Иначе видит Мизгулин и задача-и поэзии. Если в стихотворении 1992 года «А всё-таки спеши, спеши» поэт хотя и призывает спешить писать, но не верит в то, что его слово способно что-то изменить в этой жизни — «изгнать торгующих из храма». В стихах 2004 года он уже призывает к творчеству, как единственно возможному существованию того, кого Создатель наградил талантом.

В подражании Богу и заключен смысл человеческой жизни, его оправдание перед Творцом и, в частности, в уподоблении творчеством:

Пиши, пиши, писатель,
Покуда хватит сил,
Уж раз тебя Создатель
Талантом наградил.

Эти стихи обращают на себя внимание ещё и тем, что в них использован ритмический рисунок известного стихотворения «Ночь» (1956) Бориса Пастернака, в котором тоже звучит призыв к творчеству. Этот призыв Мизгулин как бы подхватывает.

Пастернак, призывая поэта к участию в творческом акте, считает его законом Вселенной:

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как лётчик, как звезда.
Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

Предшественник Мизгулина приравнивает труд поэта к высшему проявлению человеческой деятельности, перешагнувшей все пределы возможного: отсюда упоминание о лётчике и таком космическом объекте как звезда. И в этом гордость человека, покорителя природы, и потому одновременно здесь заключён весь безбожный двадцатый век. У Мизгулина иной взгляд на труд поэта, возможно, более близкий поэтам XIX века — Пушкину, Лермонтову. Ведь поэзия, особенно сегодня, не нужна людям, никто не хочет слышать голоса пророков. А поэт, не забывающий Христа, конечно же, говорит от его имени, он — пророк:

Ты в нашей жизни лишний,
Но не переживай,
Коль веришь, что Всевышний
Тебе откроет рай.

В лучах коварной славы,
В круговороте дел
Молись, чтобы лукавый
Тебя не одолел.

Бесовских игрищ зритель,
Не забывай Христа,
Уж раз тебе Спаситель
Слова вложил в уста.

И в этих стихах поэтическое кредо Дмитрия Мизгулина. Вообще, поэзия — портрет души художника. Его биография часто с нею мало связана. Поэтому нужно ли знать, где служит поэт, сколько у него жён или детей — всё это вовсе не обязательно. Именно в этом смысле поэт для читателя — миф. Потому что (это тривиальная мысль) в стихах действует лирический герой, а не сам автор, но зато лирический герой выражает то, «чего не увидишь глазами», и это, вероятно, уже не миф.

БИОГРАФИЯ

*Всё вместила моя душа
Без остатка и без возврата...*

Дмитрий Мизгулин родился 10 сентября 1961 года в г. Мурманске.

Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского в 1984 году и Литературный институт им. А. Горького в 1993 году.

Секретарь правления Союза писателей России.

Председатель Правления Ханты-Мансийской писательской организации.

Почётный житель города Ханты-Мансийска.

Академик Петровской академии наук и искусств, Российской академии естественных наук.

Начиная с 1980 года публикуется в литературно-художественных журналах: «Звезда», «Литературный Азербайджан», «Нева», «Молодая гвардия», «Наш Современник», «Российский колокол», «Юность», еженедельниках «Литературная Россия», «Литературная газета» и др. Автор более 30 книг стихов и прозы, в том числе «Петербургская вьюга» (1992), «Зимняя дорога» (1995), «Скорбный слух» (2002), «Две реки» (2004), «Ненастный день» (2011), «Чужие сны» (2013), сборника рассказов «Три встречи» (1993), литературных заметок «В зеркале минувшего» (1997), «Ночник» (2010), книжка для детей «Звёзд васильковое поле» (2002). Отдельными изданиями выходили книги на французском, английском, сербском, чешском, украинском, греческом, венгерском, болгарском, татарском, белорусском, немецком, эстонском, армянском, финском, китайском, азербайджанском языках и на иврите.

Лауреат многочисленных литературных всероссийских и международных премий и конкурсов, а также премии Правительства РФ в области культуры.

СТРОЧКИ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

*Чередуются не спеша
времена, события, даты...*

- 1980 первая публикация;
- 1984 окончил ленинградский финансово-экономический институт;
- 1992 книга стихов «Петербургская вьюга»;
- 1993 окончил Литературный институт им. А. М. Горького;
- 1993 сборник рассказов «Три встречи»;
- 1995 книга стихов «Зимняя дорога»;
- 1997 книга литературных заметок «В зеркале минувшего»;
- 2002 книга стихов для детей «Звёзд васильковое поле»;
- 2002 книга стихов «Скорбный слух»;
- 2003 книга стихов «О чём тревожилась душа»;
- 2004 книга стихов «Две реки»;
- 2004 лауреат премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка;
- 2005 книга стихов «География души»; 2005 лауреат премии «Петрополь»;
- 2006 «Избранные сочинения»;
- 2006 лауреат премии журнала «Наш Современник»;
- 2007 лауреат Всероссийской премии «Традиция»;
- 2007 лауреат премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы;
- 2007 книга стихов «Духов день»;
- 2008 книга стихов «Новое небо»;
- 2008 лауреат литературной премии им. Бориса Корнилова;
- 2008 дипломант Второго международного конкурса детской и юношеской литературы им. А. Толстого;
- 2008 лауреат премии журнала «Российский колокол»;
- 2008 дипломант Первого пражского международного литературного фестиваля;

- 2009 книга стихов «Утренний ангел»;
- 2009 книга стихов «Как будто жизнь ещё не начиналась...»;
- 2009 дипломант Второго пражского международного литературного фестиваля;
- 2010 книга публицистики «Ночник»;
- 2010 дипломант Седьмого международного поэтического конкурса «Золотое перо»;
- 2010 лауреат премии им. Анны Ахматовой журнала «Юность»;
- 2011 книга стихов «В зеркале изменчивой природы», фонд «Возрождение Тобольска»;
- 2011 книга стихов «Ненастный день»;
- 2011 лауреат Международной Лермонтовской премии;
- 2011 лауреат премии им. Дунина Горкавича фонда «Возрождение Тобольска»;
- 2011 лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» с вручением ордена «В. В. Маяковского»;
- 2012 лауреат литературной премии «Золотое Слово» газеты «Слово»;
- 2012 лауреат международного Санкт-Петербургского конкурса «Весна романса»;
- 2012 лауреат премии журнала «Нева»;
- 2012 лауреат фестиваля «Югорика — 2012»;
- 2012 книга стихов «Утренний ангел» в переводе Душко Паунковича признана лучшей на международном фестивале поэзии в Сербии;
- 2013 лауреат литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим»;
- 2013 лауреат Всероссийской литературной Премии «БЕЛУХА» им. Георгия Дмитриевича Гребенщикова;
- 2013 лауреат премии журнала «Молодая гвардия»;
- 2013 лауреат премии Правительства Российской Федерации (за просветительский проект в области литературы Альманах «День поэзии — XXI век»);

- 2013 Александр Семёнов стал лауреатом литературной премии УрФО за книгу «Всё вместила моя душа: концептосфера лирики Д. Мизгулина»;
- 2014 книга стихов «Чужие сны»;
- 2014 лауреат регионального конкурса «Книга года — 2014» в номинации «Лучшая художественная книга»;
- 2015 книга стихов «Доверяя душе»;
- 2015 лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. Лескова «Очарованный странник» в номинации «Поэзия» за собрание произведений «Избранное» (одиннадцать поэтических тетрадей);
- 2015 лауреат Всероссийской премии им. Фёдора Конюхова в номинации «Благое дело»;
- 2015 лауреат Всероссийской литературной премии «Русский путь» им. Ф. И. Тютчева;
- 2016 книга публицистики «Ночник», 2-ое изд. дополненное;
- 2016 книга стихов «Избранные стихотворения 2004–2015».
- 2016 книга стихов «Лесное озеро», перевод на китайский;
- 2016 книга «Семейный архив»;
- 2016 лауреат премии Союза писателей России «Имперская культура» за книгу «Деньги, банки, перо»;
- 2017 книга о творчестве Д. Мизгулина «Услышу голоса друзей» (2 тома);
- 2017 книга стихов «Избранные стихотворения» (1979–1994);
- 2017 книга стихов «Избранные стихотворения» (1995–2003, 2016–2017);
- 2018 книга стихов «Сожаление», переводы на иврит;
- 2018 книга стихов «Мгновенья встреч», переводы на армянский;
- 2018 27 июня в городе Варна (Болгария) в рамках 12-го международного фестиваля «Славянские объятия»

состоялось вручение главной награды фестиваля
«Летящее перо» Дмитрию Мизгулину –
за поэтическое творчество и заслуги в деле
культурного единения славянских народов;

2019 монография Евгения Каргаполова «Духовность
в творчестве русского поэта Дмитрия Мизгулина».

~~Dauntless~~

Дане сел
Дане сел имену и проба
По проба ретко се постоји.

✧ ✧ ✧

* * * *Сколько?*
 Что произошло? Почему двора? ... *небось*
 ... *наши, всеобщий*
 ... *подрука*

[illegible]

Уважаемые!
Уважаемые!
Уважаемые!
Уважаемые!
Уважаемые!

[illegible]

Влюблюсь в себя
Влюблюсь или не влюблюсь
Или не влюблюсь... Нам же минута отпущена
Или не влюблюсь... Нам же минута отпущена

20 храни...
 21 прощай...
 22 прощай...
 23 прощай...
 24 прощай...
 25 прощай...
 26 прощай...
 27 прощай...
 28 прощай...
 29 прощай...
 30 прощай...

Можно ли и почему?
Нужда в некоем первоначальном

Но жалеть нечего
обильно сердце зови -
сердце? Вспомнишь ли?

Слабость сердца? Восстанови
и твоё сердце, восстанови его,
и ты сможешь...

Удобно
находиться

Alfred Russel Wallace

Chrysomelids

СОДЕРЖАНИЕ

1979

«На первый путь прибудет поезд...»	8
«Стучит колёсами вагон...»	9
«Потянуло холодком...»	10
«Вода в Неве – чернее саж...»	11
«Недовольно гаснут фонари...»	12

1980

«Развели над Невой мосты...»	16
«За окном – всё крыши, крыши, крыши...»	17
«Ни на кого не обижаюсь...»	18
ВДОХНОВЕНИЕ	19
ОПТИМИСТ	20
«Внешних признаков волнения...»	21
«Три друга было у меня...»	22
«А знаешь что, Серёжа...»	23
«И споры продолжаются...»	24
ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ	25
«Мы помним тех, кого забыть должны...»	26
«Деревья седеют, как люди...»	27
«Ни по чьей вине...»	28
«Заголублили льдины...»	29
«То ли ранняя весна...»	30
«Привели к нам в класс мальчишку...»	31
«Иней на ветках пустых серебрится...»	32
«Ты расстроился – зима...»	33
РУЧЕЙ	34

1981

ПОЖАР В ЛЕСУ	38
«Забыться сном тяжёлым на рассвете...»	39
«Говорите, пожалуйста, тише...»	40

«Осенью похолодало...»	41
«Ты ждал наступленья зимы...»	42
«Наступила пора прощаний...»	43
«Опять кого-то воскрешают...»	44

1982

ПОСЛЕДНИЕ И ПЕРВЫЕ.....	48
«Мне говорят, что я слишком рационален...»	49
ЗМЕЯ.....	50
«Прощаясь наспех, навсегда...»	51
РОМАНС.....	52
БАЛЛАДА О БУКСИРЕ.....	53
«Наши мечты и надежды...»	55
«Снова меняются роли...»	56
СОЖАЛЕНИЕ	57
«С годами начинаешь гордиться тем...»	58
«Мёртвым, знаешь, всё равно...»	59

1983

СУВОРОВ.....	62
КАМНИ	64
В СОБОРЕ СВ. ВИТТА.....	65
«Что мне запомнилось в Праге...»	66
«Если б Иуда не сторговался...»	67
«Не витийствуй, не пророчь...»	68
БАБЬЕ ЛЕТО.....	69
«Я искал взаимности у леса...»	71
«Дай Бог тебе сильных врагов...»	72

1984

ПАМЯТНИК ПЕТРУ.....	76
ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР.....	77
МОЙКА, 12.....	78
«Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский...»	79

ДОМ, ГДЕ ЖИЛ ТЮТЧЕВ.....	80
НОЧУЮ В ГОСТЯХ.....	81
«Растаяли давно...»	82
БАЛЛАДА О СТАРОЙ ПЛАСТИНКЕ.....	83
БАЛЛАДА О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СЕТКЕ.....	84
ПЕРЕД РАССВЕТОМ.....	85
«Поэт воспитан был войной...»	87
«Хотел со всеми жить в ладу...»	88
«Уезжаю не навсегда...»	89
«Над Ригой притихшей осенние дуют ветра...»	90
«Остынет стакан...»	91
«Отара послушно бредёт за своим пастухом...»	93
«Как сговорившись, окна гаснут...»	94

1985

ПИСЬМО.....	98
«Хотелось любви и тепла...»	99
ВЗГЛЯД	100
В БОЛЬНИЦЕ.....	101
БАЛЛАДА О СКРИПКЕ.....	102
ЦИРК МОЕГО ДЕТСТВА	103
БАЛЛАДА О СТАРОЙ ЛЕСТНИЦЕ.....	105
ИНДИЙСКОЕ КИНО.....	106
«Нашей памяти долгий свет...»	107
«Посев взойдёт на вспаханной земле...»	108
«Встанешь утром рано...»	109
СНЕГОПАД.....	110
ВСТРЕЧА	111
ТАВРИЧЕСКИЙ САД.....	112
«В тот день я из Риги домой уезжал...»	114
ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСИЯ О ПОБЕГЕ НАПОЛЕОНА С ОСТРОВА СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ.....	115
«Был ли Фет евреем или немцем...»	116
ТУРГЕНЕВ НА ВОДАХ.....	117
БЕСТУЖЕВ-МАРАИНСКИЙ.....	118

Из цикла «ЗВЕЗДА АПШЕРОНА»

«Та женщина жила неподалёку...»	121
СУХОЕ ДЕРЕВО	122
«После ливней зеленеют склоны...»	123
ДОРОГА.....	124
«Туман лежит на дне долины...»	125
«Имея пять рублей, могу...»	126

1986

«Посмотришь вниз с крутой вершины...»	130
ПОСЛЕ ЗАСУХИ.....	131
«Сентябрь. Дождь. Мерцание залива...»	132
«Есть нечто меньше, чем любовь...».....	133
«Ночью в город приходит весна...»	134
«Трамвай летит над гулкими мостами...»	135
НА ПРОЩАЛЬНОМ БАНКЕТЕ.....	136
САКСАФОН	137
«Нелегко быть с эпохой на “ты”...»	138
РАЗДУМЬЯ В СТЕПИ.....	139
«В покинутом доме распахнуты двери...»	140
«Страдай, страдай, душа моя...».....	141
«Сухая и тёплая осень...»	142
В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ САДУ.....	143
В ДОНСКОМ МОНАСТЫРЕ У НАДГРОБИЯ СУМАРОКОВУ.....	144
«Будь как Иван Калита...».....	145

1987

«Сошла с небес полночная звезда...».....	148
«Крадучись, вползает в дом беда...»	149
«Птицы стремятся к теплу...».....	150
«Привычный путь до отчего порога...»	151
«Дрожащие тени ложатся...»	152
«А всё-таки спеши, спеши...»	153

1988

«Позабытый погост...»	156
КАДРЫ КИНОХРОНИКИ.....	158
«Время пришло собирать камни...»	159
«Миновала пора листопада...»	160
ДАНЗАС	161

1989

«В ночь перед Рождеством...»	164
ЗАБЫТАЯ ФОТОГРАФИЯ	165
ПОСЛЕ ОХОТЫ.....	166
«Этот город в тумане чахоточных, тусклых ночей...»	168
«Птицы возвращаются домой...»	170
ФЁДОР РАСКОЛЬНИКОВ В ПАРИЖЕ	171
«Вновь устав от жизни бестолковой...»	173
ДОРОГА ЧЕРЕЗ КЛАДБИЩЕ	174
СМУТА.....	175

1990

КИТЕЖ-ГРАД.....	178
ЛЕСНОЕ ОЗЕРО	180
«На Родине – как на вокзале...»	181
«Остывает родная земля...»	182
«Дымится мгла морозного тумана...»	183
«За окном – ноябрьский дождь и ночь...»	184
ЗИМА.....	185
«Мой стих уныл, как зимняя дорога...»	187
В ХРАМЕ ФЁДОРА СТРАТИЛАТА.....	188

1991

НА ВЫСТАВКЕ РУССКОГО ПОРТРЕТА.....	192
ВСТРЕЧА	194
«Сказал Пророк: “Жить не по лжи...” ...»	196

«Как хорошо, что я один...»	197
«Осенью поеду на охоту...».....	198
«Когда едва-едва светает...»	199
«Как много слов мы говорим подчас!..»	200
«Не думать, наверное, проще...»	201
ОТЪЕЗД	202
«Над храмом Бориса и Глеба...»	204

1992

«Да, мы запомним это лето...»	208
«И вот опять – долой, долой!..»	209

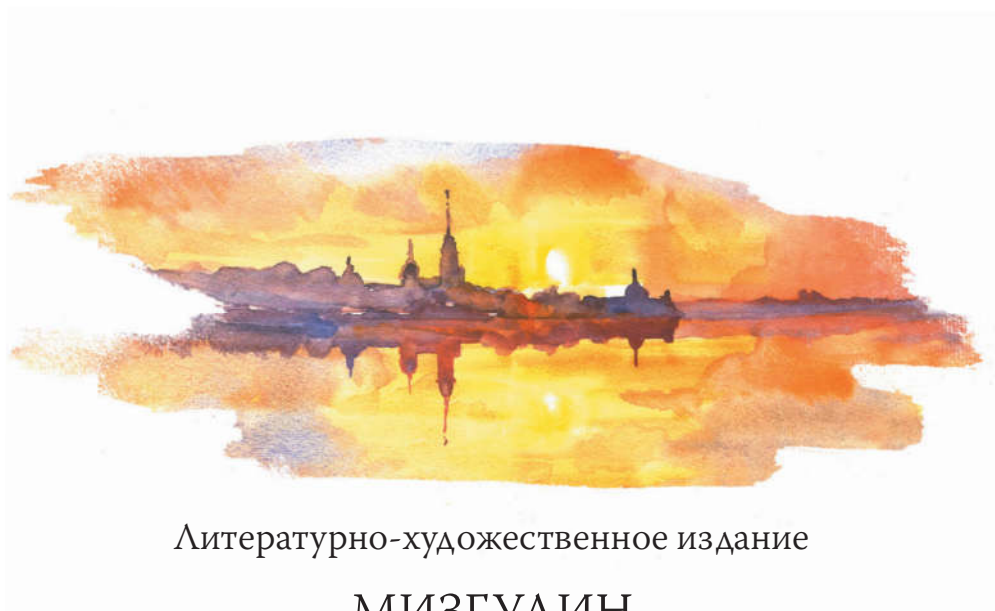
1993

«Передумал. Переболел...»	212
«Не дай-то Бог, случится...»	213
«Места для боли в душе не осталось...»	214

1994

ЖИЗНЬ	218
«Ты говоришь мне: “Будь спокоен”...»	219
«Кажется, что жизнь сошла на “нет”...»	220
«За часом час – и день проходит...»	221
«Когда-то Солнце было Богом...»	222
Надежда умерла, а мы живём...»	220
«У всех народов – праздники и будни...»	224
«Тает в стынущей роще...»	225
ВОКЗАЛ	226
«Зимняя дорога...»	227

ВСТРЕЧА С Д. МИЗГУЛИНЫМ. М. Рябий	228
Д. Мизгулин. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ.....	260

Литературно-художественное издание

МИЗГУЛИН

Дмитрий Александрович
Избранные стихотворения

2-ое издание дополненное

Некоммерческое издание

Редактор В. А. Рыбакова
Верстка и дизайн – А. А. Евменова
Корректор В. А. Неёлова

Подписано к печати 17. 07. 2019. Формат 60х84/16

Бумага мелованная. Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. 17. Тираж 1000

Заказ

Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06